

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИИМК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИИМК/4 экз.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   И С Т О Р И И   М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й   К У Л Ь Т У Р Ы   И М Е Н И   Н . Я . М А Р Р А

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXII

015

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва   1950   Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Е. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННИХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ

Классический образец глубокой, смелой и гениальной марксистской мысли — сочинения И. В. Сталина — богатейший источник исторических знаний и самое верное руководство при конкретно-историческом исследовании.

Работы товарища Сталина являются примером исторического подхода к изучению общественного развития, глубочайшего анализа исторического процесса и поразительного умения извлекать уроки из истории. Крупнейшие узловые вопросы истории древнейших обществ, обществ эпохи феодально-крепостнического строя, капитализма и особенно эпохи империализма, подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, процесса построения социализма — получили свое разрешение на страницах сочинений товарища Сталина.

Гениальное произведение И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» — это философское обобщение всего богатейшего опыта борьбы рабочего класса и коммунистической партии за социализм, самой богатой и сложной в истории человеческого общества эпохи; труд этот поднял научную философию пролетариата на новую, высшую ступень.

В работах В. И. Ленина и И. В. Сталина постоянно указывается, что для изучения общественных явлений необходим исторический подход. Только такой подход является истинно научным, позволяющим обнаружить те закономерности, которые лежат в основе общественного развития. Товарищ Сталин указывает, что «без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груды нелепейших ошибок».¹

Чтобы изучить законы общественного развития, следует помнить, что главной силой, определяющей характер общественного строя, является способ производства. Товарищ Сталин дает четкое определение способа производства, как воплощения единства производительных сил и производственных отношений и показывает, что «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей».²

Требую от исторической науки изучения законов экономического развития общества, товарищ Сталин указывает на необходимость изучения истории самих производителей материальных благ, истории трудящихся масс.

«Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, явля-

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М., 1947, стр. 540.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

ющих основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества.

Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов». ³

Для нас, археологов, изучающих историю прежде всего по вещественным источникам, это указание товарища Сталина является неоценимым по своему научному значению. Мы никогда не должны забывать, что в том колоссальном материальном наследии, которое доставляют науке исследуемые нами археологические памятники — стоянки, городища, селища, курганы и могильники, — заключена многовековая история именно трудящихся масс, «производителей материальных благ».

Кроме людей, в производительные силы общества входят также и орудия производства. Говоря об особенностях производства, товарищ Сталин подчеркивает, что изменение в способах производства начинается в первую очередь с изменения орудий производства.

«Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства. Производительные силы являются, стало быть, наиболее подвижным и революционным элементом производства. Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, в зависимости от этих изменений и соответственно с ними — изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей». ⁴

Исходя из учения Маркса, Энгельса и Ленина о революционной роли новых общественных теорий, возникающих в процессе развития и изменения производственных отношений, товарищ Сталин дал глубокую характеристику той огромной преобразующей роли, которую играют в развитии общества передовые идеи.

Эти общие положения, являющиеся руководящими принципами современной марксистской исторической науки, подробно разработаны И. В. Сталиным и в конкретном применении к отдельным этапам истории человечества. Сталинская характеристика основных особенностей первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического строя — образец марксистско-ленинского анализа этапов развития человеческого общества.

Еще в 1906—1907 гг. в своей работе «Анархизм или социализм?» товарищ Сталин показал, что уже в первобытную эпоху прогрессивная смена различных типов хозяйства влечет за собой прогрессивную смену форм общественной жизни. Так, смена охоты первобытным земледелием вызвала появление матриархата. Смена первобытного земледелия скотоводством привела к смене матриархата патриархатом. Более развитое земледелие и металлургия повлекли за собой смену патриархата рабовладельческим строем. Таким образом, товарищ Сталин не только обосновал научную периодизацию истории первобытного общества, но и показал конкретный пример зависимости общественного строя от тех изменений, которые происходят в развитие экономики.

Наиболее полную характеристику первобытно-общинного строя товарищ Сталин дал в четвертой главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Он ука-

³ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 117.

зывает, что примитивный характер каменных орудий заставлял людей объединяться в общем труде; это вызвало появление общественной собственности на средства и продукты производства. Общественная собственность на средства производства и является главной характерной чертой первобытно-общинного строя. При первобытно-общинном строе не было ни эксплуатации, ни классов. Утверждения буржуазных реакционных историков об извечном якобы существовании частной собственности и классовой эксплуатации ложны. При первобытно-общинном строе «не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей».⁵

Чрезвычайно ценны высказывания И. В. Сталина относительно рабовладельческого способа производства и рабовладельческого общества. Он указывает, что замена каменных орудий металлическими, появление скотоводства, земледелия, ремесленных производств и разделение труда между производственными отраслями создали возможность обмена продуктов, возможность накопления богатств в руках немногих, сосредоточения средств производства в руках меньшинства и превращения этим меньшинством трудящихся масс в рабов. Основной чертой рабовладельческого строя является собственность рабовладельца на средства производства, а также на непосредственного производителя материальных благ, на раба.

Длительная классовая борьба рабов с рабовладельцами привела к крушению рабовладельческого общества. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся».⁶

С помощью глубокого диалектического анализа товарищ Сталин не только вскрывает значимость каждого исторического факта, но и ту историческую закономерность, которая в данном факте обнаруживается. Развитие производительных сил неизбежно привело к тому, что старый рабовладельческий способ производства сменился феодальным.

Ценнейшие указания по вопросам этногенеза народов, образования национальных государств, складывания и развития наций историки находят в трудах товарища Сталина. Он показывает, что в ранний период существования племен и народов не было наций, не было и прочных государственных образований. Огромные государства Кира или Александра Македонского, образовавшиеся из разных племен и рас, представляли собой не нации, «а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя».⁷

Только в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма происходит складывание людей в нации и сопутствующее ему образование национальных государств. Так, например, «англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма».⁸ Для исторической науки особенно важны сформулированные товарищем Сталиным характерные признаки нации, которые помогают определить ее как историческую категорию эпохи поднимающегося капитализма и отличить ее от племени и народности, являющихся этнографической категорией.

Уделяя большое внимание этногенезу народов, товарищ Сталин разоблачает лженаучные расовые теории об извечном существовании якобы чистых

⁵ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119.

⁶ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М., 1947, стр. 412.

⁷ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

⁸ Там же, стр. 303.

рас с особыми выдающимися способностями. Он показывает, что все современные нации образовались исторически в результате смешения и ассимиляции разных племен и рас.

«Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён».⁹

В сочинениях И. В. Сталина даны теоретические основы изучения этногенеза народов. Советские археологи подчинили исследование истории материальной культуры разрешению поставленной товарищем Сталиным перед исторической наукой задачи по изучению и раскрытию законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества. Вопросы социальной и политической истории и истории идеологических явлений они разрешают в постоянной связи с изучением господствующих в ту или иную эпоху типов производственных отношений. Сталинские идеи, которыми руководствуются советские археологи, последовательное применение их в конкретной работе послужили основой для создания самых передовых в мире приемов советских археологических исследований и обеспечили крупные достижения в области изучения истории материальной культуры различных периодов общественного развития, в изучении истории древнейших племен, этногенеза славян и других народов нашей великой Родины, истории материальной культуры русского народа и закономерностей ее развития.

Проникнутые творческой марксистско-ленинской идеологией и высокой принципиальной партийностью, труды И. В. Сталина развивают теорию исторического материализма и содержат ценнейшие решения многих проблем истории человечества. Указания товарища Сталина являются исходными для дальнейшего мощного подъема советской исторической науки. Советские историки и археологи должны всегда стремиться глубоко изучать и разрабатывать на конкретном фактическом материале те вопросы, которые поставлены в гениальных трудах корифеев нашей науки — В. И. Ленина и И. В. Сталина.

I. СООБЩЕНИЯ

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
за 1948 г.¹

ИНФОРМАЦИЯ

1—2 марта 1949 г. состоялась Сессия Отделения истории и философии, посвященная итогам полевых археологических исследований ИИМК. На заседаниях Отделения и последовавших за ними (3—5 марта) пленарных заседаниях ИИМК были подведены итоги полевых археологических исследований за 1948 г. 58 докладов руководителей экспедиций и открывшаяся к Сессии большая выставка находок отразили необычайный размах работ и огромные успехи археологической науки в нашей стране.

Заседания открылись вступительным словом академика Б. Д. Грекова, указавшего на значительную роль археологии в развитии советской исторической науки. Партия и правительство уделяют огромное внимание памятникам древности. Об этом еще раз свидетельствует принятый новый закон об охране памятников культуры, раскрывающий перед учеными СССР новые богатейшие перспективы изучения археологических и исторических памятников. Забота правительства обязывает археологов ответить еще более углубленной разработкой основных научных проблем.

В 1948 г. экспедиции ИИМК были развернуты особенно широко. В связи с решением о составлении истории Монгольской Народной Республики историко-этнографическая экспедиция подвергла исследованию многие памятники древней Монголии и среди них — столицу чингизидов Кара-Корум; экспедиция приобрела обильный материал по культуре и хозяйству этого почти не освещенного письменными документами древнего городского центра монголов. Доклад о результатах работы в Монголии сделал руководитель экспедиции — С. В. Киселев.

В 1948 г. продолжались раскопки по изучению древнерусских городов; работы велись в Новгороде, Пскове, Вщиже, Старой Рязани, Полоцке, Муроме, Вологде, Киеве, Старой Ладоге.

Начальник Новгородской экспедиции А. В. Арциховский сообщил, что в 1948 г. были продолжены раскопки на Ярославовом дворище. Здесь были открыты мостовые вечерней площади, состоявшие из пяти ярусов настилов, последовательно сменявших друг друга в течение XII — XV вв. Найдена деревянная часть дворца Ярослава Мудрого, упоминаемого в летописи, большое количество жилых срубов, сложная водопроводная система. Впервые за все время раскопок найден слой древнейшего поселения VIII—IX вв. Число добытых вещей велико. Новые материалы подтверждают

¹ Часть докладов печатается в КС ИИМК, вып. XXXIII, 1950 г.

высокий уровень культуры древнего Новгорода. Кроме Ярославова дворища, раскопки велись на городском валу и в местности Перынь, находящейся в 4 км от Новгорода. На городском валу, у открытой в 1947 г. мощной каменной стены XIV в., раскопаны ворота того же времени, через которые шла дорога на Москву. Это открытие имеет большое значение для истории русской фортификации. В Перыни, где, по летописи, в X в. был храм Перуна, обнаружен мощный слой поселения IX—X вв.

В результате раскопок в Пскове, сообщила руководитель экспедиции С. А. Тараканова, установлено, что Псков возник на базе древнего славянского поселения, находившегося на территории Псковского кремля. Вскрытие крепостных укреплений города VIII—IX вв. дает основание датировать тем же временем возникновение Пскова как города.

В докладе о работах Киевской экспедиции М. К. Каргер указал, что в Киеве были возобновлены исследования «города Владимира», раскопками обнаружен ряд мастерских домонгольского периода. Экспедиция произвела также раскопки у с. Зарубинцы на Днестре, на месте развалин Зарубского монастыря. Здесь было установлено местоположение древнего города Заруба, важнейшей крепости Киевской Руси, блокировавшей переправу через Днепр у Переяслава.

Б. А. Рыбаков проводил раскопки на городище древнего летописного Вщижа. Он сообщил о находке на самом Вщижском городище жилища и кладбища XII в. и дома война XII в. с интересным инвентарем (позолоченная личина от шлема, копье, шпоры, удила, часть щита и др.). Вщиж представляет собой обширный княжеский замок.

На левом берегу Десны обнаружена группа курганов среднеднепровской культуры бронзового века.

В городе Великие Болгары в 1948 г. были проведены раскопки в ремесленных кварталах. Руководитель экспедиции А. П. Смирнов сообщил, что большой интерес представляют остатки металлических мастерских XIV в., свидетельствующих о местной выделке чугуна задолго до начала его производства на западе Европы.

Вопросам истории древнеславянских племен Восточной Европы были посвящены археологические исследования И. И. Ляпушкина в левобережной Украине, на Десне и на Сейме.

Тесно связаны с вопросами славянского этногенеза работы, ведшиеся ИИМК совместно с Институтом археологии УССР по изучению культуры скифских племен на Немировском и других соседних поселениях и городищах. М. И. Артамонов в своем докладе об археологических исследованиях в южной Подолии рассказал об исследовании Севериновского и Немировского скифских городищ. Установлено время возведения грандиозных укреплений этих городищ — в VI в. до н. э. Раскопаны скифские жилища-землянки и рядом с ними зерновые ямы.

Тавро-скифская экспедиция в 1948 г. продолжала работы на Неаполе Скифском. П. Н. Шульц сообщил, что закончены раскопки центральных городских ворот и прилегающего участка стен. Произведено обследование приморских скифских городищ и селищ на западном побережье Крыма. Были исследованы памятники горных тавров. Выясняется, что культура скифов и поздних тавров в Крыму легла в основу последующих процессов развития культуры местного смешанного тавро-скифо-аланского населения эпохи раннего средневековья.

В 1948 г. продолжалась работа по изучению античных городов: Ольвии, Пантикапея, Фанагории, Киммерика, Тиритаки, Мирмекия и Илурата.

В. Ф. Гайдукевич рассказал о раскопках древнего Илурата, боспорского города II—III вв., расположенного юго-западнее Керчи, близ Чуруболитского озера. Город был хорошо укреплен и представлял собой крепость,

входившую в систему обороны подступов к Пантикапею со стороны степи и бывшую важным опорным пунктом на случай прорыва кочевников через Киммерикский оборонительный вал.

В. Д. Блаватский сделал доклад о раскопках Пантикапея, производившихся в четырех пунктах на горе Митридат. Эти работы позволили установить западную границу города и выяснить характер жизни отдельных частей города, в том числе его акрополя, в разные периоды его существования.

Т. Н. Книпович сообщила об основных итогах работ Ольвийской экспедиции. Кроме раскопок на территории города, были развернуты обследования поселений в районе Ольвии, существовавших с VI в. до н. э. по первые века н. э.

М. М. Кобылина продолжала работы предшествующих лет по изучению археологической топографии города Фанагории.

Е. И. Крупнов сообщил о результатах работ Северокавказской экспедиции, проведенных на территории Кабардинской АССР и Грозненской области. Важнейшим достижением экспедиции является получение множества данных, доказывающих значительность включения скифских элементов в культуры Северного Кавказа.

К. Ф. Смирнов сообщил о раскопках Таркинского могильника (в районе гор. Махач-Кала) — первого памятника сарматской культуры на территории Дагестана, позволившего установить, что сарматская культура приморской части Дагестана представляет синтез древних местных, закавказских и сарматских северокаспийских элементов с преобладанием последних.

Б. Б. Пиотровский продолжал археологические исследования в Армении (экспедиция АН Армянской ССР). В Кировакане открыт богатый курган (средины II тысячелетия до нашей эры); в нем обнаружена золотая чаша с изображениями львов, ожерелье, серебряные сосуды, бронзовое оружие. Подобные памятники известны в Триалети (Груз. ССР), и находка их в Кировакане доказывает, что эта древняя культура, связанная с культурой западных областей хеттского царства, была распространена на широкой территории Закавказья. На Кармир-Блуре, вблизи крепости, начаты раскопки города, древнейшего из известных сейчас на территории СССР. Город имел характерные черты древневосточного города рабовладельческого строя; он был построен по заранее установленному плану и заселен урартскими чиновниками, воинами урартского гарнизона и ремесленниками.

В Средней Азии С. П. Толстов в еще большем масштабе, чем прежде, проводил исследования древнего Хорезма. Продолжение раскопок дворца Топрак-Кала привело к находке хозяйственного архива в виде 80 документов на дереве, коже и бумаге, писанных древнехорезмийским алфавитом. Большое значение имеют также раскопки в северной части Кызыл-Кумов городища Алтын-Сор, которое, по видимому, принадлежало сыр-дарьинским тохарам. Эти исследования помогут разъяснить весьма неясную в историографии тохарскую проблему.

А. Ю. Якубовский рассказал об исследованиях древнего Пенджикента, дофеодального города VI—VIII вв. Особенно интересным и важным являются открытия замечательных фресок, написанных земляными красками на стенах двух раскопанных зданий. Они дают богатейший материал для истории, идеологии и изобразительного искусства древних таджиков.

А. Н. Бернштам сделал доклад об археологических исследованиях на Памире, ликвидировавших одно из белых пятен на археологической карте СССР. Работы экспедиции позволили установить этапы развития культуры Памира и Алая.

А. П. Окладников сообщил о результатах археологических исследований в Бурят-Монгольской АССР, проведенных в важнейших, с точки зрения древней истории Забайкалья, районах.

С. И. Руденко рассказал о раскопках Пазырыкских курганов, давших замечательные образцы скифского «звериного» стиля. В курганах полосы вечной мерзлоты обнаружены бальзамированные погребения с татуировкой на теле. Найдено множество бытовых предметов из кожи, войлока, дерева и других материалов. Удалось восстановить картину хозяйства и быта населения, оставившего курганы.

В. Н. Чернецов в докладе об итогах работы Обь-Иртышской экспедиции показал возможность нового решения некоторых вопросов древней истории и этнографии народностей Северо-Западной Сибири. В эпоху бронзы развитие материальной культуры племен нижнего Приобья протекало под влиянием более развитых племен степной зоны Западной Сибири. В I тысячелетии до нашей эры в Ишимско-Барабинской лесостепи формируются племена кочевников-коневодов, культура которых имеет ряд местных черт, позволяющих видеть в этих кочевниках раннеугорские племена. Позже угры проникают в таежную полосу на нижний Иртыш и Обь, где в результате смешения их с местным населением возникают новые племена, культура которых известна под названием «усть-полульской». Проникновение угорских племен и последующее смешение их с местным таежным населением послужило исходным моментом формирования современных хантов и манси.

В целях изучения каменного века и энеолита ИИМК совместно с научными организациями на местах организовал в 1948 г. ряд экспедиций, охвативших огромную область от Кольского полуострова и Карелии до южных областей Туркменистана. Этими раскопками собран новый материал по истории племен, населявших территорию СССР с глубокой древности. Под руководством С. Н. Бибикова, Днестровская экспедиция продолжала раскопки жилищ на раннеземледельческом поселении у с. Лука-Врублевцевка (на среднем Днестре). Обнаруженные здесь жилые комплексы можно отождествить с большими родовыми домами, характерными для первобытно-общинного строя.

Руководитель Трипольской экспедиции ИИМК и Института археологии АН УССР Т. С. Пассек в своем докладе остановилась на результатах археологических разведок, проведенных экспедицией в новом, мало исследованном районе, на правом берегу Днестра. Здесь было открыто свыше 30 трипольских родовых поселений с очень разнообразным и богатым культурным слоем. Трипольские поселения в Поднепровье, так же как и в Поднепрровье и Побужье, являются большими родовыми поселками с многосемейными домами, в которых жили по несколько парных семей матриархально-родового общества. Впервые на этих поселениях обнаружено большое количество кремневых орудий и остатки древних мастерских.

Кроме охарактеризованных выше основных докладов, на Сессии Отделения истории и философии и на Пленуме ИИМК в дни Сессии состоялось много докладов и проходило оживленное обсуждение их в секциях. С докладами в секциях выступали, кроме сотрудников ИИМК, многие ученые, приехавшие из разных республик и областей СССР — с Украины, из Белоруссии, Казахстана, Сибири, с Урала, Средней Азии и др.

По окончании Пленума с заключительным словом выступил директор ИИМК член-корр. АН СССР А. Д. Удадьцов, призвавший ученых к скорейшему изданию результатов работ за 1948 г. и к созданию на основе марксистско-ленинской методологии новых обобщающих научных трудов.

II. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ

С. И. РУДЕНКО

РАСКОПКИ ПАЗЫРЫКСКОЙ ГРУППЫ КУРГАНОВ

Первые археологические раскопки в Горном Алтае, открывшие там замечательные памятники культуры скифского времени, были произведены в семидесятых годах XIX в.; систематические же исследования начались только в советское время, когда, помимо рядовых погребений, были вскрыты большие курганы в долинах рек Урсула, Каракола и Улагана. Из них особо выделилась группа Пазырыкских курганов в долине р. Улагана. Первый курган этой группы был раскопан в 1929 г., второй был вскрыт в 1947 г. Доследование второго кургана было закончено в 1948 г.; одновременно с ним были раскопаны курганы третий и четвертый. Поскольку результаты раскопок второго кургана, производившихся в 1947 г., опубликованы,¹ ниже сообщается только о раскопках 1948 г.

В начале июня 1948 г., по прибытии на место работ мы нашли курган № 2 в том же виде, в каком оставили его в 1947 г. Фронт работ в кургане № 2 был ограничен, а так как оттаивание почвы шло крайне медленно, то было ясно, что потребуется много времени на его полное вскрытие. Между тем по снятии каменной наброски и земляной насыпи с кургана № 3 (рис. 1) мы и здесь, на уровне верхней поверхности погребенной почвы, встретились с мерзлотой, которая задерживала дальнейшую нормальную работу. Так как работа в вечно мерзлых грунтах крайне трудоемкая и мало эффективная, приходилось ожидать, пока грунт оттает естественным путем, что в сутки давало глубину 5—8 см. Поэтому было приступлено к разборке каменной наброски еще и малого кургана № 4. Дальнейшие работы планомерно и систематично велись во всех трех курганах (№ 2—4) по мере таяния грунта, с перерывом нередко в один-два дня в том или другом кургане, пока шло таяние.

К у р г а н № 2. При расчистке могильной ямы, как и в 1947 г., встречались многочисленные колья, с помощью которых рылась могильная яма, а при засыпке брошенные в нее. Дополнительно к находкам 1947 г. найдена одна целая колотушка и одна поломанная. Часть кольев была обнаружена забитыми в стены могильной ямы. Они придерживали жерди, видимо, крепления стенок могильной ямы от оползней и обвалов. Как было установлено, бревна навала (длиной 6.5—6.8 м) были положены комлями на запад. Большинство бревен (лиственница) неокорено, и только немногие наиболее толстые окорены. Окорка производилась в нижней комлевой части бревен на высоту 1.25—1.50 м, повидимому, тем же способом, как это делают и теперь телесы,— с прямым нижним и продольным края-

¹ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Предварительное сообщение 1948 г. Изд. Гос. Эрмитажа.

ми и с зигзагообразным — верхним. Это указывает на то, что погребение вряд ли производилось поздней осенью, когда большой и притом цельный пласт лиственничной коры снять было невозможно. Близ центра могилы, в бревенчатом накате, найдена деревянная лопата — орудие, употреблявшееся при рытье могильной ямы.

При вскрытии потолка наружной камеры в западной ее части под слоем курильского чая обнаружена кора лиственницы в один-два слоя и под нею — береста в шесть слоев; местами, где один край заходил за другой, — в восемь слоев. Береста в виде больших полотнищ была положена поочередно наружной и внутренней стороною вниз.

Длина бревен потолка наружной камеры 6.4 м. Всех бревен этого потолка было 28, диаметром 15—22 см. Они тщательно очищены от коры, срезаны и подчищены все сучки. Подтесыванием боков бревна тщательно пригнаны одно к другому. Выемками на концах бревна потолка уложены на верхний венец камеры так, что их концы выступали за наружные (восточную и западную) стенки камеры на 17—20 см. Бревна этого верхнего потолка частью были направлены концами на запад, частью — на восток.

Потолок внутренней камеры, в отличие от наружной, помимо стесов боковых для пригонки одного бревна к другому, имел еще стесы с внутренней, нижней стороны. Состоял он из 20 бревен, не считая двух (северного и южного) бревен верхнего венца внутренней камеры, входящих в состав потолка. Длина этих бревен 5.4 м, диаметр 15—20 см; тщательно пригнанные одно к другому (как и в потолке наружной камеры), они в большинстве комлевыми частями обращены на восток, частично — на запад.

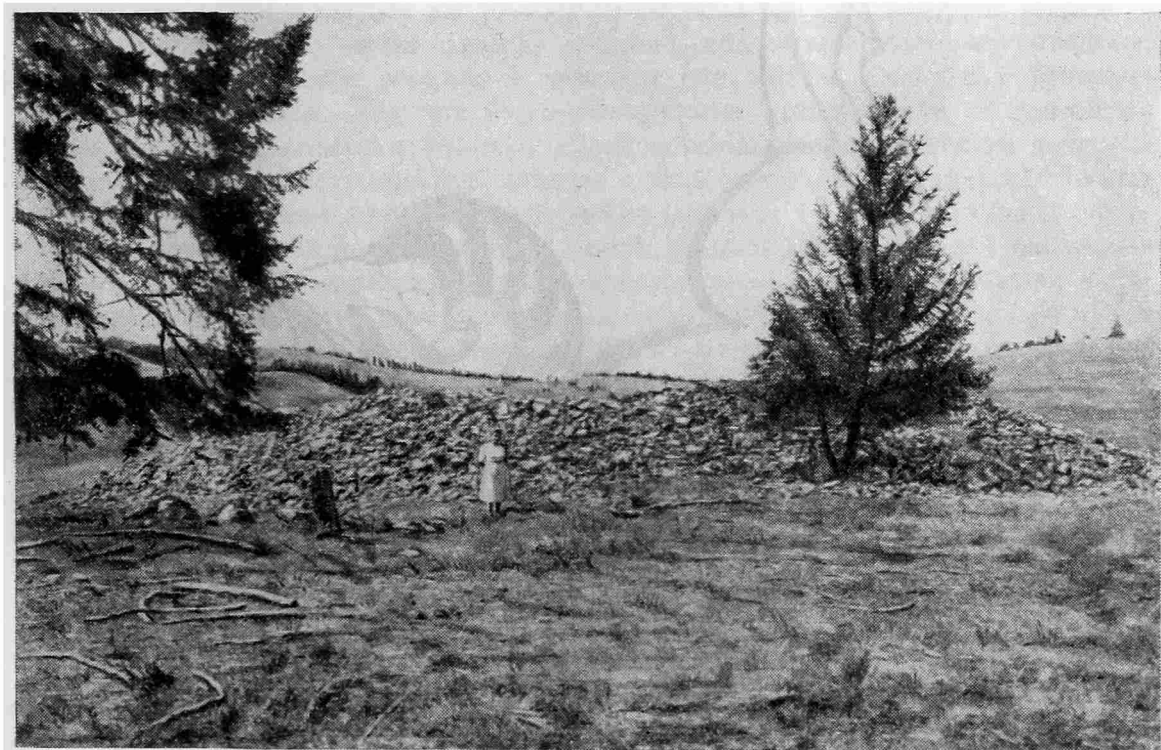
Между верхним краем наружной камеры и западной стенкой могильной ямы найдено цельное колесо шириной 30 см, выделанное из ствола лиственницы диаметром 30 см, со втулкой 10 см в диаметре. Втулка густо смазана дегтем.

В день снятия потолка внутренней камеры лед заполнял ее почти целиком, за исключением части, исследованной в 1947 г., где мощность льда была всего 60 см. Медленно (сантиметров по семи в день) лед в камере таял, а вода вычерпывалась. Тело мужчины частично освободилось от льда; лежало оно спиной кверху. На правой руке и на спине обнаружена татуировка темносинего, почти черного цвета; кожа тела — коричневого оттенка. Рука была нами ампутирована, рисунок со спины был переведен на целлофан, тело обложено льдом. Окончательно тело было освобождено от льда через три дня. У западной стенки камеры, к северу от тела мужчины обнаружена оторванная от него левая нога, а к югу — кисть правой руки. Татуировка оказалась и на ногах. Очень плохо сохранилась кожа на груди и животе. Плохой сохранности была левая рука и особенно левая нога. Живот от грудины до лобка был вскрыт, внутренности извлечены, после чего живот был зашит кручеными сухожильными нитками. На ногах и руках у плеч оказались многочисленные глубокие уколы, видимо, острием ножа, шириной до сантиметра — вероятно, для введения консервирующего вещества внутрь мышц, как предохранительная мера от разложения. Кроме того, на теле, в частности на ступнях ног, остались следы глубоких ударов кельтом, нанесенных уже грабителями.

Татуировка состоит исключительно из изображений фантастических животных, таких, как олени с мордами, заканчивающимися орлиными клювами, и отростками ветвей рогов и длинными хвостами с птичьими (прифонными) головками (рис. 2, а), львиные грифоны крылатые и без крыльев, изображения горного козла, как и оленей, с вывихнутым задом (рис. 2, в). Там же находим изображения осла, налива, серии бегущих один за другим архаров.

a

б

Рис. 1. Пазырыкские курганы
a — курган № 3. Разборка каменной насыпи; ***б*** — курган № 5. Насыпь. Вид с Ю.

а

б

Рис. 2. Пазырык. Погребение. Татуировка рук бальзамированного тела
а — левой; б — правой

Обычай бальзамирования тел умерших у западных скифов подробно описан Геродотом; в Горном Алтае он был установлен предшествующими раскопками; татуировка же тела обнаружена впервые. Выполнена она методом накалывания и введения под кожу сажи задолго до смерти, по всей вероятности, еще в молодости погребенного. Стиль изображения — характерный скифский «звериный». Непосредственных указаний на обычай скифов покрывать тело татуировкой мы до сих пор не имели. Однако по историческим данным, в частности по сведениям Геродота, известно, что в I тысячелетии до н. э. татуировка тела имела широкое распространение в Ассирии, Фракии, Иудее и Малой Азии. Практиковалась она в Греции и Риме. С полной определенностью о наличии татуировки у западных соседей скифов, агафирсов, сообщает Пампоний Мела. Он пишет, что они разрисовывают лица и тела одними и теми же рисунками так, что смыть их невозможно. Аммиан Марцеллин добавляет, что племя это раскрашивало все тело голубым узором. По словам Плиния, мужчины даки и сарматы расписывали себе тело.

Помимо самого факта наличия татуировки у населения Горного Алтая скифского времени, чрезвычайный интерес представляют мотивы этой татуировки и стиль ее выполнения.

Физический тип погребенных в исследованных курганах — сравнительно высокий рост и наличие монголоидных черт, характерных для южного туранского варианта большой монгольской расы.

Вещи, разбросанные грабителями, были найдены преимущественно в трех местах: у колоды-саркофага, в юго-западном углу камеры и под крышкой колоды, в западной ее части. Остальные были извлечены в 1947 г. Под крышкой колоды найдена вырезанная из дерева скульптурная головка рогатого львиного грифона, рог оленя, вырезанный из кожи; у колоды, во льду на высоте до 50—70 см от пола камеры найдены вырезанные из кожи изображения оленей, медные крылатые львиные грифоны, бусы, бисер, бронзовое зеркало в меховом (из шкуры леопарда) футляре, украшенном бисером. Там же была обнаружена привязанная к одной из палок шестиноги кожаная фляжка с двусторонним изображением тетерева в когтях грифа и часть шейной гривны с изображением крылатых львиных грифонов. В кожаной фляжке были семена конопли (*Cannabis sativa* L.; форма *C. ruderalis* Janisch повидимому дикой, сорной). Восточнее указанных предметов найдены вырезанные из дерева фигурка оленя, втульчатый роговой наконечник стрелы. Около колоды лежал разрубленный на куски чулок из тонкого войлока и части золотых серег с зернью и эмалью, второй втульчатый роговой наконечник стрелы и лоскуты тканей и меха.

В западном секторе, под упоминавшейся кожаной фляжкой, стояла бронзовая котловидная курильница с ручками, обернутыми берестой (рис. 3). Курильница была наполнена камнями. Под ее дном был слой черного войлока, покрывавшего пол; на дне под камнями оказались семена конопли, частью обуглившиеся. Над курильницей стояла свалившаяся шестинога из палочек; к одной из палочек была привязана упомянутая выше кожаная фляжка с семенами конопли. Эта шестинога с курильницей под ней была покрыта кожаным покрывалом с изображением по бортам и по середине крылатых львиных грифонов, напавших на лосей. Размер покрывала (сильно разрушенного, особенно в его средней части) 1.50 × 1.75 м.

Колода и ее крышка были снаружи оклеены полосками тонкой бересты, шириной 4 см. Под колодой шли продольные ряды таких же полосок, причем от колоды они уже были отделены слоем льда в 2.5—3 см. Сама колода лежала на слое прозрачного, чистого льда, 20 см толщиной.

В юго-западном секторе камеры, между ее стенкой и колодой найдены: кусок кожи, покрытой лаком, украшения из штампованной меди в виде

геральдически сопоставленных зверей, вторая часть шейной гривны с резными изображениями львиных грифонов, зашитый уголком кусок кожи (амулет).

В юго-западном углу камеры найдены: каменная святильня на четырех ножках, фрагменты одежды и обуви, часть узкого кожаного пояса, украшенного кожаными же кружками, крытыми золотом, с серебряной подвеской на конце в виде лошади с вытянутой головой и поджатыми ногами (на прыжке). В самом углу, над шестиногой, оклеенной спиральными полосками тонкой бересты, стояла вторая бронзовая курильница квадратной формы, на четырех ножках, также наполненная камнями. На одной из сторон этой курильницы коротенькая ручка, такой же кольчатой формы,

Рис. 3. Пазырык. Курган № 2. Курильница

как и ножки; на остальных — три ушка для подвешивания. Под камнями и в этой курильнице оказались семена конопли. За курильницей, у самой стенки, найдена довольно хорошей сохранности рубаша из белой ткани (конопля), обшита на концах рукавов и по вырезу ворота широкой красной шерстяной каймой; снаружи швы закрыты узкой полоской красной шерстяной каймы.

В различных местах со стен сняты деревянные колышки, которыми на уровне между четвертым и пятым сверху венцами камеры был укреплен настенный черный войлок, и бронзовые гвозди со шляпками и без шляпок. Гвозди были вбиты, а колки воткнуты в промежутки между венцами сруб стен и закрепляли на стене не только верхний край войлока, но и боковые (по углам) и нижние его края. Следует отметить, что в нижней половине все стены, кроме северной, были закрыты войлоком. К северной стене камеры внизу был прикреплен только тот войлок, которым был устлан пол. Верхний край настенного войлока был подогнут внутрь на 6 см.

После очистки от льда и откачки воды была обследована вся внутренняя камера. Форма ее — почти правильная четырехугольная; внутренняя длина северной и южной стенок 4.88 м; западной — 3.35 м и восточной — 3.70 м. Внутренняя высота камеры 1.53 м, наружная — 1.70 м.

Пол состоял из 17 плах толщиной 5—6 см, весьма различной ширины — от 12 до 24 см.

Конские захоронения были обнаружены в 1947 г. вверху, в северной части могильной ямы. Важно было выяснить, что находится в нижней части могильной ямы, за погребальной камерой. С этой целью посредине северной стенки внутренней и наружной камер сверху до низу был сделан широкий проруб и вынута часть земли, заполнявшей промежуток между северной стенкой наружной камеры и северной стенкой могильной ямы. Оказалось, что пространство это заполнено грунтом, вынутым при рытье могилы. В нем изредка попадались щепки, был найден обломок деревянной колотушки. В северной части могильной ямы, параллельно продольной стенке камеры, за столбами, поддерживающими балки, на которых был бревенчатый навал, лежали одно на другом два толстых бревна. Верхнее бревно лежало на 1 м ниже верхушки столбов. Бревна эти были положены, несомненно, с целью поддержать столбы, поставленные на дно могильной ямы, до полной засыпки землей пространства между северными стенками камеры и могильной ямы. Три южных столба были приставлены непосредственно к южной стенке могильной ямы, и в специальной их поддержке не было надобности; столбы же северные без такой поддержки стоять не могли.

Внешний сруб камеры был сложен из тщательно очищенных от коры и сучков бревен, диаметром в среднем около 20 см. Форма и этого внешнего сруба почти правильная четырехугольная. Длина северной и южной продольных стенок 5.65 и 5.75 м, западной и восточной — 4.1 и 4.2 м. Высота внутренняя внешней камеры 1.90 м, наружная — 1.10 м. В срубе 10 венцов, а сверх того, с северной и южной стороны по одному добавочному потолочному бревну. Расстояние между стенами внешнего и внутреннего срубов — с северной стороны 20 см, с восточной — 15 см и с западной — 30 см. Пространство между стенами ничем не заполнено и являлось воздушной прослойкой между ними.

Стенки внешнего сруба подверглись некоторому сжатию, в результате которого средняя часть западной стенки выгнулась внутрь. Внутренний сруб камеры под тяжестью навала из бревен и вышележащей земли и камня претерпел лишь ничтожную деформацию.

Курган № 3. После обмеров и нивелировки кургана в меридиональном и широтном направлениях разборка каменной насыпи велась широкой траншеей 13 × 24 м с юга к центру кургана. Как и в кургане № 2, каменная наброска состояла из угловатых камней, преимущественно из красного туфопесчаника, собранного у естественных выходов этого камня по склонам долины. Не мало также встречалось валунов гранито-порфириновых и кварцевых, собранных на тех же склонах и в самой долине Пазырыка. Часть камней была настолько больших размеров, что только двое рабочих могли навалить их на носилки и вынести. В промежутках между крупными камнями в изобилии попадались щебенка и речная галька.

По снятии каменной наброски вскрылась земляная насыпка кургана с отдельными попадающимися в ней камнями. В центральной части уровень этой насыпки понижался (грабительская воронка); максимальная же высота над слоем погребенной почвы с северной части раскопа была 1.25 м, постепенно понижаясь к периферии. Наибольшая высота каменной наброски там же была 1.40 м, повидимому, несколько повышенная в результате выброса камня грабителями из центральной части кургана. При диаметре всей курганной насыпи 36 м и максимальной ее высоте около 2.60 м, курган № 3 более плоский, чем курган № 2.

После расчистки земли был снят накат из неокоренных, сильно прогнивших лиственничных бревен (в ряду их оказалось 16); они были уложены

комлевой частью на запад, вершинами — на восток. В западной части этого наката, между бревнами, выступали два больших валуна. В результате осадки бревенчатый накат дал прогиб. В юго-восточном углу наката четко вырисовывался прорубленный в нем грабительский ход четырехугольной формы, 1.9×2.1 м. Под накато́м обнаружено скопление крупных валунов и второй слой бревенчатого наката. Бревна второго ряда лежали комлевой частью на восток. Сохранность их была лучшая, чем верхнего наката, но все же плохая. Эти бревна, длиною 6 м, лежали не сплошным рядом, а в перемешку с валунами, вследствие прогиба покрытия над погребальной камерой и осадки земли. У всех стенок могильной ямы, кроме южной, примерно по их середине, были вертикально поставлены столбы, прижимающие к стенкам тонкие бревна, повидимому, для предохранения обвала стенок. Навал из 120 валунов лежал в два слоя.

В восточном секторе могильной ямы, ближе к ее северо-восточному углу, найдено семь тележных колес такого же типа, как и в кургане № 2; в северной половине найдены остатки телеги. Здесь же попадались и колья, которыми рыли могильную яму. Под валунами снова оказались два наката из неокоренных бревен — верхний комлевыми концами на запад, нижний — на восток; у северной и южной стенок могильной ямы — еще по два ряда из нескольких бревен.

На глубине 2.6 м от поверхности погребенной почвы оказалось по три столба вдоль северной и южной стенок погребальной камеры. Столбы эти (диаметром до 50 см), с корытообразными выемками для поперечных балок, были поставлены комлевой частью кверху; балки поддерживали наматы из бревен и навалы больших камней. Под поперечными балками, над потолком погребальной камеры, лежал слой кустарника курильского чая, а под ним — слой лиственничной коры и ниже — берестяные маты. Берестяные маты (покрытие потолка погребальной камеры) лежали в четыре слоя так, что внутренние их поверхности соприкасались между собой. Длина мата 2.23—2.72 м. Сшиты они лубковым шнуром из полос бересты 0.42—0.70 м шириной. В местах, где край одного мата соприкасался с краем другого, была положена прокладка из мха. Мох этот в видовом составе совершенно одинаков с ныне растущим в окрестностях долины Пазырыка. Л. И. Савич-Любицкая сообщила нам, что найден один споранг *Pleurosiium Schreberi* в разрушенном состоянии. Побеги *Hylacomium splendens* обнаруживают начало вегетации, связанное, вероятно, с весенне-летним временем года. Отсюда можно думать, что захоронение в кургане № 3 происходило в конце весны — начале лета.

Три южных столба, поддерживающих поперечные балки над камерой, стояли в узком промежутке между южными стенками могильной ямы и камеры. Северные столбы под тяжестью навала своими вершинами наклонились к югу. Видимо, еще до покрытия потолка погребальной камеры берестяными матами пространство между северными стенками камеры и могильной ямы было заполнено грунтом. После покрытия потолка камеры берестяными матами, слоем лиственничной коры и настилом из курильского чая (которым был покрыт не только потолок камеры, но в значительной части и пространство за камерой) было уложено 14 коней. Вследствие осадки грунта в засыпке, под давлением навала из бревен и валунов, трупы коней опустились до уровня потолка внутренней погребальной камеры. Поперечные балки над погребальной камерой были положены уже после того, как уложены трупы коней. Последнее следует из положения балок. В то время как южные концы балок лежали в корытообразных углублениях столбов, северные их концы, прикрывая коней, выступали за выемки столбов до 1.30 м.

По снятии берестяных матов в потолке камеры четко обозначился гра-

бительский ход четырехугольной формы, 1.05×1.16 м. Из 18 бревен потолка грабители прорубили пять (шестое — десятое с юга), на расстоянии 0.5 м от восточных их концов. Длина бревен потолка камеры была 4.60 м. По снятии бревенчатого потолка оказалось, что камера заполнена льдом. После таяния льда выяснилось, что здесь, как в курганах № 1 и 2, камера двойная и лед заполнял пустое пространство между потолками наружной и внутренней камер, высотой 0.45 м. Пространство это заполнилось льдом уже после того, как восточные свободные концы перерубленных грабителями бревен наружного потолка спустились на потолок внутренней камеры. Следовательно, заполнение льдом камеры произошло после ее ограбления.

Пространство между стенами внутренней и наружной камер, шириной в среднем около 0.50 м, как в кургане № 1, было забутовано битым камнем.

Потолок внутренней камеры состоял из 15 бревен, положенных комлевыми концами на восток. Как и все бревна, из которых построена камера, они окорены, очищены от сучков и хорошо пригнаны одно к другому. В потолке внутренней камеры грабители прорубили только два бревна, общей шириной 37—38 см; таким образом, получился очень узкий лаз (37×48 см) к югу от верхнего хода.

Внутренняя камера представляла собой прямоугольный сруб не вполне правильной формы; размеры продольных стенок 3.38 и 3.53 м, поперечных — 1.93 и 2.18 м. Сруб состоял из семи венцов, хорошо пригнанных одно к другому, но неотесанных бревен, диаметром в среднем около 15 см.

Сруб наружной камеры состоял из 10 таких же бревен и имел также не вполне правильную четырехугольную форму; длина продольных ее стенок 4.40 и 4.45 м, поперечных — 3.30 и 3.60 м. Пол состоял из 14 отесанных плах. Плахи пола были настланы на дне могильной ямы, и на них положен нижний венец сруба камеры. Высота внутренней камеры 1.28 м. Особенность внутренней отделки этой камеры — отсутствие подтески бревен стен и потолка.

Колода — саркофаг с проушинами — стояла у южной стенки погребальной камеры, почти вплотную к ней. Тип ее тот же, что и в первых двух курганах, но меньших размеров. Выдолблена колода из ствола лиственницы; ее внешняя длина 3.25 м, внутренняя — 2.75 м, при средней ширине 0.72 м. Восточная, комлевая часть, несколько шире западной; высота колоды (без крышки) 0.58 м. Обращает на себя внимание чрезвычайно узкое (всего 0.35 м) отверстие колоды. Крышка соответствует размерам колоды. Снятая грабителями, она была заложена между бортами колоды и южной стенкой камеры. Тело погребенного, как и все содержимое колоды, было из нее извлечено; оно было брошено на пол, где и найдено уже в виде скелета, лежащего на левом боку, параллельно колоде; голова обращена на восток, руки и ноги вытянуты. Вполне правильное расположение костей и сохранность кисти левой руки с мышцами, кожей и ногтями свидетельствует о том, что грабители имели дело еще с телом погребенного.

Здесь был погребен мужчина высокого роста, зрелого возраста. Посмертная трепанация черепа указывает на вероятную мумификацию трупа. Вместе с фрагментами кожи на черепе уцелело немного волос. Предварительное обследование их показывает, что погребенный был шатен, с волнистыми волосами.

После ограбления трудно сказать, какой был погребальный инвентарь и какое было предварительное размещение вещей. Близ восточной стенки камеры найдены поломанные шесть ножек и крышка двух столиков; две ножки лежали у северной стенки камеры, ближе к ее середине. Столы эти

совершенно такого же типа, как и найденные в 1947 г. в кургане № 2. Их резные ножки, как и крышки, выкрашены в красный цвет. Первоначально столы, повидимому, стояли, как в кургане № 2, — у восточной стенки камеры, рядом с изголовьем колоды. На столиках, вероятно, лежала пища, на что указывают находки крестцов барана и лошади и позвонков лошади у северной стенки камеры, рядом с ножками от столов.

В северо-восточном углу, под крышкой столика найдены остатки барабана из бычьего рога, с точно такими же круглыми отверстиями по краю, как в бубне кургана № 2. В 0.70 м от восточной стенки камеры и в 0.2 м от колоды найден кожаный шлем на подкладке из тонкого войлока, с отделкой из кожи; в 0.20 м западнее шлема обнаружена «деревянная подушка» типа, известного по находкам в курганах № 1 и 2. Между скелетом и «подушкой» лежало несколько деревянных палочек с отверстиями на одном из утолщенных концов, совершенно таких же, как над курильницами в кургане № 2, а в головах скелета — древки 24 стрел. Судя по передним концам древков, наконечники стрел были втульчатые, но ни одного из наконечников найдено не было. Все они, как и другие металлические изделия, похищены грабителями. На голени правой ноги, близ колена, лежала деревянная лопаточка, а под скелетом в тазовой области, вместе с кистью левой руки — остатки меха и тканей одежды, шелковый кошелек и прямоугольный лоскуток шелковой ткани с орнаментом.

В то время как грабители проникли в камеру, на полу был тонкий (около 5 см) слой чистого, прозрачного льда. Скелет и большинство предметов лежали на этом слое льда. На нем же (высота 4 см) лежала и колода. Этот прозрачный лед, подобный тому, который наблюдался в пустотах между камнями навала и бревнами наката, образовался еще до проникновения в камеру грабителей. Вода, заполнившая камеру после грабителей и превратившаяся в лед, явно отличалась от прозрачного льда своим желтоватым цветом. Крышка и ножки столов находились на разных уровнях, а некоторые, возможно, всплыли после проникновения в камеру воды.

Конское захоронение, как сказано, занимало северную часть могильной ямы, за погребальной камерой, площадью 2.25×5.30 м. Площадка, которую занимали кони, почти прямоугольной формы. Под трупами лошадей лежал слой курильского чая, местами — кора лиственницы. Компактно уложенные 14 коней, от которых сохранились только скелеты, за исключением отдельных линз льда с остатками трупов, вместе с брошенными седлами, уздами и щитами, первоначально производили впечатление беспорядочно сброшенных. При более тщательном исследовании оказалось, что все они были убиты клевцом в темя и уложены в несколько рядов с поджатыми передними и задними ногами; голова и шея повернуты назад.

Все конское убранство было предварительно снято; узды, а возможно и седла, бросались на трупы соответственных коней. По крайней мере, узды с особыми нащечниками и наверхиями или маски, как они описаны из курганов № 1 и 2, всегда находятся у лучших, самых парадных головных коней, в восточной части конского захоронения. Три щита из палочек найдены в срединной части конского захоронения, на значительном расстоянии один от другого.

Сохранность седел и узд плохая. Особенно плохо сохранилась кожа и ремни. Из 14 узд более или менее хорошей сохранности три. Седла сохранились еще хуже, нет ни одного целого. Они состоят из двух соединенных между собой войлочных подушек, набитых шерстью, но с луками, значительно более высокими, чем в седлах, найденных в первых курганах. Сохранились седельные и уздечные наборы (три роговых, остальные деревянные). Роговые украшения как бы инкрустированы красным лаком; деревянные части окрашены в красный цвет, частью покрыты листовым

золотом. Роговые наборы, по всей вероятности, бытовые, деревянные, изготовлены специально для погребального ритуала. Большинство украшений конского набора выполнено в «зверином стиле» (рис. 4 и 5).

Курган № 4, расположенный к югу от кургана № 3 и к северо-востоку от курганов № 1 и 2, значительно меньших размеров. Диаметр его каменной наброски всего 24 м, высота над уровнем почвы 1.40 м. Захоронение в этом кургане было сделано в небольшой естественной западине. После его ограбления в центре образовалась выемка глубиной до 0.65 м; на выброшенном грабителями грунте сформировался плотный дерновый покров. Курган раскапывался с юга траншеей в 10 м шириной и 15 м длиной.

По снятии каменной наброски и земляной насыпи до погребенного почвенного (гумусового) слоя были обнаружены контуры могильной ямы. Форма могильной ямы — не вполне правильный четырехугольник; размеры: 5.60 м с северной и южной сторон, 5.30 м — с восточной и западной. Подобно кургану № 3, и здесь могильная яма оказалась не в центре кургана, а смещенной к северо-западу от геометрического центра кургана. Следует отметить, что грабители, судя по выкопанной ими воронке, шли по геометрическому центру курганной каменной наброски, вследствие чего их ход спустился на восточную стенку погребальной камеры, рядом с конским захоронением. По вскрытии могильной ямы выяснилась следующая картина.

На дне могильной ямы, которая была вырыта на глубину 4.10 м от уровня верхней поверхности погребенного слоя почвы, в южной ее половине была установлена погребальная камера. Сруб камеры стоял на полу из одиннадцати плах. Внутренние и наружные стенки сруба, состоящего из семи венцов бревен, были отесаны. Бревна сруба по углам рублены в лапу. Внутренние размеры камеры: 2.14 × 3.75 м, высота 1.20 м. Бревенчатый потолок лежал на поперечных стенках камеры, а поверх него был однорядный настил из бревен. Между потолком камеры и указанным бревенчатым настилом сохранились берестяное покрытие камеры и остатки кустарника курильский чай. Бревенчатый настил и потолок сильно разрушились (сгнили) и под тяжестью вышележащего груза прогнулись настолько, что бревна потолка легли на колоды-саркофаги.

В отличие от трех первых курганов этой группы, камера данного кургана оказалась одинарной, а не двойной. Пространство между стенками камеры и могильной ямы (на востоке и западе шириной около 0.50 м и на юге — 0.30 м) было забутовано битым камнем. В северной части могильной ямы конское захоронение было прикрыто четырьмя слоями сильно истлевших бревен, из которых верхний, общий со слоем, прикрывавшим камеру.

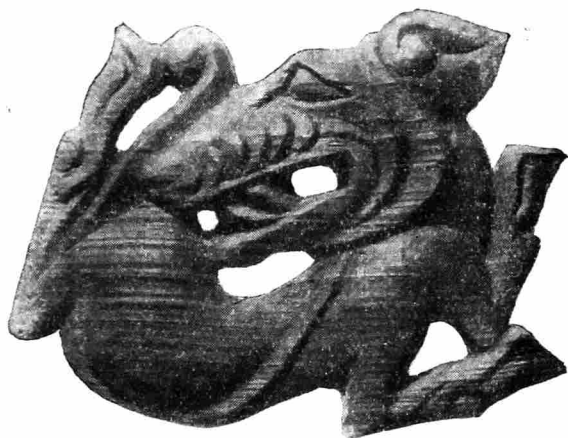
Погребальная камера оказалась заполненной льдом. В ней на полу, в южной части, стояли один возле другого два гроба-саркофага с проушинами на обоих концах; они были выделаны из стволов лиственницы и того же типа, что и в кургане № 3. В колоде больших размеров, близ южной стенки, лежал на левом боку, головой на восток, скелет мужчины преклонного возраста. В другой колоде, меньших размеров, на спине, также головой на восток, лежал скелет девочки лет 15. Сохранность костей скелета мужчины хорошая, девочки — хуже, череп ее раздавлен. Оба черепа после смерти были трепанированы. Гробы-колоды сильно разрушены (истлели). Длина большой колоды (в которой лежал мужчина) 3.00 м, меньшей — 2.50 м. Средняя ширина первой колоды около 0.70 м, при высоте 0.40 м, второй — 0.60 м, при высоте 0.36 м. Снятая грабителями крышка первой колоды была положена между колодой и южной стенкой камеры; крышка второй колоды брошена на пол северной части камеры.

Рис. 4. Пазырык. Курган № 3. Роговая накладка луки седла

1

2

3

4

Рис. 5. Пазырык. Украшение узды
1, 3, 4 — из кургана № 3; 2 — из кургана № 4

Вся могильная яма, выше бревенчатого наката, прикрывающего камеру и конское захоронение, была заполнена крупными валунами (всего 83), причем самый большой из них был диаметром 1.10 м. Под тяжестью этого навала сильно прогнулись не только бревенчатый накат и потолок камеры, но осадку дали и стены камеры, особенно западная и южная стены дали прогиб внутрь камеры.

Из предметов, оставшихся после грабителей, найдена круглая ножка стола, проще и меньших размеров, чем в первых курганах; ниже, в той же грабительской воронке, обнаружены долото из рога марала (рукоятка долота из того же рога) и еще две деревянные ножки от столиков, но уже другой формы, резные, окрашенные в красный цвет и покрытые оловянной фольгой. В пределах воронки грабительского хода, но уже внутри погребальной камеры найден обломок крышки стола, а затем и крышка, значительно поврежденная. Эта крышка отличается от найденных в курганах № 2 и 3 отсутствием специальных втулок для шпеньков ножек на ее нижней поверхности. Вместо втулок в ней проделаны квадратные сквозные прорезы. В северо-восточном углу камеры найдены еще четыре ножки столиков, крестцовые кости лошади и барана, деревянная «подушка». Внутри камеры, в грунте, попавшем в нее через грабительский лаз, найдена вырезанная из кожи головка птицы с рогами оленя. В юго-западном углу камеры над колодой-саркофагом лежало несколько изломанных палочек, таких же, как в кургане № 2 над курильницами. В обеих колодах были найдены несколько белых пастовых бус-пронизок. Вне камеры, у ее северо-восточного угла, обнаружена лестница длиной 1.41 м, представляющая собой бревно с зарубками — ступеньками.

Конское захоронение. На очень ограниченной площади могильной ямы, к северу от погребальной камеры, было уложено 14 коней. Тщательное изучение положения скелетов лошадей позволило В. О. Витту выяснить картину их размещения.

В этом кургане мягких частей погребенных коней не сохранилось, хотя курган во время раскопок был промерзшим до дна. Седла совершенно истлели. Сохранились только роговые накладки на седла, псалии и подвески, кое-какие резные из дерева украшения узд, крытые золотом, сильно деформированное деревянное кнутовище от ногайки, остатки ремней и ремненных украшений. Тем не менее и из этого погребения мы получили блестящие образцы скульптурной и в барельефе резьбы по дереву, преимущественно все в том же «зверином стиле».

Изучение коней из первого Пазырыкского кургана позволило выделить, наряду с мелкорослыми примитивного типа лошадьми, отдельные экземпляры крупной породы верховых коней, ростом 150 см и более; по своим качествам они были чрезвычайно близки к лучшим породам древнего мира, а может быть, и не отличимы от последних. В. О. Витт полагает, что древний Алтай должен быть признан не только местом использования, но и разведения высокопородной верховой лошади.

Что касается овец, то, по определению С. Н. Боголюбского, все они принадлежали к типу слабо жирнохвостых, по размерам не больше цыгайской овцы. Однако они были сравнительно легче и подвижнее последних.

Несмотря на высокоразвитое скотоводческое хозяйство, промысел на зверя не утратил своего значения. Помимо многочисленных изделий из рога лося и благородного оленя, во втором и третьем курганах найдены различные предметы, при изготовлении которых использовались меха: соболя, белки, выдры, дикой кошки, леопарда и других.

Пища в основном была животная — мясо домашних и диких животных, а также различные молочные продукты, в частности сыр.

Образ жизни населения был полукочевой, с постоянным бревенчатым

жилищем, весьма совершенной строительной техники, о которой можно судить по сооружениям погребальных камер. О прочной оседлости можно говорить также по наличию больших глиняных сосудов.

Во всех курганах были найдены низкие столики со съемными крышками. Такие столики целесообразны только в случаях необходимости в сравнительно частых передвижениях, вызванных хотя бы сезонной сменой пастбищ. Для перекочевков были приспособлены и другие предметы домашнего обихода, например подвесные деревянные сосуды или кожаные сумы и мешки.

Раскопки 1948 г. дали находки, позволяющие судить о типах одежды. Особо следует отметить: мужскую рубаху, шитую из полотнищ тонкой ткани полотняного переплетения, плечевую накидку из собольего меха, с декоративными рукавами и художественно вырезанным из кожи орнаментом. Изображались олени головки, увенчанные причудливыми рогами с многочисленными отростками, которые заканчиваются птичьими головками; кожаный, на войлочной подкладке головной убор типа, известного по изображениям из Чертомлыцкого кургана (сражающийся скиф на золотой пластине ножен меча); мужские и женские войлочные чулки. Интересны женский из беличьего меха плащ с нагрудником и очень сложный, богато украшенный головной убор, шитый из кожи и меха.

Дискуссионным до сих пор был вопрос, с какой конской сбруей мы имеем дело — с бытовой или специально изготовленной для погребального ритуала? Исследование седел и узд убедило нас в том, что за редкими исключениями мы имеем дело с вещами бытовыми. Большинство узд оказалось со стертymi от длительного употребления внутренними кольцами; почти все узды весьма тщательной работы, явно отличные от сделанных наспех и притом сильно отличающиеся одна от другой в деталях техники их изготовления, некоторые из седел имеют явные следы неоднократной починки, в частности заплатами. Роговые наборы в убранстве седел и узд, равно как подпружные пряжки, несомненно, бытовые, а на некоторых хорошо различима и полировка от длительного употребления. Все деревянные украшения изготовлены специально для погребальной процессии, чтобы придать ей максимальную пышность.

Население, оставившее Пазырыкские курганы, мы застаем на той стадии развития их хозяйства, когда скот стал переходить в обособленную частную собственность. Это подтверждается разнообразием в одном и том же первом Пазырыкском кургане мет на ушах коней, принадлежавших ранее различным владельцам. Возрастающее богатство отдельных лиц повело к имущественной дифференциации внутри рода, что и проявилось в выделении из общей массы рядовых погребений крупных курганов, захоронений родовой знати, в руках которой сосредоточивалась и военная власть.

В 1947 г. во втором кургане были найдены две части струнного музыкального инструмента, которые в моем предварительном сообщении рассматривались как части двух самостоятельных инструментов. Последующее их изучение выяснило, что они являются частями одного, выделанного из цельного куска дерева, своеобразного струнного инструмента с двумя деками-мембранами. находка 1948 г. части деки от этого инструмента поможет более полно восстановить его тип. В третьем кургане были найдены незначительные фрагменты, повидимому, совершенно такого же одностороннего рогового барабана, как и в кургане втором.

Предметов, в которых нашло свое выражение изобразительное искусство, так много, что в этом кратком сообщении трудно дать даже самый беглый обзор их.

Во втором кургане были найдены два замечательных кожаных предмета: ковер и сосуд в виде фляги с узким горлышком; ковер сильно по-

врежден, но вполне восстанавливаем. На плоских сторонах фляги, в которой хранились зерна конопли, как уже отмечено выше, в технике аппликации даны изображения грифонов с тетеревом в лапах. Большой ковер по борту и посередине украшен повторяющимся изображением крылатого львиного грифона, напавшего на лося. Лось, как и подобает поверженной жертве, изображен с вывихнутым задом.

Что касается всевозможных вырезанных из рога и дерева украшений, то среди них в первую очередь следует отметить реалистические фигуры лебедей и «пеликана», затем в несколько условной манере — выполненные изображения пораженных животных с вывихнутым задом: зайца, волка и архара. В том же стиле представлены голова волка с головой дикой козы в пасти, голова лося, головы птичьей, сайги, фантастических зверей, кошачьей морды, головы рогатых львиных грифонов в медальонах и без них, львиные и орлиные грифоны на псалнях, стилизованные фигуры львят и кошек, оленьи и бараньи рога, розетки, птичьей лапы и т. п.

Крайне важно отметить, что в одном и том же погребении встречаются вполне реалистические изображения животных более или менее стилизованные и такие, в которых элемент условности доведен до предела.

Отметим, кстати, что только в одном втором кургане найдены три амулета — человеческие волосы и ногти, зашитые, как ладонки (треугольная и прямоугольная), в лоскуты кожи и войлока.

Обычай курения у алтайских скифов был, повидимому, настолько распространен, что всеми принадлежностями этой процедуры снабжались в потусторонний мир и мужчины и женщины. Во втором кургане, где были погребены мужчина и женщина, мы имеем два набора, две курильницы, два комплекта древок и покрывала. Курение это производилось не только с целью наркоза, но, как сообщает Геродот,² и в очистительных целях после похорон. Очищение огнем, а не водой.

Помимо конопли, для курения пользовались, по всей вероятности, и донником, семена которого также были найдены во втором кургане.

Раскопки 1948 г. в Горном Алтае обогатили нас дополнительными фактами, подтверждающими единообразие скифской культуры на огромных пространствах — от Причерноморья на западе до Алтая и Памира на востоке, при своеобразных, разумеется, местных особенностях и деталях, несмотря на существенные различия в физическом типе и языке племен, объединенных этой культурой.

Помимо тесных межплеменных связей, обусловивших единство всей скифской культуры, для Алтая несомненны интенсивные связи и с народами Средней и Передней Азии, а также, повидимому, и с Китаем, в результате которых у них появились шкуры леопарда, семена субтропического кориандра, возможно, ювелирные изделия, шелковые ткани; в изобразительном искусстве — мотив лотоса и такие фантастические животные, как грифоны, в частности крылатые и рогатые львиные грифоны.

---

² Геродот. История, кн. IV, стр. 73—75.

III. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ

А. П. ЧЕРНЫШ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ НА ДНЕСТРЕ

Первые палеолитические находки в бассейне Днестра стали известны с конца XIX в. Дальнейшим этапом в истории изучения территории Поднестровья явились 20-е и 30-е годы XX в., когда палеолитические памятники Днестра изучались многими исследователями.

На левом берегу Днестра в 1927—1931 гг. обширные разведки произвел М. Я. Рудинский. В результате его исследований стали известны многие верхнепалеолитические памятники, материалы которых были частично опубликованы (Врублевцы, Студеница, Бакота, Калюс, Старая Ушица, Китай-Город I, Китай-Город II, Калачковцы II, Сокол).¹

Материалы открытых им палеолитических местонахождений М. Я. Рудинский относил к ориньякскому времени.²

Территория Черновицкой обл. УССР, примыкающая к правому берегу Днестра, 20 лет находилась под оккупацией Румынии. Поэтому правобережье Днестра изучалось румынскими геологами и археологами Н. Моршаном, И. Батецем и Ч. Амброжевичем, которые, подобно М. Я. Рудинскому, верхнепалеолитические памятники правого берега Днестра в основном также датировали ориньякским периодом. Эти исследователи открыли на правом берегу Днестра 21 пункт палеолитических находок.

Изучением палеолитических памятников среднего Поднестровья в 1940 и 1945 гг. занимался С. Н. Бибииков. В результате проведенных им разведок на правом и левом берегах Днестра, в пределах Каменец-Подольской и Черновицкой обл., были открыты стоянки Горошкова-Гора, Мариановка I, Мариановка II, стоянка против дер. Демшин, а также были произведены сборы материалов на ряде уже известных пунктов.

В 1945 г. на Днестре работал также и М. Я. Рудинский, которому удалось на стоянке Сокол обнаружить несколько находок мустьерского времени и собрать палеолитические материалы на стоянках Сокол, Китай-Город I и II, Калачковцы I и II.

В 1946—1948 гг. на среднем Днестре работы по изучению палеолита производил П. И. Борисковский, которому удалось открыть несколько стоянок. В 1946 г. он совместно с С. Н. Бибииковым на бечевнике левого берега Днестра, у Луки-Врублевецкой, открыл нижнепалеолитическое место-

¹ М. Рудинський. З матеріалів до вивчення передисторії Поділля. Антропологія, т. II, Київ, 1929, его же. Пушкарівській палеолітичний постій і його місце в українському палеоліті. Археологія, т. I, Київ, 1947.

² Его же. З матеріалів до вивчення передисторії Поділля. Антропологія, т. II, Київ, 1929, стр. 176.

нахождение. Кроме этого, палеолитическое местонахождение было открыто у Хотина, на правом берегу Днестра. Именно П. И. Борисковский выдвинул вопрос о необходимости расчленения верхнепалеолитических памятников Днестра, отличая среди них группу стоянок ориньякского времени (Бабин I, Яма, Калачковцы I), группу раннемадленских стоянок (Студеница, Била Гора и др.) и группу позднемадленскую (Сокол, Вороновица, Барвинская Гора, Кишла-Неджимова). Обоснованию попытки указанной периодизации верхнепалеолитических памятников Днестра посвящена работа этого автора, изданная в 1948 г. Не оспаривая правильности положений П. И. Борисковского о раннемадленских и позднемадленских памятниках, все же необходимо указать, что фактически, не имея четкого и ясного материала из Поднепровья для доказательства наличия ориньякской стадии, автор привлек в качестве главных аргументов далекие аналогии, отмечая ориньякские слои в ряде пещерных стоянок Западной Европы (Рок, Пре-Обер, Трилобит, Плакар и т. д.).

Главным опорным памятником для доказательства наличия ориньякской стадии на Днестре явился такой памятник, как Станца-Рипицены (Прут), где Н. Морошаном были обнаружены «ориньякские» слои, представленные формами инвентаря (крупные нуклеусы, пластины, скребки с суживающимся лезвием, острия), которые встречаются также и в солотрешских памятниках, т. е. не являются исключительно ведущими формами ориньяка. Естественно, что, не имея в своем распоряжении ориньякских находок, П. И. Борисковскому так и не удалось в указанной работе доказать наличие памятников ориньякского времени на Днестре. Он высказал весьма ценное предположение о том, что на Днестре, очевидно, представлены все ступени развития верхнего палеолита, отмечая среди них и солотрешскую эпоху.³

Изучение мезолита в среднем Поднепровье началось лишь недавно. За исключением находок в 1940 г. С. Н. Бибиковым двух трапеций на Днестре⁴ и упоминаний Н. Морошана о мезолитических находках в Комарово, Атаках, Поливановом-Яру, до настоящего времени мы ничего не знали об этой археологической эпохе на данной территории. Вот почему особое значение приобретают материалы, обнаруженные в 1948 г. разведками Трипольской маршрутной экспедиции ИИМК и Ин-та археологии АН УССР. Среди материалов представлены находки не только времени палеолита, но также находки, относящиеся к мезолиту. Работами Трипольской экспедиции 1948 г. руководила Т. С. Пассек, разведки по палеолиту и мезолиту осуществлялись автором данной статьи.

Одной из задач проводившихся на Поднепровье в пределах Каменец-Подольской и Черновицкой обл. УССР разведок являлась проверка литературных указаний о наличии здесь палеолитических памятников, обследование этих пунктов, изучение стоянок, которые могли бы быть раскопаны в будущем.

В ходе разведок по левому и правому берегам Днестра удалось собрать материал на 38 пунктах, которые в хронологическом отношении относятся к нижнему и среднему палеолиту (5), верхнему палеолиту (24), мезолиту (19).

Ряд местонахождений дал разновременный материал. Нет возможности охарактеризовать в настоящей заметке весь собранный материал, но кратко уделим внимание наиболее интересным местонахождениям.

На склоне плато, севернее дер. Лука-Врублевецкая, на поверхности

³ П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднепровья. Вестн. Ленингр. ун-та, № 2, 1948, стр. 112.

⁴ С. Н. Бибиков. Полевые археологические работы на среднем Днестре летом 1945 г. Научный архив Ин-та археологии АН УССР.

были обнаружены три кремневых обломка со следами обработки древнего облика. Среди находок — отщеп величиной $40 \times 27 \times 11$ мм. Данная находка покрыта глубокой белой патиной и частично известковым налетом. Эти находки, возможно, относятся к нижнему палеолиту.

Находки мустьерского времени были подняты на пункте Бабин III — Магазия, являющемся мысом плато над правым берегом Днестра. Находки собраны на распаханной поверхности на высоте около 120 м над уровнем реки. Здесь был обнаружен крупный дисковидный нуклеус величиной $0.89 \times 0.75 \times 0.31$ м, покрытый желто-белой патиной (рис. 6—1).

Диск имеет на одном краю следы сработанности, он употреблялся как рубящее орудие. К этому комплексу принадлежит орудие на удлиненном отщепе с коркой. Ретушью покрыт левый край отщепа, являвшегося односторонним остроконечником (рис. 6—2). На брюшке орудия типичный для мустьерского времени крупный ударный бугорок, расположенный наискось от оси отщепа. Желтовато-белой патиной покрыты также несколько небольших отщепов, сколотых с дисковидных нуклеусов. Среди находок встречаются листовидные пластины.

Вторым обнаруженным в 1948 г. местонахождением мустьерского времени является пункт Бабин VII — Виноградник, представляющий собой мыс плато над левым склоном оврага Хлопий, идущего к Днестру. Местонахождение расположено в 1.5 км восточнее дер. Бабин. Среди находок необходимо отметить мустьерский остроконечник на треугольном отщепе (размером $50 \times 33 \times 10$ мм). Ретушью обработан правый край отщепа, на брюшке крупный ударный бугорок, спинка покрыта блестящей белой патиной, а брюшко — бело-серой (рис. 6—5). К этому же времени относится обломок дисковидного нуклеуса и отщеп типичного мустьерского облика (рис. 6—4, 5). Небольшой мустьерский диск был обнаружен возле Сокола (рис. 6—3), а возле Нагорян была поднята массивная листовидная пластина с ретушью по краю. Одной из самых интересных стоянок является Бабин I — Яма. Стоянка расположена северо-восточнее дер. Бабин, на пониженном участке плато, ограниченном с одной стороны обрывом правого берега Днестра, с другой — обрывом склона у оврага, а с третьей и четвертой — плато с каменными глыбами толтрами. Высота данного пункта около 70 м над уровнем реки. Находки были собраны на распаханной поверхности в светлокорицевых суглинках. Среди огромной массы находок необходимо отметить 32 нуклеуса, 100 пластин, 44 резца, 28 скребков, 12 пластин с краевой ретушью, 7 пластин с притупленным краем, скреблообразное орудие и наконечник. Обнаруженный на стоянке инвентарь отличается крупными размерами. Нуклеусы достигают 10—12 см; встречаются пластины величиной в 13—14 см, при ширине 3—2 см; орудия также крупные. Кремневый инвентарь покрыт белой и бело-синеватой патиной. Орудия изготовлены преимущественно на пластинах.

На стоянке обнаружены 17 срединных резцов, 8 угловых, 8 двойных, 7 боковых, 2 нуклевидных. Некоторые из резцов имеют на пластинах притупленные концы в виде выемки. Форма рабочего края резцов очень разнообразна. Среди находок обнаружены 2 скошенных резца. Скребки являются преимущественно концевыми на пластинах. Среди них 5 экз. имеют ретушь по левому краю. Крупнейший концевой скребок изготовлен на пластине длиной 103 мм; левый край пластины обработан плоской солютрейской ретушью. Орудие покрыто молочно-белой патиной. Здесь же был обнаружен один двойной скребок на крупной пластине; рабочие края обработаны крутой ретушью; один из рабочих краев сломан в древности. Был найден один скребок с суживающимся рабочим лезвием. Здесь же удалось обнаружить характерный для ранней стадии верхнего палеолита килевидный скребок на отщепе, обработанный высокой ретушью.

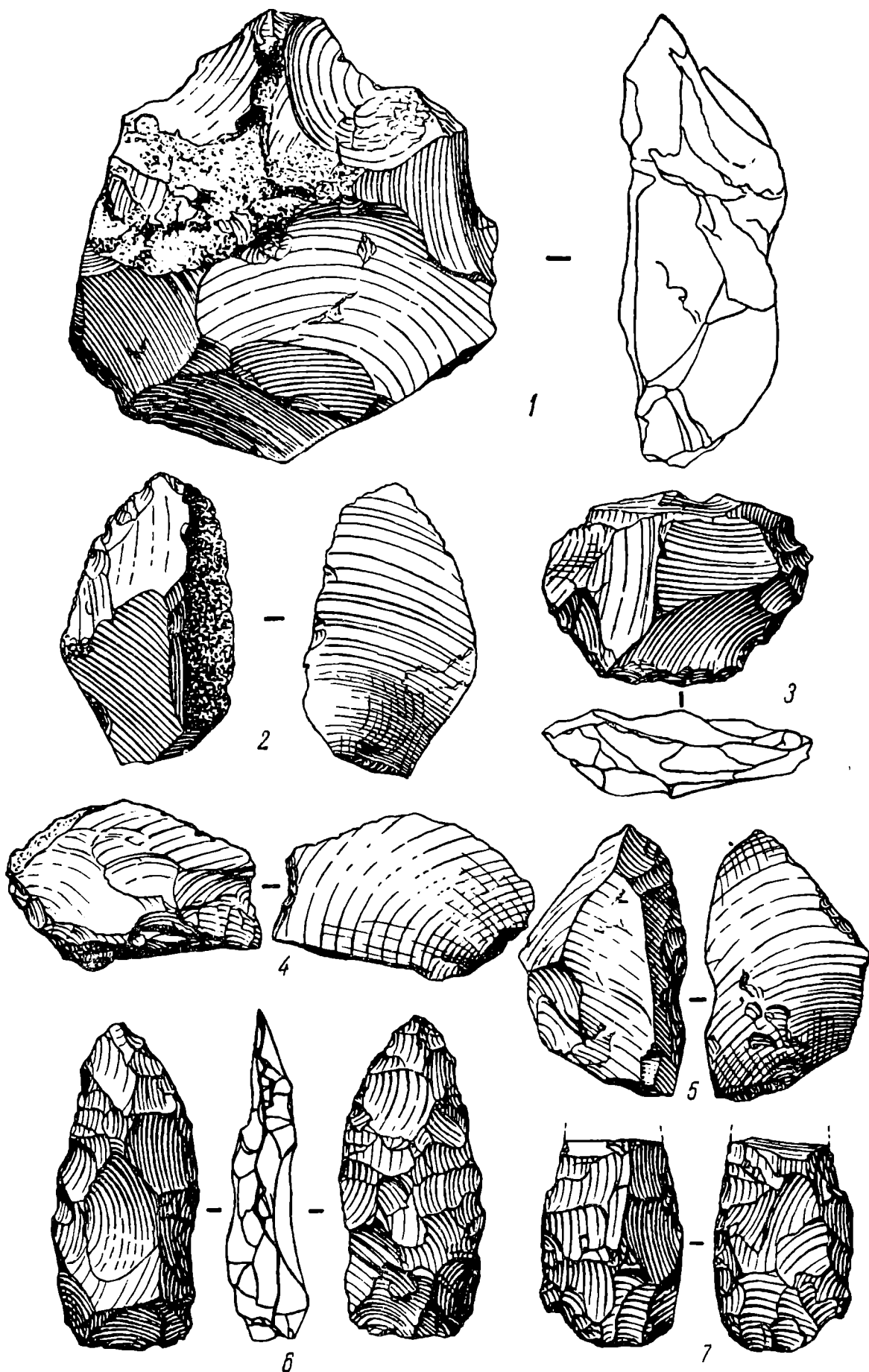

Рис. 6. Кремневые орудия со стоянок Днестра ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

1 — дискообразный нуклеус (Бабин III); 2 — отщеп с обработкой (Бабин III); 3 — диск (находка 1947 г., Сокол); 4 — отщеп (Бабин VII); 5 — остроконечник на треугольном отщепе (Бабин VII); 6 — лавролистный наконечник (Бабин I, Яма); 7 — обломок лавролистного наконечника (Бабин III)

Пластинки с притупленным ретушью краем достигают 50—40 мм длины и 10—8 мм ширины. Формой и размерами эти орудия аналогичны таким же пластинкам из стоянок Гагарино, Костенки I, Пушкари I, Авдеевка и др. Были встречены и более мелкие пластинки. Найдено одно острие на пластине величиной 75 мм.

Особо ценной находкой является лавролистный наконечник размерами $66 \times 30 \times 12$ мм. Он обработан плоской ретушью, покрывающей всю поверхность с двух сторон. Данный экземпляр аналогичен наконечнику из Бабин II, обнаруженному в 1932 г. Н. Морошаном. Подобные наконечники — одна из самых характерных форм солотрейской эпохи. На территории СССР лавролистные наконечники были обнаружены на стоянках Тельманская, Костенки I (нижний слой), а также на стоянке Китайгород II, насколько возможно судить по рисунку, опубликованному М. Я. Рудинским.⁵ Среди инвентаря стоянки Бабин I были встречены также и пластины с краевой ретушью. Необходимо особо отметить находку зуба мамонта.

Собранный в 1948 г. на этом пункте инвентарь свидетельствует о солотрейском возрасте данного памятника.

К этому же времени относится небольшое количество находок, обнаруженных на местонахождении Бабин II — Антония, расположенном северо-западнее кладбища, на склоне плато к оврагу, идущему к Днестру (рис. 6а — 1—11). Среди находок 12 нуклеусов призматической формы, 5 угловых резцов, 2 боковых резца, 2 срединных, 2 нуклевидных резца, 2 нуклевидных скребка, 2 концевых скребка, 2 скреблообразных орудия и 5 пластин с краевой ретушью. Особо интересным орудием является скребок со скошенным удлиненным, суживающимся рабочим лезвием. Орудие изготовлено на конце краевого реберчатого скола с нуклеуса. Здесь же была обнаружена пластина с ретушью по краям, являющаяся острием с обломанным концом. Именно на этом пункте в 1932 г. был обнаружен Н. Морошаном лавролистный наконечник.

На уже упоминавшемся пункте Бабин III — Магазия были обнаружены находки солотрейского времени, покрытые молочно-белой патиной. Среди них скребок, угловой резец на пластине, фрагмент скребка, угловой резец, срединный резец (рис. 6а — 12—14) и обломок лавролистного наконечника с двусторонней обработкой поверхности, сломавшейся при обработке (размеры этого наконечника $43 \times 29 \times 11$ мм) (рис. 6—7). У дер. Молодова Кельменецкого р-на Черновицкой обл., на мысу «под стеной» (западнее деревни, высота около 30 м над уровнем Днестра) были обнаружены находки, относящиеся к солотрейскому времени: 2 нуклевидных обломка, 3 скребка, 4 резца, фрагмент пластины с ретушью по краям, пластины и отщепы. Инвентарь покрыт белой патиной. Особо интересным является концевой скребок на пластине, с плоской ретушью по краям, нуклевидный резец, двойной резец на пластине.

На склоне плато, западнее дер. Корман Сокирянского р-на Черновицкой обл. (уроч. Томина), были обнаружены следующие находки: 4 нуклеуса, нуклеус-отбойник, 7 резцов, резец-скребок, 2 скребка, крупная пластина с притупленным ретушью краем, 3 пластины с краевой ретушью. Средние размеры находок 70—90 мм. Инвентарь покрыт белой патиной. Нуклеусы представлены призматическими; резцы состоят из одного двойного нуклевидного, одного бокового на пластине, двойного на пластине, двух срединных и двух угловых. Один из срединных резцов изготовлен на пластине, у которой брюшко подправлено плоской ретушью. Интересен скребок на конце краевого скола от нуклеуса, с суживающимся рабочим краем; ретушью обрабо-

⁵ М. Рудинський. Пушкарівський палеолітичний постій і його місце в Українському палеоліті. Археологія, т. I, Київ, 1947, табл. IX, рис. 13.

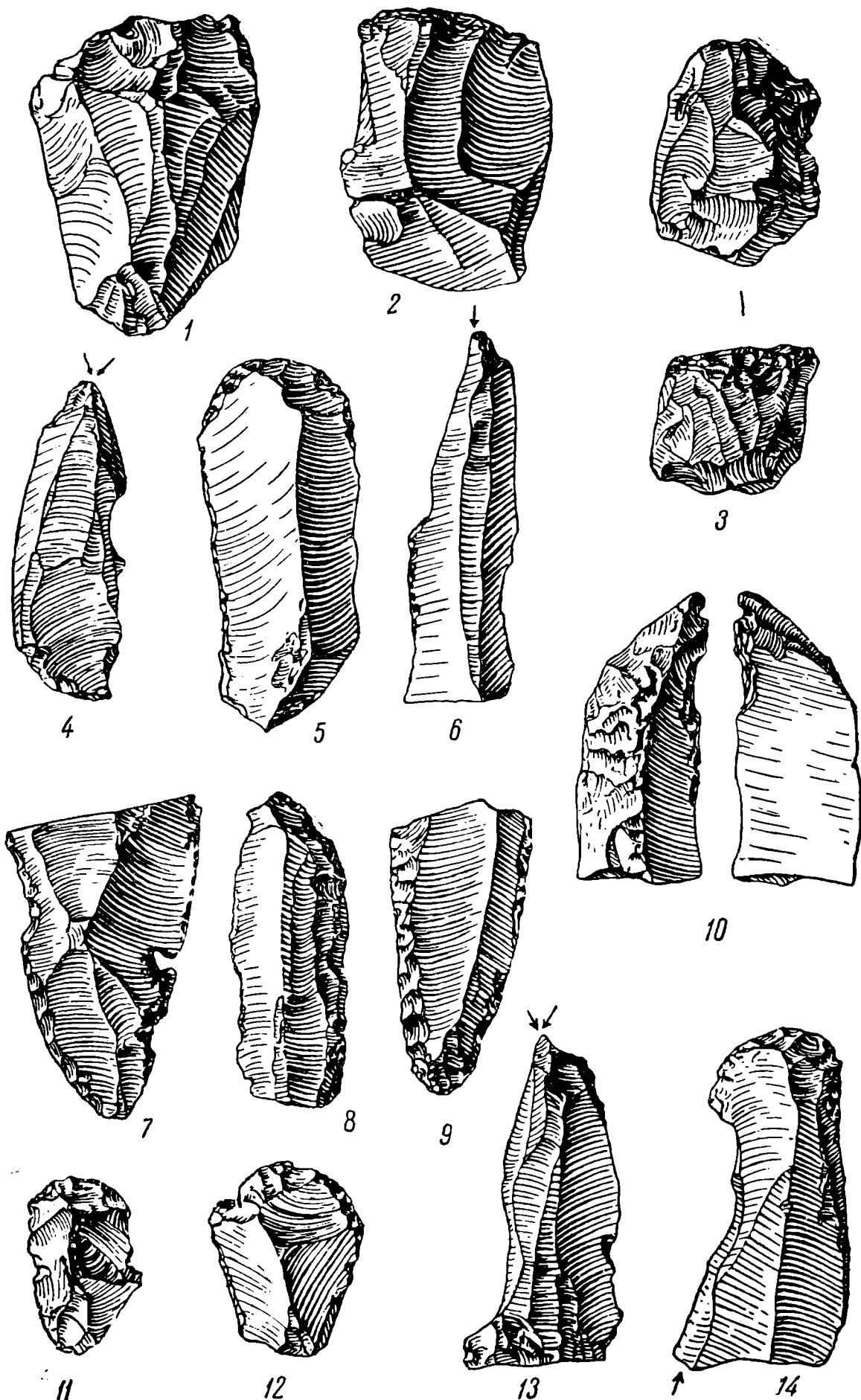

Рис. ба. Кремневые орудия со стоянок Днестра ($\frac{4}{5}$ нат. вел.)

1-2 — нуклеусы; 3 — нуклеидный скребок; 4, 6, 13 — резцы; 5, 11, 12 — скребки; 7, 9 — пластины с краевой ретушью; 8 — острие на пластине с обломанным краем; 10 — скребок высокой формы с суживающимся рабочим лезвием, изготовленный на краевом сколе; 14 — скребок-резец от нуклеуса (1-11 — Бабия II; 12-14 — Бабия III)

тан также правый край орудия. Все эти находки относятся к солютрейскому времени.

На пункте Бабин IV — Цимбалова-Говда, расположенном в 1 км восточнее дер. Бабин, было обнаружено много предметов. Находки были подняты на поверхности склона плато. Для изготовления орудий употреблялся светлокоричневый кремнь. Находки покрыты белой и беловато-синей патиной (рис. 7—1—13). На этом местонахождении были обнаружены: 21 нуклеус (преимущественно призматической формы), 21 резец, 12 скребков, 6 пластин с притупленным ретушью краем, пластина со скошенными ретушью краями, 90 пластин и т. д. Средние размеры кремневого инвентаря 70—80 мм. Орудия труда изготовлены преимущественно на пластинах. Резцы состоят из 10 срединных, 4 боковых, 3 нуклеидных, 3 на углах пластин, с выемками на концах, одного двойного и углового на сломанной пластине. Среди срединных резцов необходимо отметить находку двух многофасеточных резцов на крупных отщепях и один нуклеидный резец с подправленным ретушью правым краем. Данное орудие напоминает нуклеидные резцы с подправкой ретушью сторон, обнаруженные в 1948 г. М. Я. Рудинским на стоянке Лиша (возле Дубно). В одном экземпляре был поднят двойной скребок на крупной пластине. Остальные скребки представлены преимущественно концевыми скребками. Здесь же был обнаружен фрагмент пластины с подтеской у основания по спинке и брюшку. Размеры пластинок с притупленным краем колеблются в пределах 20—50 мм. Пластины данного местонахождения более тонкие по сравнению с пластинами описанных выше солютрейских местонахождений. Кремневый инвентарь также более мелок. Характерны находки нуклеидных орудий на этом пункте. Местонахождение относится ко времени раннего мадлена.

На правом берегу Днестра, северо-западнее дер. Кишла-Неджимово (Оселивка) Кельменецкого р-на Черновицкой обл., были произведены сборы на палеолитической стоянке, известной в литературе по находкам Ч. Амброжевича. Здесь же в 1946—1947 гг. производил разведки также и П. И. Борисковский. Находки были обнаружены на склоне плато, к правому высокому берегу реки. Среди находок 13 нуклеусов, 6 резцов, 3 скребка, 3 пластинки с притупленным краем, пластины и отбросы. Кремневый инвентарь в среднем 40—60 мм. Орудия труда напоминают инвентарь таких стоянок, как Гонцы, Тимоновка и др. Находки относятся к мадленскому времени. В данном случае датировка стоянки среднемадленским временем, данная в 1938 г. П. П. Ефименко и в 1948 г. П. И. Борисовским, новыми собранными в 1948 г. материалами подтверждается.

Разведками в окрестностях дер. Вороновица Кельменецкого р-на Черновицкой обл. были собраны находки на всех четырех стоянках, известных по литературным данным. Сборы материалов в окрестностях этой деревни в 1946—1947 гг. производил также и П. И. Борисковский. Он обследовал два пункта.

На местонахождении Вороновица I — Барвинская Гора было собрано около 300 находок. Среди них 21 нуклеус призматической и неправильно призматической формы, 7 скребков на концах коротких пластин, 3 скребка на отщепях, угловые резцы, срединные резцы, нуклеидные резцы, скошенный резец, пластинка с притупленным краем и 2 острия, изготовленных на пластине и на отщепе. На стоянке Вороновица I обнаружен нуклеобразный резец с подправкой края ретушью. Кремневый инвентарь стоянки Вороновица I — Барвинская Гора имеет небольшие размеры; типами орудий напоминает предыдущую стоянку Кишла-Неджимова, стоянки Гонцы, Тимоновку и т. д. С полным правом этот пункт можно отнести к мадленскому времени.

Находящееся на склоне плато к Днестру местонахождение Вороновица II (северо-западнее Барвинской Горы) представлено небольшим количеством инвентаря, который состоит из 6 нуклеусов призматической формы небольших размеров, отбойника, 3 боковых резцов на пластинах и обломка скребка. Среди нуклеусов необходимо отметить находку дискообразного нуклеуса величиной $39 \times 33 \times 22$ мм. Средние размеры пластин 4—5 см. Употреблялся кремьнь светлокоричневый. Подобно двум указанным выше пунктам, инвентарь покрыт бело-синей и синей патиной. Местонахождение относится к мадленскому времени.

От описанных стоянок своим расположением отличаются стоянки Вороновица III и Вороновица IV, прослеженные на второй надпойменной террасе Днестра, ниже и выше крайних домов дер. Вороновица, вытянувшейся вдоль Днестра. На пункте Вороновица III (возле кладбища) были обнаружены находки костей лошади и северного оленя. Был собран кремневый инвентарь, состоящий из нуклеусов призматической формы, пластинки с притупленным краем, отщепов и отбросов. Инвентарь покрыт синей и светлосиней патиной. Этот пункт аналогичен по инвентарю нижним слоям Владимировской стоянки. Местонахождение относится к позднему мадлену.

Находки на пункте Вороновица IV (против устья р. Смотрич) были обнаружены на поверхности второй надпойменной террасы. Среди находок — призматические нуклеусы небольшого размера, концевые скребки, короткие скребки и т. д. Находки аналогичны орудиям, найденным на стоянках Кишла-Неджимова, Вороновица I.

На пункте Корман II — Темина часть кремневого инвентаря была обнаружена на склоне берега Днестра на высоте около 40 м, в верхней части лёсса стенок оврагов. Здесь были собраны 2 нуклеуса, резец, пластинка с притупленной спинкой, несколько отщепов и пластин. Кремневый инвентарь покрыт синей патиной. Нуклеусы призматические и дисковидные. Пластинка с притупленной спинкой небольшая — 27 мм; обнаруженный на этом местонахождении резец — это тройной резец на массивной пластине. Здесь же, в лёссе, были вынуты фрагменты костей северного оленя и лошади. Наличие тонкого культурного слоя, прослеженного в верхней части лёсса, характер кремневого инвентаря — все это говорит, что в данном случае обнаружены остатки сезонной стоянки позднемадленского времени.

Разведками на стоянке Сокол I, открытой в 1931 г. М. Я. Рудинским, было собрано около 800 находок. Стоянка расположена северо-западнее дер. Сокол Каменеу-Подольского р-на и обл., на склоне плато к левому берегу Днестра. Среди инвентаря 75 нуклеусов, 300 пластин, 47 скребков, 24 резца, 17 пластинок с притупленным краем, 2 скобеля, 2 проколки, 2 острия типа клинков перочинных ножей и др.

Для изготовления орудий употреблялся светлокоричневый галечный кремьнь и в небольшом количестве темносерый кремьнь. Основная масса инвентаря покрыта белой и бело-синей патиной. Кремневый инвентарь стоянки Сокол I характерен небольшими размерами. Средние размеры нуклеусов 40—50 мм; пластинки тонкие, удлиненные, узкие. Орудия размером также небольшие. Нуклеусы по форме представлены призматическими, неправильно призматическими и примитивно-коническими.

Обнаруженные на стоянке скребки являются скребками на концах коротких пластин, на фрагментах пластин. В небольшом количестве встречены скребки на отщепах и 3 двойных скребка. Среди скребков на отщепах обнаружены орудия с округлыми рабочими краями, аналогичные найденным М. Я. Рудинским на пункте Смячка XIV. Особый интерес представляет двойной килевидный скребок ($82 \times 32 \times 17$ мм), изготовленный на концах крупного кремневого скола (орудие относится к более древнему времени, чем остальной инвентарь). Скребки на пластинах стоянки Сокол I

аналогичны орудиям из третьего слоя Владимировской стоянки. Среди орудий необходимо отметить находку концевого скребка с обработкой по брюшку основания, пластину со слегка скошенным ретушью краем и миниатюрную проколку величиной $40 \times 7 \times 3$ мм. Пластинки с притупленным краем представлены тонкими миниатюрными экземплярами, типичными для стоянок конца палеолита и эпилепалеолита. Размер этих орудий колеблется в пределах 26—52 мм. Одна из пластинок напоминает низкий удлиненный сегмент.

Резцы стоянки Сокол I представлены восемью нуклеобразными резцами, восемью угловыми резцами на пластинах, пятью срединными резцами, боковыми и двойными. Большинство этих орудий изготовлено на небольших пластинках; формой и размерами они напоминают резцы эпилепалеолитического времени. Кремневый инвентарь стоянки Сокол I характерен началом процесса микролитизации, а этот процесс прослеживается в стоянках конца мадлена и начала эпилепалеолита. По сходству материалов с инвентарем третьего слоя Владимировской стоянки и с инвентарем стоянки Смячка XIV возможно данный пункт отнести к раннему азилю. находка в 1948 г. небольшого количества фрагментов костей северного оленя и лошади подтверждает эту датировку.

Часть инвентаря стоянки Сокол I (находки, покрытые глубокой белой патиной, некоторые крупные орудия — килевидный скребок, нуклеовидный срединный резец и т. д.) относится к более древнему времени. В 1948 г. этот комплекс находок был представлен небольшим количеством материалов.

На местонахождении Сокол II в 1948 г. было собрано около 500 находок, покрытых синей и бело-синей патиной. Кремневый инвентарь был обнаружен на кладбищенском мысу на высоте около 80 м над уровнем Днестра. Среди находок 42 нуклеуса, 17 скребков, 9 резцов, 7 пластинок с притупленным краем, острие, фрагмент наконечника. Находки обнаружены в лёссе — выбросе из могил и из канавы, окружающей кладбище. В этой канаве на глубине 1 м 10 см — 1 м 20 см в лёссе были обнаружены кости северного оленя и лошади.

Кремневый инвентарь напоминает предыдущий пункт размером и типами орудий, цветом кремня и т. д. Орудия труда стоянки Сокол II представлены небольшими скребками на отщепках на коротких пластинах и на фрагментах пластин. Резцы представлены нуклеобразными, угловыми, боковыми и одним двойным. Один из нуклеобразных резцов имеет подправку ретушью по одной из сторон, наподобие упоминавшейся ранее формы резца. Один из боковых резцов отретуширован по всему краю — орудие, напоминающее низкие удлиненные сегменты. Средние размеры орудий труда 40—30 см. Эти размеры свидетельствуют о том, что орудия стоянки относятся ко времени начала процесса микролитизации кремневого инвентаря. Весьма важной для датировки стоянки является находка обломка ивовидного наконечника стрелы с обработкой ретушью пластины по брюшку у основания. Размеры этого наконечника $40 \times 12 \times 6$ мм. Такие наконечники характерны для стоянок свидерского времени. Здесь же было обнаружено острие треугольной формы, изготовленное на пластине, у которой ретушью обработан не только край, но и основание. Среди находок — орудие на пластине с обработкой ретушью двух концов. У основания ретушь немного выемчатая. Найдена пластинка с обрубленным ретушью основанием.

Кремневый инвентарь стоянки Сокол II аналогичен основному комплексу находок на пункте Сокол I; он напоминает орудия труда третьего слоя Владимировской стоянки; формы орудий (некоторые виды боковых резцов) аналогичны орудиям азийских стоянок Крыма, имеются геометрической формы орудия; найден наконечник — все это дает возможность отнести эту стоянку к раннему этапу азийского времени.

Одной из самых интересных стоянок является местонахождение Поливанов-Яр (на 2 км ниже по течению от дер. Комарово, Кельменецкого р-на Черновицкой обл.). Находки были собраны на склоне плато между Днестром и устьем Поливанова-Яра. Кремневый инвентарь состоит из находок светлокоричневого и темнокоричневого кремня, покрытых серо-синей, беловатой и даже розоватой патиной. Собрано около 300 экз. (рис. 7—1—26). Среди находок 12 нуклеусов, 13 резцов, 7 скребков, 6 фрагментов пластин с краевой ретушью, 4 пластинки с притупленным краем, сверло на кремневом обломке, наконечники с выемкой и другие находки. Кремневый инвентарь небольших размеров (40—50 мм). Нуклеусы представлены призматическими, примитивно-коническими и дисковидными. Встреченные на стоянке пластины тонкие, удлиненные и хорошо ограненные. Около 50% пластин обнаружены в фрагментах.

Резцы состоят из 12 нуклевидных, 4 срединных, 3 боковых, 2 двойных и одного углового. Большая часть резцов изготовлена на маленьких пластинках. Среди резцов обнаружен двойной угловой на сечении пластины — одна из характерных форм мезолита. Необходимо также отметить находку нуклевидного резца с подправленным ретушью краем. Скребки преимущественно концевые, на пластинках и на фрагментах пластин. Один из них имеет выемчатый рабочий край. Соответственно ранее описанным орудиям, пластинки с притупленным ретушью краем также миниатюрные (39—27 мм).

На стоянке были обнаружены наконечники с выемками. Наиболее четкий экземпляр представлен № 10 (рис. 8); размер его $55 \times 15 \times 3$ мм, изготовлен на фрагменте пластины. Ретушь нанесена с бьюшка по левому краю пластины, образуя выемку. Подобного типа наконечники известны в стоянках свидерского времени (имеется в виду стоянка Новый Млин, опубликованная Л. Савицким). На втором наконечнике выемка образована зубчатой ретушью, нанесенной с двух сторон на левом крае пластины. На стоянке Поливанов-Яр было обнаружено орудие треугольной формы (рис. 8—19) с обработанным ретушью левым краем и основанием, аналогичное треугольному острию из стоянки Сокол II. Найдена пластинка с ретушью по правому краю; формой она напоминает сегмент. Это орудие и указанное ранее аналогичны орудиям свидерских стоянок.

Кремневый инвентарь стоянки Поливанов-Яр представляет время, соответствующее азилю, хотя типичных азийских форм орудий труда здесь не встречено. Находка наконечников с выемкой — первая находка на территории УССР.

К этому же времени относится пункт Бабин VI — Муравишко (в 2 км восточнее с. Бабино) — мыс плато над правым берегом Днестра. Здесь было собрано небольшое количество находок, состоявших из темнокоричневого кремня, покрытого синей и серо-синей патиной. Среди находок 6 нуклеусов, 8 скребков, 9 резцов, сегмент, пластинка с притупленным краем, скребок с выемкой, 2 фрагмента скребков с частичной ретушью. Кремневый инвентарь отличается небольшими размерами. Так, например, самый крупный из нуклеусов имеет всего 45 мм в высоту. Форма нуклеусов призматическая. Скрепки представляют орудия на коротких пластинках и на отщепках. Из резцов обнаружены: 2 срединных, 2 угловых, 3 двойных, 2 боковых. Большая часть резцов изготовлена на пластинках. Один из боковых резцов напоминает низкий сегмент; ретушью покрыт правый край пластинки (как и у резца из стоянки Сокол II). Пластинка с притупленным краем миниатюрная — 35×10 мм. Сегментообразное орудие изготовлено на небольшой массивной пластинке. Здесь же был поднят обломок пластинки с ретушью по краям — возможно, фрагмент наконечника.

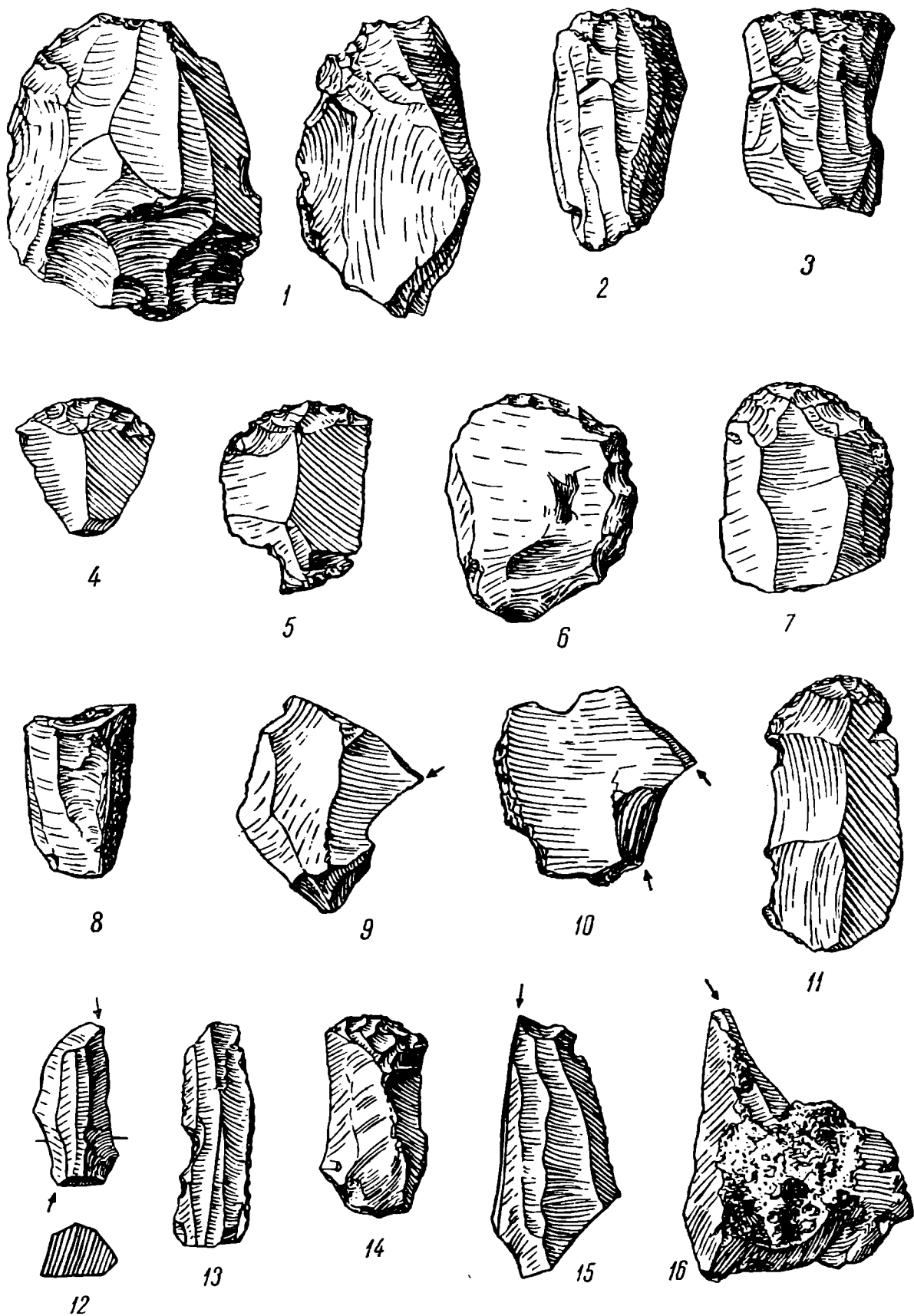

Рис. 7. Кремневые орудия со стоянки Бабин IV ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

1 — дисковидный ядро; 2, 3 — ядра; 4, 5, 6, 7, 11, 14 — типы скребков; 9, 12, 15, 16 — резцы; 10 — резец на поперечном сколе ядра; 8 — выемчатое орудие на обложке пластины; 13 — пластинка с выемкой

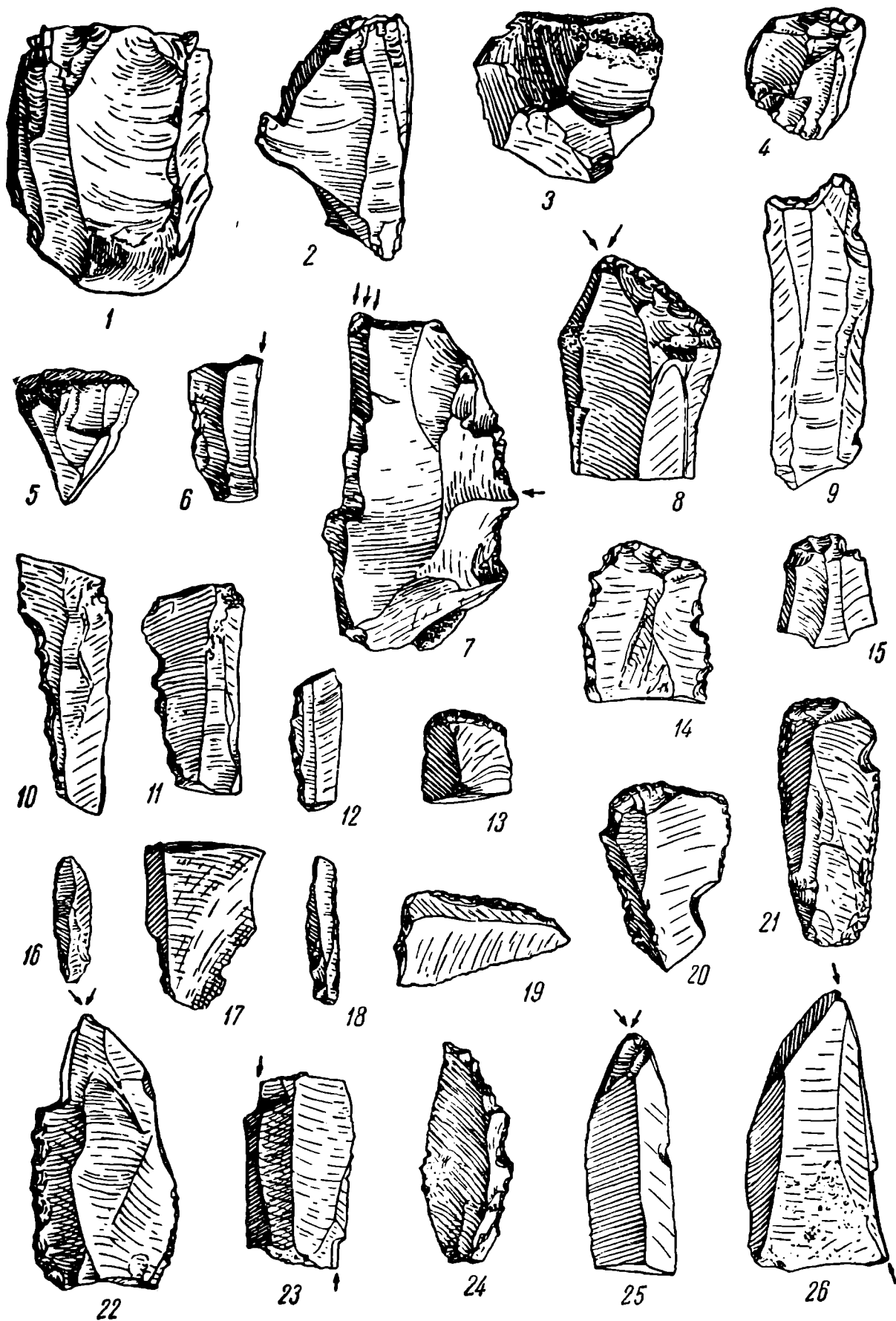

Рис. 8. Кремневые орудия со стоянки Поливанов-Яр ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

1, 2, 3, 4 — нуклеусы; 5 — конический нуклеус; 6 — угловой резец; 7 — нуклеидный резец; 8, 22, 25 — срединные резцы; 9 — выемчатый скребок на конце пластинки; 10, 11 — обломки наконечников с выемкой; 12, 16, 18 — пластинки с притупленным краем; 13, 14, 15, 20, 21 — тьяпы скребков; 17, 19, 24 — орудия треугольной формы; 23 — двойной угловой резец; 26 — двойной резец

На местонахождении Бабин VII — Виноградник были сделаны и находки мезолитического инвентаря. К этим находкам относятся 8 нуклеусов неправильно-призматической и уплощенно-призматической формы, 3 скребка на отщепах, скребок-резец, срединный резец, 2 миниатюрные пластинки с притупленными краями. Кремневый инвентарь покрыт серо-синей патиной. Средний размер инвентаря 40—50 мм.

Более позднюю группу находок представляет инвентарь, обнаруженный на местонахождении Бабин IV — Цимбалова Говда (рис. 8—1—16). Для изготовления орудий употреблялся темнокоричневый кремнь, покрытый серо-синей и синей патиной. Среди находок 21 нуклеус, 18 резцов, 14 скребков, 2 скобеля. Средний размер инвентаря 50×40 мм. Нуклеусы представлены призматическими, уплощенно-призматическими и одним дискоидным. Большая часть нуклеусов имеет по две ударные площадки. Обнаруженные на стоянке пластины тонкие, удлиненные и хорошо ограниченные.

Резцы изготовлялись на кремневых обломках и отщепах, лишь 6 из них являются резцами на пластинах. По форме они относятся к срединным (4), угловым (7) и боковым (7). Среди угловых резцов необходимо отметить резец на поперечном сколе от нуклеуса (рис. 8—10). Скребки также являются орудиями на отщепах и на коротких пластинах. Некоторые из скребков имеют круглый рабочий край. Собранные здесь пластинки с притупленным краем — миниатюрные.

Одной из характерных для этого времени находок является пластина с выемкой на левом крае. Здесь же был обнаружен скобель с двумя рабочими краями и 2 пластинки с подправкой концов в виде выемки. Среди находок поднята также пластинка со скошенным ретушью концом. Кремневый инвентарь этого местонахождения имеет небольшие размеры; среди находок ряд орудий микролитического характера, но, с другой стороны, обнаружены крупные скребки на отщепах, крупные резцы на обломках и отщепах. Все это — характерные черты тарденуазского времени.

У дер. Молодова, на склоне 3-ей террасы Днестра был обнаружен кремневый инвентарь, состоящий из находок светлокорицевого и серого кремня, покрытого синеватой, серо-синей патиной или же без патины. Здесь найдено 17 нуклеусов, отбойник, 7 скребков, скребок-резец, 11 резцов, наконечник, пластины и отбросы производства. Местным населением данный мыс называется «горб Додач». По форме нуклеусы этого местонахождения относятся к коническим, призматическим и дискоидным пирамидальным. Преобладают призматические нуклеусы. Крупнейшим нуклеусом является нуклеус конической формы, величиной 97×56×41 мм. Небольшой отбойник изготовлен из серого кремня. Изготовленные на отщепах, обломках и пластинах резцы представлены четырьмя угловыми, двумя срединными, тремя двойными и боковым. Один из резцов на поперечном сколе от нуклеуса. Все скребки представлены концевыми скребками. Кроме пластин, для изготовления скребков употреблялись и краевые сколы от нуклеусов. Три концевых скребка имеют ретушь по обоим краям. На стоянке был обнаружен наконечник с черешком, изготовленный на пластине величиной 71×18×4 мм. Ретушью обработаны правый край по брюшку и конец пластины по спинке. Подобного типа наконечники встречены в стоянках мезолитического времени (Елин Бор, Борки).

Кремневый инвентарь данного пункта относится к позднему мезолиту. Типы орудий палеолитические, но в употребление начал входить серый кремнь, характерный для неолита Днестра. Кроме того, обнаружены кремневые поделки (резцы на поперечных сколах от нуклеуса, наконечник) — форма, встречающаяся в мезолите. Скребки на пластинах с ретушью по краям, которая частично притупляет эти края, также являются признаком

более позднего времени, чем все предшествующие описанные стоянки. Все это дает возможность отнести данное местонахождение к концу мезолита.

В результате всего изложенного можно отметить, что разведками 1948 г. на правом и левом берегах Днестра обнаружены местонахождения нижнего и среднего палеолита, солютрейского времени, мадленского времени и разных стадий мезолита. Все эти пункты представлены в одних случаях богатым количественно и качественно материалом, а в других — более бедным материалом, но среди них отсутствуют находки, относящиеся к ориньяку. В наших материалах почему-то ориньяка не оказалось. Все это лишней раз доказывает, что отнесение ряда стоянок к ориньяку на основании находок орудий, отдаленно напоминающих ориньякские формы стоянок Западной Европы, является ошибочным.

В СССР в последнее время обнаружены памятники раннесолютрейского времени с мустьерскими пережитками, что свидетельствует о перерастании на нашей территории мустье в солютре (нижний слой Костенок I — Тельманская стоянка). С другой стороны, обнаружены и мустьерские стоянки, где встречен инвентарь, напоминающий солютрейские наконечники (Ильская стоянка). Разведки 1948 г. на Днестре лишней раз подтвердили положение о перерастании мустье в солютре. Кроме этого, разведками удалось не только обнаружить мезолитические памятники, но и установить, что мезолитические стоянки Днестра располагаются преимущественно на высоких берегах, на склонах плато. До настоящего времени большая часть стоянок мезолитического времени была связана с находками на дюнах. Собранный во время разведок 1948 г. на Днестре материал расширяет в значительной степени наши знания о древнейшем периоде истории Поднепровья и дает возможность подойти к решению вопроса о датировке палеолитических стоянок этой территории, вопроса, который окончательно будет решен лишь после проведения раскопок.

Т. С. ПАСЕК

ТРИПОЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ДНЕСТРЕ

Исследования Трипольской экспедиции, ведущей более 10 лет систематические раскопки и разведки на территории Украины, позволили всесторонне осветить жизнь трипольских племен, населявших территории Поднепровья и Побужья в III—II тысячелетиях до нашей эры.

За последние годы в результате раскопок на таких поселениях, как Гóродск, Коломийщина I и II, Владимировка, а также на основе разведок в Киевской и Кировоградской областях экспедицией был установлен характер родовых трипольских поселений, исследована конструкция больших наземных трипольских домов и изучено хозяйство эпохи Триполья. Раскопки поселений выявили также локальные особенности среди земледельческих трипольских племен, причем на основании изучения различных комплексов находок и данных стратиграфии установлен процесс развития и относительная хронология трипольских памятников.

На основе обобщения результатов Трипольской экспедиции явилась возможность создать периодизацию трипольских поселений, начиная с древнейших времен и до эпохи ранней бронзы. Одновременно решался вопрос о происхождении культуры трипольских племен и выяснялись связи их с соседними племенами левобережья Днепра и племенами Дунайского бассейна. Однако в процессе исследования трипольских племен характеристика отдельных этапов развития не могла быть дана с одинаковой полнотой для каждого этапа и для всей территории расселения племен.

Раскопки трипольских поселений были сосредоточены за последние годы главным образом в Поднепровье и в Побужье, тогда как район Поднестровья оставался менее изученным. Кроме того, на основании нового материала из раскопок на поселениях Коломийщина I и II, Гóродск и Владимировка могли быть освещены лишь средний и поздний этапы развития трипольских племен.

Для решения же вопроса о раннем этапе в развитии Триполья необходимо было начать систематические работы в новом, наименее изученном районе — в районе Поднестровья, откуда были известны отдельные находки раннего этапа и где были сделаны наблюдения над многослойными и разновременными трипольскими поселениями.

Из Поднестровья уже давно стали известны находки из таких трипольских поселений, как Бильче-Злоте, Кошиловцы, Бучач — на левом берегу Днестра; Незвишка, Городница — на правом и др. Раскопки и разведки 1925—1930 гг. обнаружили ранние трипольские поселения у с. Кадиевцы и Брага в районе Каменец-Подольска и у с. Озаринцы (урочище Попов-Город) в районе Могилев-Подольска. На левом берегу Днестра в 1946 г.

были начаты раскопки на месте раннего трипольского памятника, у с. Лука-Врублевская.¹

В начале XX в. на территории Бессарабии были проведены раскопки трипольских площадок у с. Петрени. В степной части Причерноморья, по среднему течению Днестра, около Тирасполя еще в конце XIX в. проводились раскопки курганов позднетрипольского времени. Румынские археологи за последнее двадцатилетие вели сравнительно небольшие работы в Поднестровье. Наиболее значительными явились раскопки Ч. Амброжевича у с. Дарабани, ниже Хотина, на Днестре, где на трипольском поселении обнаружены два культурных слоя с разновременными комплексами находок. Часть материала из этих раскопок хранится в Кишиневском и Черновицком музеях и не опубликована.²

Археологические разведки на территории Молдавии, организованные в 1946—1947 гг. Молдавской научно-исследовательской базой АН СССР, проведены на левом берегу в бассейне среднего течения Днестра близ гор. Рыбницы, у с. Выхватинцы, где вскрыты погребения усатовского типа.³

В 1947 г. Трипольская экспедиция вела разведки на правом берегу Днестра, в районе сел Солончени, Стохная, Екимауцы, Сахарна, а также у с. Горódка на р. Ботна.⁴

В 1948 г. Трипольская экспедиция раскопок не производила,⁵ но осуществила археологическую разведку на правом берегу Днестра, начиная от гор. Хотина, вниз по течению до с. Корман, т. е. проделала разведывательный маршрут протяженностью более 60 км.

Основным заданием на 1948 г. было проведение разведки в указанных районах с тем, чтобы получить основные археологические материалы для характеристики живших на правобережье Днестра трипольских племен и с достаточной четкостью установить особенности культуры по сравнению с хорошо изученными памятниками Поднепровья и Побужья. Была поставлена также задача проверить имевшиеся в литературе сведения о многослойных трипольских поселениях, столь необходимые для уточнения имеющейся в настоящее время периодизации.⁶

Основным местом разведок экспедиции были Хотинский и Кельменецкий р-ны Черновицкой обл. УССР.

Ландшафт района, избранного для исследований, исключительно сложный для проведения археологических разведок. Днестр здесь, в среднем течении, резко извилист. Оба берега его высоки и в большинстве совершенно отвесны. Поверхность Черновицкой обл. в районах, прилегающих к Днестру, представляет холмистую, сильно расчлененную речными долинами и древними оврагами местность. Такова Хотинская возвышенность и Днестровская гряда.

¹ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская и его значение для истории раннеземледельческих племен Юга СССР. С. А., т. XI, 1949.

² Česlav Ambrojević. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. Dacia, т. III—IV (1927—1932), Bucarest, 1933.

³ А. Е. Алихова. Выхватинский могильник. КСИИМК, вып. XXVI, 1949.

⁴ Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949.

⁵ В 1948 г. Трипольская экспедиция ИИМК была организована, как и во все предшествующие годы, совместно с Институтом археологии АН УССР и проводилась под моим руководством. В работе Трипольской экспедиции принимали участие ее постоянные сотрудники А. П. Черныш, Е. К. Черныш, аспирантка Киевского гос. ун-та Т. Г. Мовша, фотограф В. П. Ажимов, чертежник В. И. Лобов.

⁶ По пути из Киева в Черновицы, экспедиция имела возможность осмотреть археологические коллекции музеев Житомира, Бердичева, Проскурова, Каменец-Подольска и Черновиц, побывав также на местах раскопок в Софиевке на Днепре, под Киевом, в Райках, в Сандраках-Хмельницких на Буге, в Крутобородах на Ушице, в Луке-Врублевской, в Патринцах, в Соколе на Днестре, на Пруте — на трипольских поселениях у сел. Шипеницы, Ветилровка, Магала и другие.

Близкое соседство Карпат сказалось на рельефе Черновицкой обл. и северной Молдавии. Этот рельеф отражает происходившие в Карпатах тектонические процессы. Своеобразной чертой рельефа являются так называемые «толтры», по-местному — «стинки».

Хотинская возвышенность, сильно расчлененная глубокими древними оврагами, переходит в Днестровскую гряду. Возвышенности своеобразные по формам, округлые, с куполообразными вершинами, покрытыми листовым лесом из дуба, граба, липы, клена и бука. Линия наибольшей высоты Днестровской гряды прижата к Днестру.

Сильная и глубокая расчлененность Днестровской гряды и Хотинской возвышенности, покрытых местами лесом, создает много защищенных от ветров речных долин и глубоких балок, благоприятных для заселения их человеком. Склоны речных долин и древних балок покрыты довольно большой толщей лёссовидных суглинков, подзолистыми почвами и черноземом; это также создает исключительно подходящие условия для развития здесь, начиная с древнейших времен, земледельческого хозяйства. По всей местности в третичных отложениях и в галечниках встречено огромное количество кремня.

В 1948 г. экспедиция провела обследование 58 памятников различного времени, включающих: 1) стоянки эпох палеолита и мезолита; 2) энеолитические трипольские поселения; 3) скифские селища; 4) поселения и могильники эпохи полей погребений; 5) славянские селища; 6) Траяновы валы.

В настоящей статье я останавлиюсь вкратце на результатах работы экспедиции в области изучения трипольских поселений.

До начала разведок 1948 г. были известны топографические условия, в которых следует искать места трипольских поселений, как обычно, располагавшихся на плато по соседству с балкой, по дну которой течет ручей или небольшая речка. Именно на плато в Молдавии были в 1947 г. обнаружены трипольские поселения у сел. Городки, Солончени, Стохная и Екимауцы. В подобных же условиях располагается и поселение у Петрени. Таким образом, здесь, на Днестре, наиболее характерным явилось, как это было и в Поднепровье и в Побужье, расположение трипольского родового поселения на высоких точках рельефа. Такое местоположение оказалось типичным и для большинства трипольских поселений, которые изучались экспедицией в текущем году. Останавлиюсь на некоторых, с моей точки зрения, наиболее интересных.

Трипольское поселение в уроч. Замчиско, у с. Дарабани на Днестре, известно по находкам, сделанным еще в первую мировую войну. Находки хранятся в Музее Института этнографии в Ленинграде и были мною в свое время изданы.⁷ Причем тогда резко выделились два комплекса находок, названные мною Дарабани I и Дарабани II.

Румынский археолог Ч. Амброжевич в своем отчете, напечатанном в 1933 г., сообщил, что им в этом месте открыты жилища с глиняными, слабо обожженными полом и стенами; им были сделаны также наблюдения над двумя культурными горизонтами поселения.⁸

Таким образом, в Дарабанах, как в Кукутенах и в Извоаре, удалось наблюдать два культурных горизонта, соответствующих двум этапам развития Триполья. Последние раскопки Амброжевич производил в Дарабанах во время Великой Отечественной войны (1942). Об этом мы узнаем из его отчета, напечатанного в Бухаресте в 1944 г., в котором автор подтверждает, что им установлены в Дарабанах конструкция глинобитных

⁷ T. Passek. La céramique tripolienne. ИГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

⁸ Ceslav Ambrojevici. Указ. соч.

жилищ эпохи энеолита и стратиграфии поселения.⁹ С материалами из этих, видимо, довольно больших румынских раскопок удалось познакомиться в Черновицком музее.

Трипольское поселение у Дарабани лежит на западе, непосредственно за селением того же названия, которое растянулось вдоль Днестра. У начала села в Днестр впадает небольшой ручеек, протекающий по глубокому оврагу, носящему, как и возвышенность, название Замчиско. Ручей огибает высоко поднимающуюся над долиной Днестра возвышенность, на которой и лежит трипольский поселок. С давних лет здесь велись разработки камня и добыча мела и слюды. Отвесные стенки возвышенности состоят из слоистой породы с блестками слюды.

Следами глубоких ям от разработки камня сильно изрыта поверхность поселения в уроч. Замчиско. В настоящее время часть мыса отведена под посеvy, другая не обрабатывается. Подъемный материал и культурный слой, доходящий здесь до 70 см, в стенках ям прослежен больше чем на 200 м вдоль плато. В южной части возвышенность перерезана едва заметным и сильно оплывшим древним валом, отделявшим napольную часть от стрелки.

Среди подъемного материала и в культурном слое, кроме трипольской и небольшого количества славянской, имеется и скифская грубая керамика с налепным орнаментом. По всей вероятности, древний вал на Замчиско восходит к скифскому времени.

При осмотре поселения экспедиция произвела зачистку стенок ям и заложила четыре контрольных шурфа.

В шурфе № 1, доведенном до 1.60 м глубины (до материка), культурные наслоения в черноземе оказались достаточно мощными. Основные трипольские находки шли с глубины 40 см до 1 м 10 см, т. е. толщина культурного слоя доходила здесь до 70 см.

Культурный слой представлял собой чернозем с значительными вкраплениями глиняной обмазки, створок раковин *Urio*, костей животных, керамики. Правильные напластования глинобитных остатков начались с глубины 60—80 см, где встречены каменные зернотерки и большое количество сосудов.

В шурфах и в разрезах на поселении выделились комплексы находок безусловно двух горизонтов культурного слоя.

Большая, чем обычно, толщина культурного слоя в Дарабани, достигающая до 70 см (тогда как толщина обычного культурного слоя 20—30 см), говорит о длительном существовании здесь поселения.

Среди находок в верхних слоях оказались чаши и двухконусные сосуды с черной и красной росписью, глиняные пирамидальной формы грузила, грубые кухонные сосуды, обломки зернотерок, отщепы кремня, нуклеусы неправильной конической формы, кости животных, створки раковин *Urio*, мотыга из рога оленя, с отверстием для продевания шнура.

В заложенном на мысу шурфе № 2 была такая же картина залегания слоев, но с большим количеством плиточной и вальковой обмазки, столь характерной для глинобитных трипольских жилищ. Среди находок обнаружены: кремневые отщепы, нуклеусы, скребки, обломок сланцевого клина, кремневый отбойник, рог косули, употреблявшийся для копания. Среди керамики — сосуды с черной и красной росписью, а также грубая кухонная посуда и сосуды, украшенные веревочным орнаментом.

В этом же шурфе (начиная с глубины 0.80—1.10 м) обнаружены части черных сосудов и глиняных ложек с углубленным орнаментом более ран-

⁹ Raport asupra activităţii ştiinţifice a muzeului naţional de anticărtaţi în anu 1942 і 1943. Bucareşti, 1944, стр. 11—12.

него этапа развития, а также фрагменты сосудов с трехцветной росписью типа Кукутени А. Та же картина наблюдалась в шурфах №№ 3 и 4.

Эти небольшие данные стратиграфии позволяют рассматривать керамику из Дарабани в двух комплексах. Для первого (Дарабани I) характерна керамика с трехцветной росписью. Сосуды приготовлены из розовато-желтой массы, очень твердой и плотной. Наружная поверхность сосуда покрыта довольно густым слоем красной красочной облицовки, поверх которой нанесена роспись черной краской. Промежутки между черными полосами покрыты белой краской. Часто поверх белого нанесены узкие красные полоски.

Это — типичный стиль трехцветной росписи, известной на поселениях Кудринцы, Кадиевцы, Кукутени А, Извоар II и других, относящихся к этапу V/I моей периодизации.¹⁰

Вместе с трехцветной керамикой очень интересна группа сосудов часто на подставках, с углубленным орнаментом; грушевидные сосуды, бинокли, шлемовидные крышки и глиняные ложки постоянно встречаются на ранних трипольских поселениях (Извоар I и Лука-Врублевецкая). Здесь же в Дарабанах имеются сосуды с углубленным спиральным орнаментом, причем пространство между лентами спиралей окрашено темнокрасной краской, изредка белой. Такая техника нанесения орнамента известна также на сосудах из ранних неолитических поселений типа Тордош, Винча; в 1948 г. фрагменты подобных сосудов, украшенные углубленным орнаментом и красной краской, обнаружены и в Луке-Врублевецкой.

В Дарабанах найдены также тонкостенная каннелированная посуда и кухонная, с примесью раковины и с грубой полосчатой отделкой поверхности, столь обычные в ранних трипольских поселениях.

Для второго комплекса находок (Дарабани II) характерен уже другой тип трехцветной росписи — когда поверхность сосуда покрывается белопалевой облицовкой, на которую наносится красная роспись, часто окаймленная черными узкими полосками. Это — типичный стиль трехцветной керамики более позднего времени (этап V/II моей периодизации). Вместе с ней постоянно обнаруживаются сосуды (глубокие чаши, конические сосуды) с черной и красной росписью, повторяющей стиль росписи на сосудах из верхнего слоя Кукутени В. Обнаружены здесь также сосуды, украшенные веревочным орнаментом; масса с примесью раковин.

Изучение хранящихся в Черновицком музее материалов из раскопок Ч. Амброжевича и разведки экспедиции 1948 г. у с. Дарабани подтверждают, что перед нами двуслойный трипольский поселок с глинобитными жилищами. Здесь, как и в Кукутенах и в Извоаре, имеются два культурных слоя, характеризующих хронологически разные этапы в развитии трипольских племен; причем комплекс Дарабани I соответствует нижнему слою Кукутени А, а комплекс Дарабани II — верхнему слою Кукутени В.

Наблюдения эти подтверждают периодизацию, намечившуюся на других трипольских поселениях.

Продвигаясь вниз по течению Днестра, экспедиция произвела разведку на двух обнаруженных в 1947 г. Б. А. Тимощуком трипольских поселениях у с. Коновка в урочищах Попикова-Крыница и Гамария.

Оба поселения лежат на правом берегу Днестра, на высоких возвышенностях, пересеченных глубокими оврагами, по дну которых текут ручьи. Неприступные склоны возвышенности, обращенные к Днестру, покрыты густым лиственным лесом. Поселения Попикова-Крыница и Гамария находятся под пашней. Среди подъемного материала, кроме находок трипольского времени, здесь обнаружена керамика скифская и эпохи полей погребений.

¹⁰ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетие до н. э.). МИА СССР, № 10, 1949.

Заложенный на поселении Попикова-Крыница шурф дал следующие наблюдения: в черноземном слое на глубине 40 см обнаружена керамика исключительно с углубленным орнаментом. Здесь совершенно не оказалось сосудов с трехцветной росписью или с росписью черной краской. Наряду с фрагментами сосудов найдены статуэтка, глиняная ложка, украшенная углубленным спиральным орнаментом, и фрагменты черных каннелированных тонких сосудов. Обе группы этой керамики, так же как и статуэтка, по технике, формам и по стилю орнамента чрезвычайно близки к находкам из Луки-Врублевцевкой и хронологически относятся к раннему этапу Триполья — этапу А моей периодизации.

Кроме перечисленных находок, здесь обнаружены кремневые скребки, ножи, скребло, фрагменты обмазки и раковины *Ulio*. Однако, в отличие от Луки-Врублевцевкой, находящейся на другом берегу (по прямой всего в 6 км), поселение Попикова-Крыница располагается не на заливной террасе, а на возвышенности и, судя по находкам глиняной обмазки, состоит из глинобитных жилищ обычного для Триполья типа.

Следующим районом, где сосредоточила свои разведки Трипольская экспедиция, был район с. Бабино. Наиболее интересным здесь оказалось трипольское поселение на северо-запад от села, в урочище Попово поле. Оно расположено на несколько пониженном плато над ручьем и занимает большое пространство. Территория поселения, видимо, совсем недавно стала подвергаться запашке, и на черноземе только что вспаханного поля четко заметны пятна яркооранжевой обмазки, составляющей части разрушенных глинобитных трипольских жилищ. Остатки жилищ, как это постоянно отмечалось при раскопках поселений в Поднепровье и в Побужье, располагаются по кругу правильными рядами. В одном из рядов можно было отметить остатки 14 больших глинобитных домов. Подъемный материал весьма значительный; среди фрагментов сосудов преобладает керамика с черной росписью, напоминающая расписные сосуды из Петрен, Шипеницы и Владимировки.

Находки кремневых изделий встречены также в большом числе — кремневые отбойники, ножи, клиновидный топор с заполированным лезвием из черного кремня. Кроме сосудов трипольского времени, имеется скифская керамика с наlepным орнаментом.

Следующий район работ экспедиции — с. Комарово. Здесь подвергнут обследованию ряд поселений: Стривка, Копанка, Бешевка, Кринички и другие; все они лежат на наиболее высоких точках рельефа Днестровской гряды, круто подходящей непосредственно к Днестру. На всех имеются остатки больших глинобитных жилищ, располагающихся по обычной системе — по кругу и образующих большие родовые поселения, как например, в Копанке и в Криничках, где поселок тянется больше чем на 500 м. Однако здесь имеются и свои особенности — на поселениях в этом районе культурный слой чрезвычайно богат изделиями из кремня. Остановлюсь на одном из этих поселений в урочище Поливанов-Яр.

В научной литературе сведения об этом памятнике мне неизвестны. Однако в собраниях Кишиневского музея хранятся из материалов румынских разведок фрагменты керамики и статуэток с обозначением «Поливанов-Яр». Знакомясь в 1947 г. с археологическими коллекциями Кишиневского музея, я обратила внимание на это случайное местонахождение. Разведка, предпринятая в 1948 г. на поселении Поливанов-Яр, оправдала мои предположения и дала много нового для понимания культуры и хозяйства трипольских поселений на Днестре.

Поливанов-Яр — овраг около с. Комарово; расположен он перпендикулярно к Днестру и тянется, пересекая Днестровскую возвышенность, вглубь более чем на 5 км. Крутые склоны оврага, особенно западные, покрыты

густым лесом. Восточные склоны на вершинах возвышенности обезлесены и находятся под пашней. По дну оврага течет, впадая в Днестр, речка, все берега которой усеяны галечным кремнем. На речке располагаются вдоль оврага водяные мельницы; не доходя до головной части оврага, на склонах находится село Поливанов-Яр.

На одном из высоких мысов восточного склона оврага находится урочище Ступник. С двух сторон мыс ограничен глубокими оврагами, обращенными в Поливанов-Яр. Склоны этих оврагов поросли лесом.

Поднявшись на мыс, возвышающийся над уровнем Днестра более чем на 100 м, экспедиция произвела разведывательные работы по всей территории мыса; на стрелке, подвергнувшейся наибольшему разрушению от вспашки, было обнаружено трипольское поселение с исключительно богатым находками культурным слоем. Перекопанный черноземный слой был сплошь усеян фрагментами трипольской керамики, глиняной обмазки, частями от каменных зернотерок, кусками белого плитчатого известняка, створок раковин *Unio*. Кроме того, сильно перепаханный культурный слой, начиная с глубины 30—40 см, оказался насыщенным кремневыми осколками, отщепами, пластинами, нуклеусами, отбойниками, кремневыми заготовками крупных клиновидных топоров и мотыг макролитического облика, кремневыми долотами и другими кремневыми заготовками, большим числом кремневых и сланцевых орудий.

— Это скопление кремневых изделий и сопровождающих их заготовок орудий, а также отщепы и крупные кремневые желваки находились главным образом в северо-западных участках мыса. Поселение же занимало все пространство мыса и, переходя далее в напольную часть, оказалось менее поврежденным, чем территория на стрелке. Напольная часть мыса перерезана слабо заметным древним валом и рвом более позднего времени.

Керамический комплекс поселения Поливанов-Яр представлен разнообразными находками, однако большинство относится к этапу В/1 — моей периодизации, т. е. ко времени таких поселений, как Кудринцы, Кадиевцы, нижний слой Кукутени А, Дарабани I и другие. Наибольшую керамическую группу составляют сосуды с углубленным орнаментом. Масса розовато-оранжевая, палево-розовая; глина с примесью довольно острых частиц шамота и мелкозернистого песка. Поверхности хорошо заполированы. Углубленный орнамент покрывает поверхность сосуда до самого дна, а на некоторых сосудах — и дно. Полосы орнамента неровно углублены в глину и имеют несколько волнистый край; ленты образуются одной-двумя, реже — тремя полосами. Основной орнаментальный сюжет — спиральный; пространства, свободные между лентами, заполнены полосами, полуовальными или округлыми углублениями. Формы сосудов очень разнообразные. Выделяются сосуды на подставке, грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, двухконусные и серия больших и малых биноклевидных сосудов (рис. 9). Особо выделяются фрагменты сосудов грушевидных, с углубленным ленточным орнаментом и с частичной покраской пространств между лентами белой и красной красками.

Значительную группу керамики составляют тонкостенные сосуды из желтовато-розовой массы. Поверхность их покрыта горизонтальными и вертикальными каннелюрами.

Кроме того, в поселении Поливанов-Яр имеются толстостенные сосуды, поверхность которых покрыта более широкими каннелюрами, пространство между которыми заполнено мелкими углублениями. Менее значительную группу составляют сосуды с трехцветной росписью, нанесенной черной и белой краской. Третьим цветом является более или менее густая коричнево-красная облицовка. Спиральная роспись покрывает сплошь поверхность сосудов, изготовленных из очень плотной розоватой массы, хорошо обож-

женной. По стилю и технике росписи сосуды повторяют керамику из Дарабани I, Кукутени А, Извоар II. По некоторым особенностям стиль росписи сосудов из Поливанова-Яра напоминает трехцветные орнаменты из Крутобороды I.

На поселении Поливанов-Яр, наряду с перечисленными группами керамики, имеется еще кухонная посуда с грубой полосчатой отделкой поверхности и с примесью раковин.

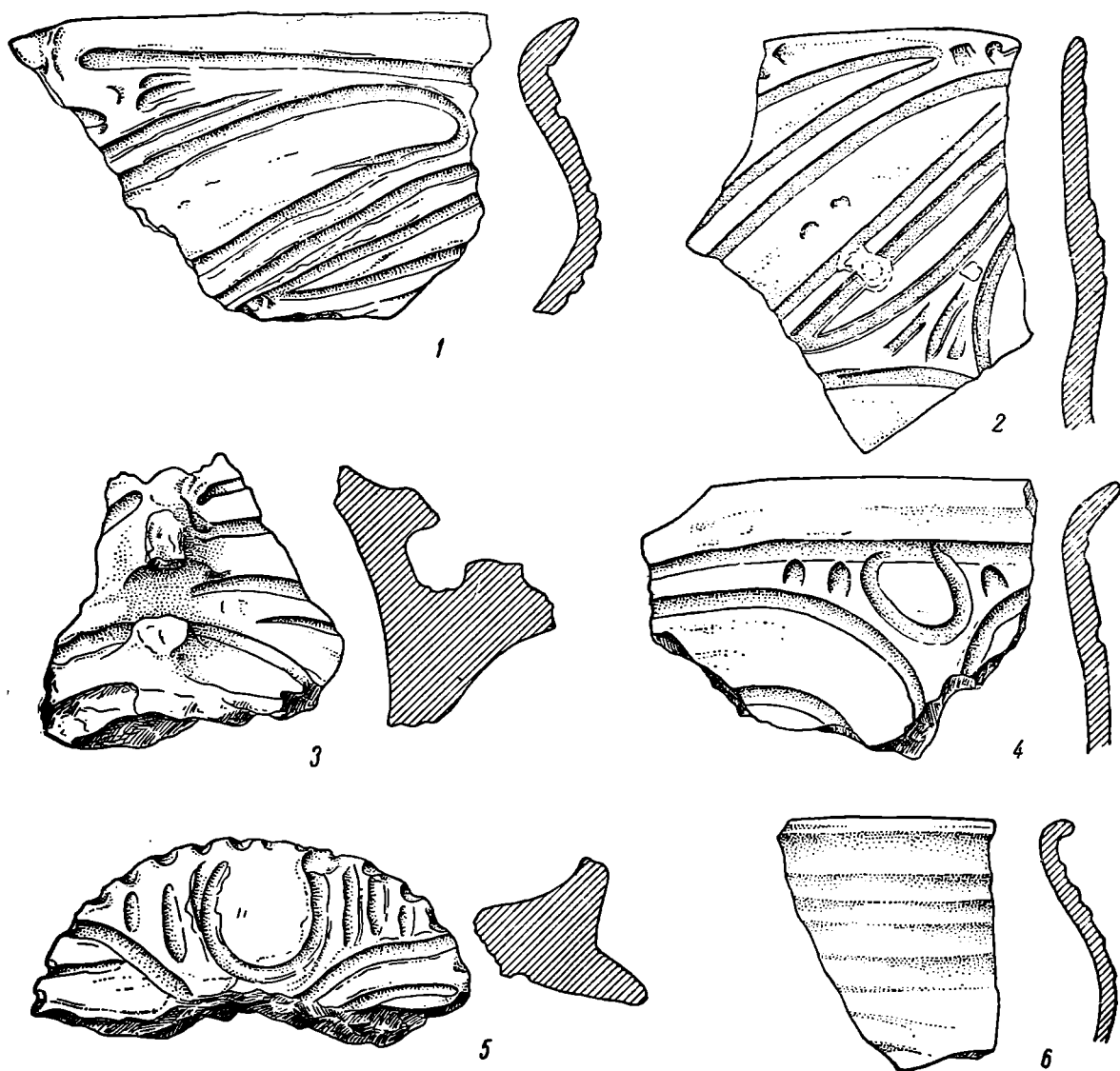

Рис. 9. Поливанов-Яр. Фрагменты сосудов с углубленным и каннелированным орнаментом ($\frac{2}{5}$ нат. вел.)

Чрезвычайно обильный кремневый инвентарь Поливанова-Яра можно разделить на следующие основные группы:

1) заготовки и незаконченные орудия (нуклеусы, пластины, заготовки орудий);

2) орудия (скребки, ножи, серпы, отбойники, ретушеры, сверла, проколки, наконечники стрел и дротиков, клиновидные топоры);

3) сопровождающий орудия материал (отщепы, куски кремня).

На поселении в процессе обследования обнаружено значительное количество инвентаря всех трех групп.

1. Свыше 35 нуклеусов правильной призматической и конической фор-

мы, со сколотыми со всех сторон пластинами. Пластины варьируют по ширине в пределах 5—10 мм. Кремень галечный, сероватый, белый, очень ломкий, часто сохраняется естественная корка от желвака. Некоторые нуклеусы использовались в качестве отбойников (рис. 10—4, 5, 6, 8, 9, 10).

2. Серия заготовок из кремня клиновидных топоров четырехгранных в сечении, обработанных грубыми сколами, идущими в различных направлениях и придающими орудию лишь его первоначальную форму. На некоторых имеется начатая на поверхности шлифовка орудия.

3. Грубые удлиненной формы орудия из серого кремня, употреблявшиеся, вероятно, как мотыги. Орудия обработаны грубой макролитической техникой (рис. 11—1, 2).

4. Заготовки крупных скребков, скребел (рис. 11—3).

5. Заготовки небольших орудий.

Среди орудий Поливанова-Яра должны быть выделены:

1. Фрагменты кремневых серпов на пластинах. Серпы обработаны только со стороны спинки. Ретушью края серпа обработаны со всех четырех сторон. В употреблении были обе стороны серпа, причем, конечно, этот тип серпа употреблялся в оправе. На правой и левой стороне пластинки имеются резкие следы заполированности от работы. Кремень светлосерый и дымчатый, прозрачный (рис. 12—9).

2. Фрагменты кремневых ножей на пластинах.

3. Концевых скребков 25; все они на пластинах, довольно широких, из серого кремня. Имеется два скребка на отщепах; один из них округлой формы сохранил участками корку на спинке (рис. 12—1—4, 6, 7).

4. Наконечники вытянутой треугольной формы дротиков с прямым основанием. Плоская ретушь с обеих сторон. Изготовлены из светлосерого кремня плохого качества. Кроме того, имеются два фрагмента наконечников дротиков, видимо, листовидной формы. Сохранилась черешковая часть; таким образом, следует считать, что этот предмет был расколот приблизительно посередине (рис. 13—6, 7, 8).

5. Наконечники стрел треугольно-вытянутой формы, крупного размера с довольно значительной выемкой у основания. Наконечники стрел изготовлены из серого и светложелтого кремня плохого качества. Поверхности обработаны довольно грубо (рис. 13—1, 2).

6. Наконечники стрел средних размеров, треугольной формы, с прямым основанием. Изготовлены из серого кремня плохого качества. Обе поверхности обработаны. Имеется наконечник стрелы листовидно-вытянутой формы с прямым основанием. Обработаны ретушью только края (рис. 13—3, 4, 5).

7. Ретушер из кремня очень хорошего качества, коричневато-дымчатого цвета, прозрачного. Высокая ретушь обрамляет все грани орудия (рис. 12—5).

8. Кремневое сверло со сломанным рабочим концом. Сверло трехгранное, обработанное со всех сторон; сделано на пластине. Кремень очень хорошего качества, коричневый, прозрачный (рис. 12—8).

9. Кремневые четырехгранные клинья (топоры), обработанные со всех четырех сторон сравнительно некрупными сколами (рис. 10—2).

10. Кремневые четырехгранные клинья, отполированные с широких сторон почти сплошь. Грубые сколы по узким сторонам (рис. 10—1).

11. Свыше 50 кремневых отбойников; рабочей частью на них являлась не одна, а многие грани. Кремень — галечный (рис. 10—7).

12. Четыре выпуклых в разрезе клина из мягких палево-желтых и сероватых сланцевых пород, оглаженных со всех сторон. Такого типа клинья постоянно встречаются на трипольских, особенно ранних поселениях (рис. 10—3).

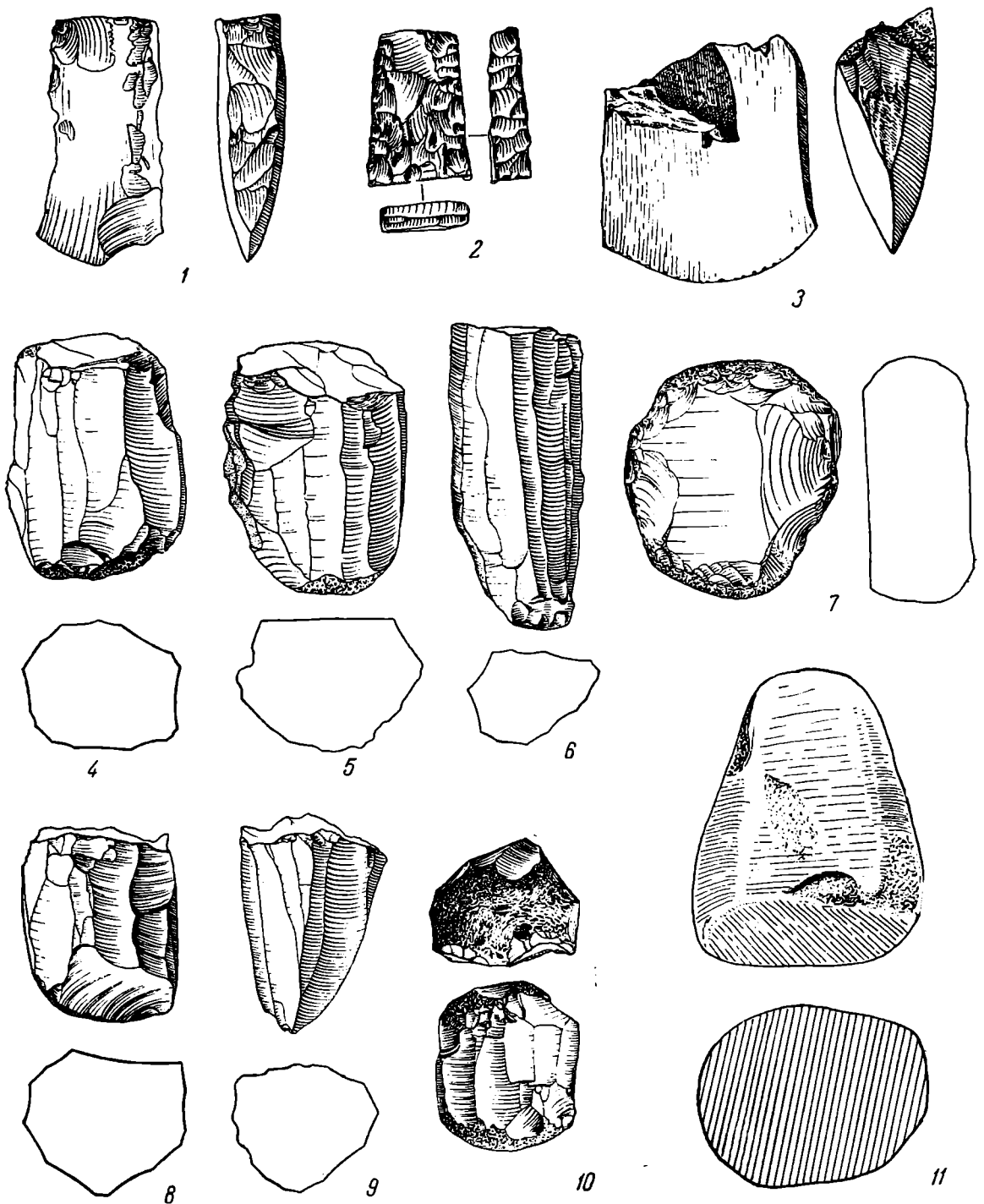

Рис. 10. Поливанов-Яр. Каменные орудия

1, 2 — клиновидные топоры из кремня; 3 — клин из сланца; 4, 5, 6, 8, 9, 10 — кремневые нуклеусы; 7 — отбойник из кремня; 11 — растиральный камень (галька). (1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 3, 11 — $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 7 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

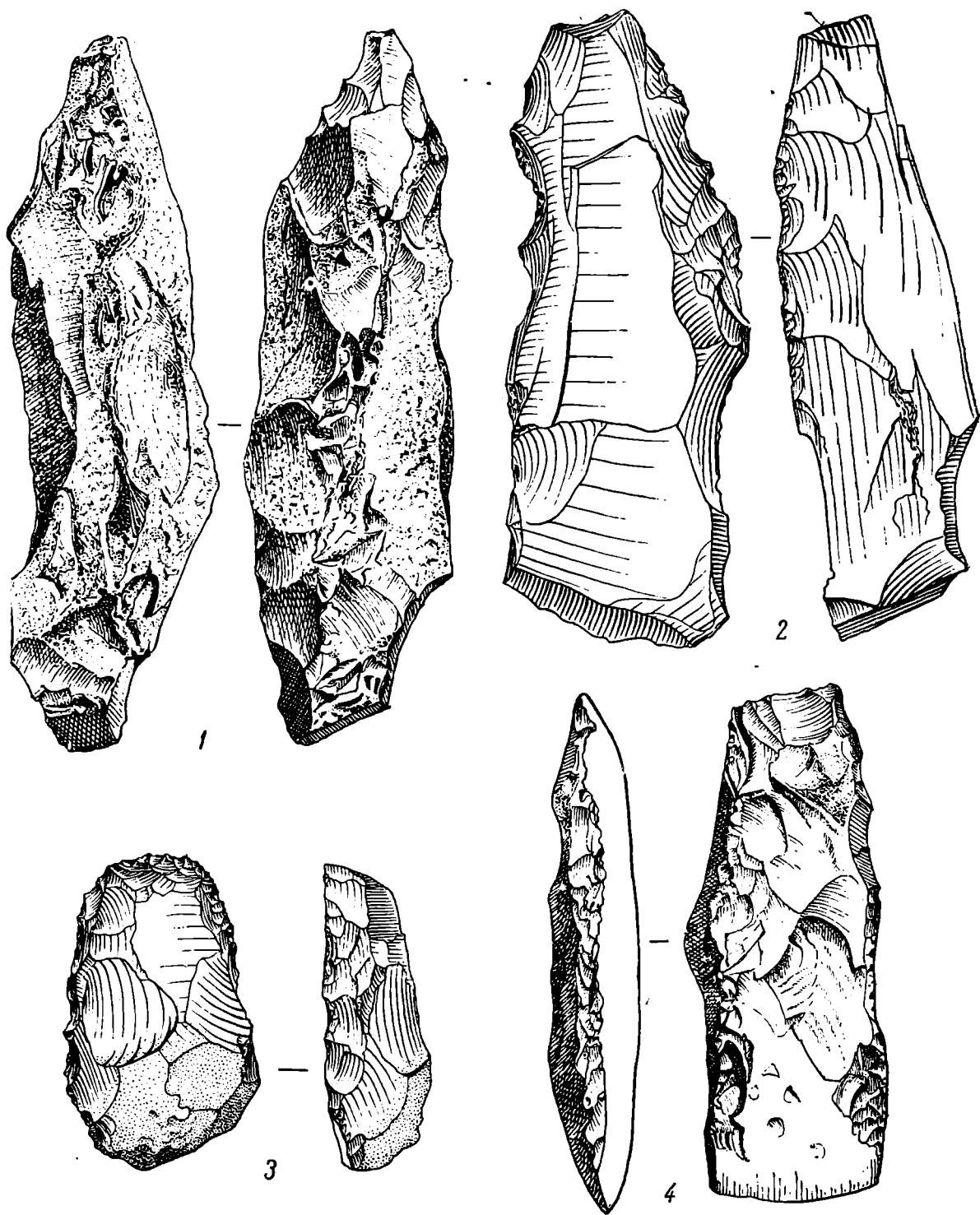

Рис. 11. Поливанов-Яр. Кремневые орудия и их заготовки

1, 2 — заготовки из кремня; 3 — массивный скребок из кремня; 4 — клиновидный топор из кремня
(1, 2, 4— $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 3— $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

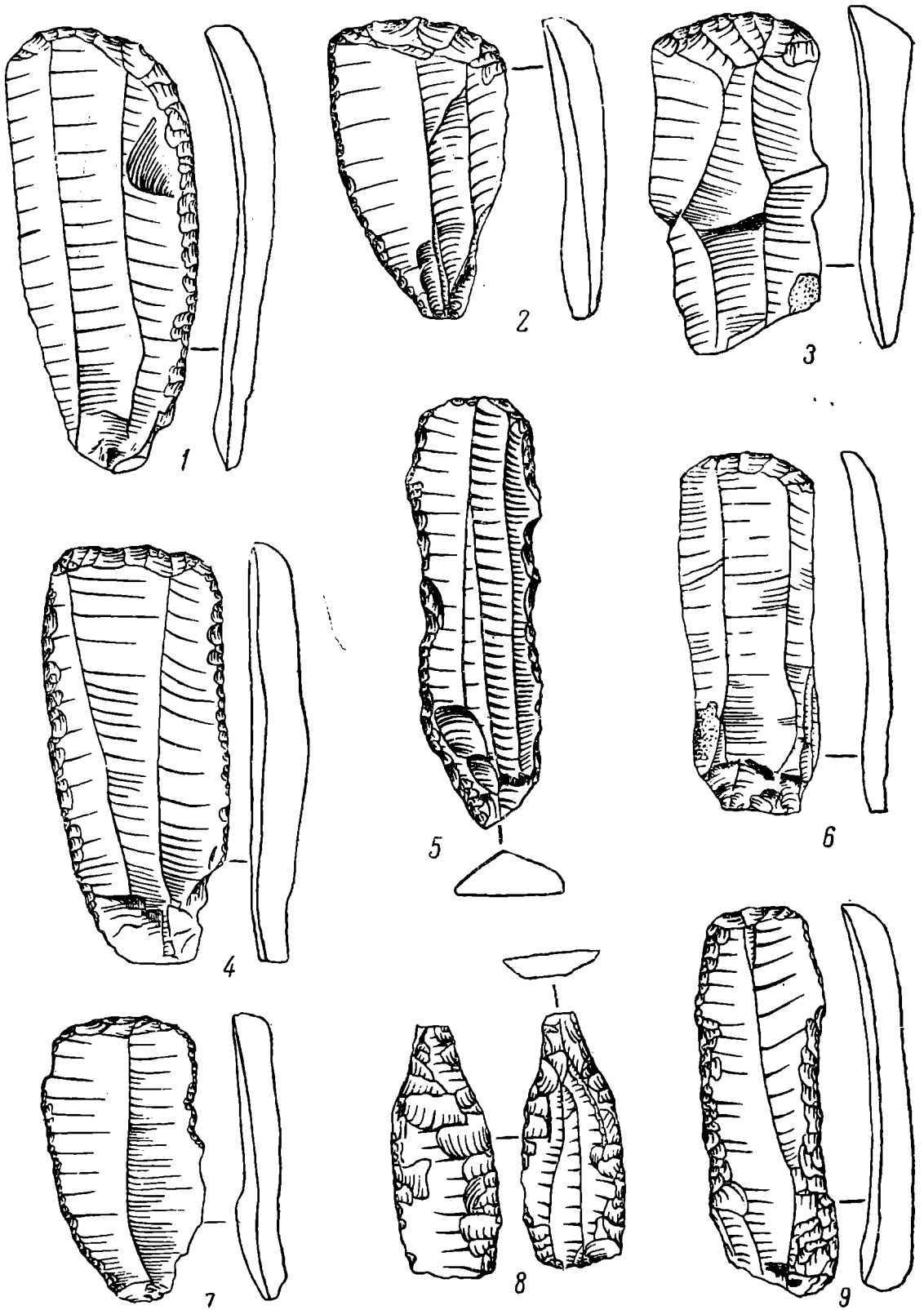

Рис. 12. Поливанов-Яр. Кремневые орудия

1—4, 6, 7 — скребки; 5 — ретушер; 8 — сверло; 9 — серп (1—4, 6, 7— $\frac{2}{3}$ нат. вел.; 5, 8, 9 — $\frac{7}{8}$ нат. вел.)

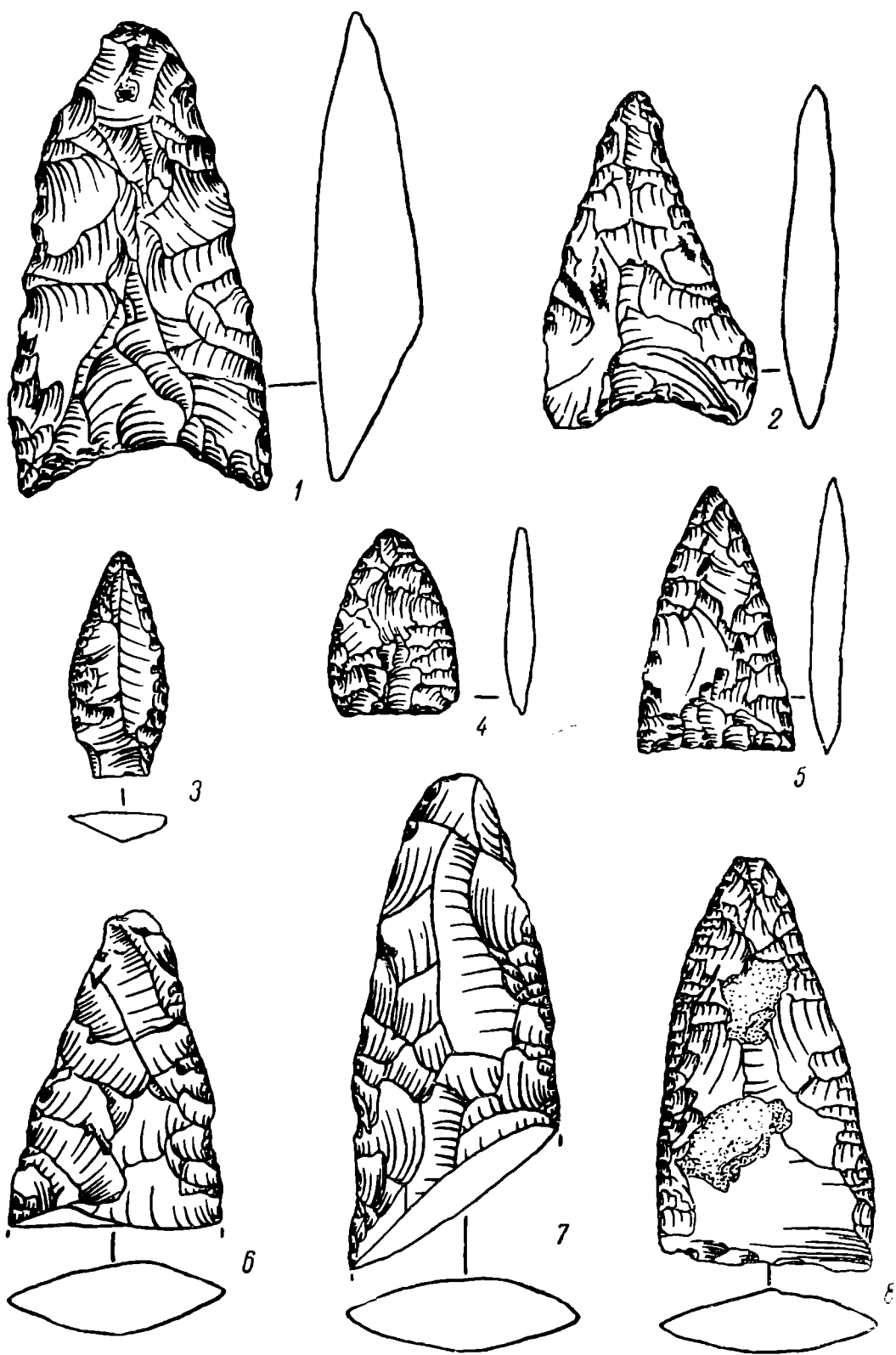

Рис. 13. Поливанов-Яр. Кремневые наконечники стрел и дротиков ($\frac{7}{8}$ нат. вел.)

13. Очень интересная находка фрагмента шестигранного, из серого сланца топора-молота с просверлиной. Аналогю этого типа топора мы имеем в шестигранном топоре-молоте из Луки-Врублевецкой.¹¹

Как видно из перечисленного, кремневый инвентарь из Поливанова-Яра чрезвычайно разнообразен и включает большое число орудий каждого типа.

Отдельную группу составляет материал, сопровождающий кремневые орудия, т. е. отщепы, осколки кремня, встреченные вместе с осколками кварцита здесь же, на поселении.

Таким образом, на трипольских поселениях в районе Комарово — Поливанов-Яр, как и в Криничках и у с. Корман и в других, открыты мастерские трипольского времени для изготовления кремневых орудий.

Открытие это весьма любопытно, так как до сих пор, несмотря на достижения, которых добились советские археологи в области изучения трипольской культуры, вопрос об орудиях труда в трипольском хозяйстве оставался еще далеко не разрешенным. Многие исследователи, изучавшие трипольскую культуру, касались кремневых орудий (например, В. В. Хвойко, Ф. Н. Волков, С. С. Гамченко и другие), но, к сожалению, это делалось кратко и несистематично. Специальная работа Б. Л. Богаевского — «Орудия производства и домашние животные Триполья» не могла ни в момент выхода ее в 1937 г., ни тем более теперь сколько-нибудь удовлетворить запросы.

Разведки Трипольской экспедиции в 1948 г. по Днестру по-новому решают вопрос о производстве кремневых орудий у трипольских племен. Не только в Поливановом-Яру, но и в других поселениях у с. Комарово (в урочище Кринички) и у с. Корман найдено много орудий и самые «мастерские». Это позволит осветить в будущем весь процесс изготовления кремневых орудий в Триполье и характер самой техники.

Разведки 1948 г. обогащают наши представления о типах трипольских орудий, значительно увеличивая их ассортимент. Кроме того, в результате работ экспедиции необходимо поставить вопрос о связи грубых орудий макролитического облика и их заготовок с трипольской кремневой «индустрией». Таким образом, здесь вновь поднимается вопрос о макролитических формах орудий, об их датировке среди днестровских каменных орудий. Точки зрения на макролитические формы орудий, как на архаические формы раннего неолита, высказываются многими исследователями, будь то макролитические формы, происходящие из Поднестровья, или с Валдайских высот. Не касаясь совершенно вопроса о необходимости, с моей точки зрения, передатировки этого типа орудий (макролитов) на Верхней Волге, — что сейчас делает Л. Я. Крижевская, — остановлюсь вкратце на вопросе об орудиях макролитического облика из Поднестровья, как он поставлен в ряде археологических работ.

Так, М. Я. Рудинский в своих долголетних исследованиях по Днестру (главным образом на левом берегу его) собрал большой материал о каменных орудиях этого района и на основе типологических признаков выделил для раннего неолита (докерамической стадии) орудия типа кампиньи, с характерными, как он пишет, «макролитизмами» в технике орудий и с обычными для эпохи кампиньи формами — «транше» и «пик». Для раннего неолита он выделил «пикоидальные» орудия и «долотовидные четырехгранные секиры с заполированным лезвием», происходящие из района Старая Ушица и других.¹² Таким образом, для эпохи кампиньи М. Я. Рудинский выделил тот тип орудий, который мы в настоящее время считаем

¹¹ С. Н. Бибииков, указ. соч., рис. 11.

¹² М. Я. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палетнологічних вивчень у межах УРСР. Антропологія, т. IV, Київ, 1931, стр. 175 и след., рис. 18.

трипольским. К началу неолита или к культуре кампиньи относит подобно-го типа макролитические орудия и В. И. Равдоникас в первой части своей книги «История первобытного общества». ¹³ Для раннего неолита он считает характерными макролиты Верхней Волги, Донца, Десны, Днестра и Днестра.

К положениям М. Я. Рудинского и В. И. Равдоникаса целиком примыкает и Е. Ю. Кричевский, который после разведок 1940 г. на левом берегу Днестра пишет свою работу, посвященную вопросам раннего неолита и происхождению трипольской культуры. ¹⁴ Он рассматривает собранные им грубые макролитического облика орудия как раннеолитические, принадлежащие докерамической культуре кампиньи на Днестре. Причем Е. Ю. Кричевский указывает, что все известные изделия из камня раннеолитической эпохи на Днестре были найдены на высоких террасах черноземного плато, как, например, у сел. Бакота, Ушица, Старая Ушица, Белая Гора, Студеницы, Ханьковцы, Жван, Губарево, Старые Патринцы и др., и полагает, что все эти орудия, без исключения, были найдены в таких же топографических условиях, как и трипольские поселения. «Недаром же, как правило, все подъемные материалы из разных пунктов Подольского плато состоят из кампиньинских орудий, с одной стороны, и трипольских черепков — с другой», замечает автор. ¹⁵ Однако он объясняет это не тем, что макролитического облика орудия являются орудиями трипольских племен, а тем, что раннеолитические и трипольские племена жили в бассейне Днестра на одних и тех же местах. Делая предположение, что раннеолитическое население занималось примитивным земледелием, Кричевский считает серию макролитических орудий наконечниками древнейших мотыг не трипольского, а кампинийского периода. В дальнейшем Кричевский полагает, что Триполье развивается на этой кампиньинской основе.

Отсюда понятно, что, рассматривая в этой работе трипольский кремневый инвентарь, Кричевский делает это на крайне ограниченном материале, имевшемся у него в распоряжении. Для раннего Триполья он выделяет комплекс кремневых орудий, в котором не имеется кремневых топоров (кроме топоров из мягких каменных пород), почти нет наконечников стрел. Неправильно, вслед за Рудинским, определив мотыгообразные, грубые, макролитического облика орудия как основные орудия периода кампиньи, Кричевский не вводит их в число трипольских кремневых изделий. Тем самым Триполье лишается основных типов земледельческих орудий.

Открытие трипольских мастерских с заготовками и серией орудий изменяет в корне эту точку зрения и приводит к следующим заключениям. В процессе археологических разведок 1948 г. Трипольской экспедицией на правобережье Днестра обнаружено свыше 30 поселений трипольских племен. Все они представляют, как и в Поднепровье и в Побужье, большие родовые поселки, располагающиеся обычно на высоких берегах Днестра и по его притокам, а также на плато вдоль больших оврагов. Экспедицией обнаружены трипольские поселения разного времени, датируемые ранним, средним и поздним этапами развития культуры Триполья. Наиболее важными явились ранние трипольские поселения, к которым следует отнести такие, как поселения у Коновки, Комарово (Кринички, Поливанов-Яр), Дарабани I и другие.

На этих поселениях среди находок обнаружены сосуды с углубленным спиральным орнаментом, тонкостенные сосуды с каннелюрами и сосуды с

¹³ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 1, 1939, стр. 281—283.

¹⁴ Е. Ю. Кричевский. Ранній неоліт і походження Трипільської культури. (Отдельный оттиск). Київ, 1947, стр. 350 и след., рис. 9, 10.

¹⁵ Там же, стр. 351.

трехцветной росписью, по типу близкие к находкам нижнего слоя Кукутени А. Многими чертами керамика этих поселений сближается с находками из Луки-Врублевцевкой.

Сделанные в 1948 г. наблюдения говорят со всей определенностью о том, что на раннем этапе развития в Поднестровье обычным является у трипольских племен многосемейный большой дом, построенный из дерева и обожженной глины. В этих коллективных наземных жилищах жило несколько парных семей матриархально-родового общества. До последнего времени экспедицией изучались большие трипольские дома в Поднепровье и Побужье. Теперь такие же жилища установлены и на Днестре. Новым должно считаться открытие на некоторых ранних поселениях мастерских для изготовления кремневых орудий. Большой набор кремневых заготовок, грубого макролитического облика мотыг, долот, клиновидных топоров, заготовок других мелких орудий, а также находки на месте трипольских поселений большого количества нуклеусов, отбойников и т. п. позволяют достаточно полно изучить процесс изготовления кремневых орудий в эпоху Триполья, т. е. по-новому осветить наиболее темную страницу из жизни трипольских племен.

На днестровских трипольских поселениях обнаружено много орудий из кремня, которые позволяют характеризовать разнообразное хозяйство трипольских племен на ранних этапах его развития несколько иначе, чем это пытались делать до сих пор, и не выделять из трипольской кремневой индустрии грубые заготовки, якобы представляющие орудия эпохи кампиньи. Среди трипольских орудий обнаружены каменные мотыги для обработки земли, кремневые клиновидные топоры и долота для раскалывания дерева, различные клинья из мягких сланцевых пород, кремневые ножи и серпы, серия скребков, сверла, ретушеры.

Кроме того, на ранних поселениях Поднестровья встречено достаточное количество орудий, подчеркивающих, что наряду с мотыжным земледелием значительную роль играла охота. К орудиям охоты относятся крупные и мелкие наконечники кремневых стрел, а также кремневые листовидные по форме наконечники дротиков.

Лесные массивы на Днестровской возвышенности, хорошо сохранившиеся и в настоящее время, способствовали развитию у трипольских племен охоты. Об этом говорит и большой, по сравнению с костями домашних животных, процент костей диких животных, обнаруженных в культурном слое трипольских поселений на Днестре. К такому же выводу пришла и В. И. Бибилова после изучения фауны из Луки-Врублевцевкой.¹⁶ В хозяйстве ранних трипольских племен на Днестре, наряду с мотыжным земледелием и развитием скотоводства, охота играла немаловажную роль.

Следует также считать, что грубые орудия макролитического облика, находимые в Поднестровье, принадлежат трипольским племенам, а не являются орудиями типа «пик» и «транше» кампиньинской эпохи раннего неолита на Украине.

Не менее интересные наблюдения сделаны экспедицией на двухслойном трипольском поселении у Дарабани, где выделяются два культурных слоя — Дарабани I и Дарабани II.

Открытие разновременных трипольских поселений на правом берегу Днестра показывает, что трипольские племена жили здесь длительное время с начала III тысячелетия до нашей эры (этап А) и до середины II тысячелетия до нашей эры (этап γ/1). Ранние трипольские пле-

¹⁶ В. И. Бибилова. Домашние и дикие животные из поселения Лука-Врублевцевкая. См. настоящ. выпуск КСИИМК, стр. 57.

мена расселяются на территории правого берега Днестра, занимая выгодные для земледелия пространства на плато и пригодные для скота пастбища. Лесные массивы, тянущиеся вдоль берегов Днестра и по склонам больших оврагов, вглубь от основных речных артерий между Днестром и Прутом, создавали благоприятные условия для охоты. Богатейшие выходы кремня служили древнему человеку необходимой базой для создания на Днестре трипольскими племенами мастерских для изготовления кремневых орудий.

Результаты, добытые разведками Трипольской экспедиции 1948 г., служат новыми материалами к древнейшей истории Поднестровья. Археологические исследования Трипольской экспедицией будут продолжены, причем систематические раскопки начнутся на одном из ранних трипольских поселений.

В. И. БИБИКОВА

ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ
ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ

(По данным определения костей)

Настоящее сообщение является итогом обработки остеологического материала, добытого в результате четырехлетних раскопок раннетрипольского поселения Лука-Врублевецкая. Описание условий залегания материала и общая характеристика памятника даны автором раскопок — С. Н. Бибиковым.¹

Как известно, поселений этой стадии культуры на территории СССР до сих пор открыто мало. Исследователи же аналогичных памятников в юго-восточной Европе, ограничивающиеся в своей работе формально-типологическим определением, не занимались специальным изучением фауны, раскрывающей со всей полнотой хозяйственную деятельность человека. В силу этого проведенный анализ костных остатков из Луки-Врублевецкой является, по существу, первой попыткой фактического обоснования одной из сторон хозяйственной деятельности населения раннетрипольского периода.

За четыре года раскопок было всего извлечено свыше 5,5 тысяч костей, не менее чем от 301 особи различных видов позвоночных животных. Помимо этого, в культурном слое залегают громадное количество раковин речной двустворки *Unio pictorum*; значительно реже встречаются крупные раковины виноградной улитки *Helix pomatia* и раковинки мелкой наземной улитки *Helix* sp.

Мощный перекрывающий культурные остатки слой суглинка способствовал предохранению костей от процесса почвенно-химического выветривания. Результатом этого является хорошая сохранность костей, значительно отличающая их от материалов других поселений Триполья (Коломыйщина и др.). Сильная раздробленность костей, особенно костей копытных животных, явное преобладание последних и некоторые другие особенности материала указывают на то, что перед нами кухонные остатки.

Результаты анализа костных остатков приводятся в таблице, которая дает представление о количественном соотношении костей и числа особей различных видов. Там же даны процентные соотношения домашних и диких животных между собой и отдельных видов внутри каждой из этих двух групп.

Первое, на что следует обратить внимание при рассмотрении таблицы,

¹ С. Н. Бибиков. Дотрипольское поселение Лука-Врублевецкая. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 60—64.

Домашние животные					
1	2	3	4	5	6
Число костных остатков	% от общего числа костных остатков домашних животных	Минимальное число особей	% от общего числа особей домашних животных	Примечание	
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i> L.)	942	33.7	31	24.8	
Коза (<i>Capra hircus</i> L.)	307	11.0	22	17.6	
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i> L.)	1481	53.0	60	48.0	
Собака (<i>Canis familiaris palustris</i> Rüt.)	45	1.6	9	7.2	
Лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	19	0.7	3	2.4	
Всего домашних животных и процент их от общего количества костей и особей	2794	50.3	125	41.5	
Дикие животные					
1	2	3	4	5	6
Число костных остатков	% от общего числа костных остатков диких животных	Минимальное число особей	% от общего числа особей диких животных	Примечание	
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	418	87.7	18	51.8	<i>Artiodactyla</i>
Олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	1552		42		
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	92		8		
Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i> L.)	357		23		
Медведь (<i>Ursus arctos</i> L.)	33	5.2	6	22.7	<i>Carnivora</i>
Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	17		6		
Куницы лесная и каменная (<i>Martes martes</i> L. и <i>Martes foina</i> Erxleb.)	28	1.7	7	9.0	<i>Rodentia</i>
Хорек (<i>Putorius</i> sp.)	1		1		
Волк (<i>Lupus lupus</i> L.)	14		3		
Лисица (<i>Vulpes vulgaris</i> L.)	38		12		
Лесной кот (<i>Felis silvestris</i> Schneb.)	8	0.1	4	1.7	<i>Insectivora</i>
Рысь (<i>Lynx lynx</i> L.)	2		1		
Зяцц (<i>Lepus</i> sp.)	14	0.3	5	2.8	<i>Aves</i>
Белка (<i>Sciurus vulgaris</i> L.)	13		6		
Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	21		5		
Еж (<i>Erinaceus europaeus</i> L.)	3		3		
П т и ц ы					
Ястреб или сокол (<i>Falconiformes</i>)	1	0.3	1	2.8	<i>Aves</i>
Канюк (<i>Buteo</i> sp.)	2		1		
Гусь (<i>Anser</i> sp.)	2		1		
Птицы (<i>Aves</i>)	4		2		
Р ы б ы					
(сом, вырезуб, карповые и др.)	139	5.0	21	12.0	<i>Pisces</i>
Всего диких животных и процент их от общего количества костей и особей	2759	49.7	176	58.5	
И т о г о	5553		301		

это большое разнообразие и количественное преобладание диких млекопитающих при наличии домашних форм. Как видно из таблицы, дикие животные в Луке-Врублевцевкой по количеству костных остатков составляют около 50%, по числу же особей — почти 60%. Здесь, однако, следует учесть еще ряд обстоятельств: во-первых, при определении соотношения домашних и диких животных из подсчетов совершенно исключено громадное количество моллюсков, указывающее на значительное развитие собирательства; во-вторых, в данной таблице приводится среднее за все годы раскопок. В то же время анализ наиболее крупной коллекции 1948 г. в 3000 экз. дает по количеству остатков домашних животных 46%, а по числу особей — 34%. Таким образом, из этого с несомненностью вытекает серьезная роль охоты, рыболовства и собирательства.

Фауна диких животных Луки-Врублевцевкой насчитывает 16 видов млекопитающих, кроме того, 4 вида птиц и 4 вида рыб.

Остатки млекопитающих, кроме ежа, принадлежат исключительно промысловым животным, которые добывались ради мяса и шкуры. Основными животными, попадавшими в черту поселения, были копытные, четыре вида которых составляют более половины всех диких животных. Наиболее обильно среди них представлены благородный олень, дикая свинья и косуля. Первые два вида, в силу своей многочисленности и стадного образа жизни, являлись главным объектом охоты.

На втором месте по числу особей и по количеству костных остатков стоят хищные животные, промышлявшиеся главным образом ради шкуры. Среди них наиболее обильно представлена лисица; затем идут куницы лесная и каменная, медведь и барсук. Немногими косточками представлены волк, дикий кот, рысь и хорек. Кости большинства хищников слабо разбиты; нередко встречаются совершенно целые кости (волк, куница, хорек и др.). Раздробленность костей медведя и барсука, большое количество их остатков и следы огня на некоторых из них указывают на то, что эти виды употреблялись в пищу.

На третьем месте как по количеству остатков, так и по числу особей стоят рыбы (сом, вырезуб, карповые и др.).

Четвертое место занимают грызуны, представленные такими промысловыми формами, как заяц, белка и бобр.

На пятом месте располагаются птицы.

Нахождение в культурном слое большого количества раковин моллюсков указывает на использование их в хозяйстве поселения.

Фаунистический комплекс диких животных Луки-Врублевцевкой дает яркую картину значительно большего, чем в настоящее время, облесения района среднего Поднестровья в период раннего Триполья. Такие виды, как куница лесная, белка, рысь, лось и др., указывают на наличие крупных массивов высокоствольных лесов. Большое количество копытных (олень, косуля), некоторых грызунов (бобр) и насекомоядных (еж) указывает на произрастание лесов лиственного типа с приречными лугами и полянами.

Несмотря на значительную роль охоты, которая вырисовывается при анализе фауны раннетрипольского поселения Лука-Врублевцевка, мы видим, что домашние животные к этому времени уже приобрели крупное значение.

Среди домашней фауны этого поселения имеются почти все характерные для Европы виды. Большое экономическое значение в хозяйстве Луки-Врублевцевкой имела мелкая порода свиньи, которая как по количеству костных остатков, так и по числу особей занимала первое место. Среди находок преобладают мелкоразбитые кости; особенно много имеется обломков нижних челюстей. Основная масса материала состоит из костей молодых животных. Все это позволяет рассматривать свинью как животное, разводившееся исключительно с целью получения мясной продукции.

Второе место занимают кости домашнего быка крупной породы; кости также сильно разбиты. В коллекции преобладают остатки взрослых животных, хотя имеется значительное количество костей молодых особей в возрасте 1,5—2 лет. Это позволяет рассматривать быка в основном как мясное животное. Молочное же хозяйство, возможно, имело несколько подчиненное значение.

Значительно меньшую роль в питании жителей поселения играл мелкий рогатый скот (козы). Небольшое количество остатков, принадлежащих исключительно взрослым животным, до некоторой степени позволяет сделать вывод о разведении этого вида главным образом с целью получения шерсти. Очень интересный факт отсутствия в Луке-Врублевецкой остатков овцы не находит пока объяснения. Возможно, что это указывает на более позднее включение ее (по сравнению с козой) в состав домашней фауны на юге Европы.

Важную роль в хозяйстве Луки-Врублевецкой играла собака мелкой шпицеобразной породы (*Canis familiaris palustris* Rüt). Кости собаки разбиты слабо, имеются целые черепа и другие части скелета.

Кроме остатков указанных видов, в коллекции имеется незначительное количество костей лошади. Лошадь и собака, повидимому, в пищу не употреблялись.

Общий анализ костных остатков позволяет охарактеризовать и некоторые иные стороны утилизации костей животных. Кости некоторых диких и домашних животных служили материалом для выработки различного рода костяных изделий. Из просмотренных в 1948 г. 104 орудий 66, т. е. более 63%, изготовлены из костей косули. Свыше 21% орудий сделаны из костей оленя. У косули на поделки использовались почти исключительно метаподии. Рога и другие части скелета употреблялись значительно реже. Зато рога оленя представляли основной поделочный материал. Почти 50% всех орудий, изготовленных из костей оленя, сделаны из рога. Крупные прочные метаподии (в основном плюсневые кости) оленя также представляли значительную ценность. Из них можно было изготовить орудия таких внушительных размеров, как великолепный кинжал, имеющий в длину около 24 см.

При просмотре остатков оленя удалось заметить одну четко и постоянно прослеживающуюся деталь: на передней поверхности большинства центрально-четвертых костей имеются тонкие поперечные насечки — следы перерезания мускульно-связочного аппарата. Повидимому, расчленение туши оленя начиналось с отделения стопы в месте сочленения центрально-четвертой кости с таранной. При этом таранная и пяточная кости оставались при туше, подвешивавшейся за ахиллово сухожилие, и в таком виде расчленявшейся далее. Отчлененная же ниже центрально-четвертой кости дистальная часть задней конечности с плюсневой костью поступала в руки людей, изготовлявших орудия. Таким образом, можно предполагать, что орудия изготовлялись из свежих, невываренных костей, сохраняющих наибольшую прочность.

Для изготовления различного рода поделок (орудия, украшения) нередко использовались крупные, легко раскалывающиеся на пластинки нижние клыки кабана. Кроме того, использовались кости медведя, домашнего быка и других животных. На некоторых из них имеются следы срезов, стесывания вдоль оси кости, зашлифовка острого (рабочего) края и пр.

Из полученных при анализе костных остатков данных соотношений можно сделать следующие выводы.

Как показывает анализ фауны диких млекопитающих, окрестности

Луки-Врублевцевкой представляли сильно облесенную местность с развитием крупных высокоствольных лесных массивов. В связи с этим следует подчеркнуть значительную роль охоты и собирательства в экономике изучаемого поселения. Наибольшее значение из охотничьих объектов имели копытные животные, являвшиеся, наряду с домашними формами, основным источником питания. Как по числу особей, так и по количеству остатков обе эти группы представлены почти равным образом, что, на наш взгляд, характеризует первоначальный этап животноводства, степень развития которого еще не могла обеспечить всех потребностей общества. В силу этого внимание жителей продолжали привлекать охота на крупных копытных, которые благодаря изобилию и большой продуктивности являлись существенным подспорьем в создании пищевой базы поселения.

Разведение домашних животных на поселении, открытом в Луке-Врублевцевкой, по ряду причин, видимо, еще не достигло полного развития. В условиях лесного ландшафта, при слабой производительности мотыжного земледелия невозможно было создать кормовую базу, необходимую для животноводства. Наиболее эффективным оказалось содержание такого малоприхотливого и всеядного животного, как свинья. Можно думать, что расстилавшиеся вокруг поселения леса в летнее время служили местами «выпаса» свободно содержавшихся свиней. Жолуди и в огромном количестве вылавливавшиеся моллюски могли быть основным кормом для этого животного.

Кроме того, разводилась коза, в основном, повидимому, для получения шерсти.

Большое количество и разнообразие костей хищных животных и грызунов (среди которых большинство принадлежит ценным пушным видам) позволяет говорить о значительном развитии на стадии раннего Триполья пушного промысла и указывает на существование разнообразных способов охоты (ловчие ямы, самострелы, капканы, давилки, силки и пр.).

Кроме охоты, население занималось рыболовством и собирательством. На это указывают кости рыб, рыболовные крючки и раковинки моллюсков.

Анализ фаунистического материала из поселений различных этапов развития Триполья дает картину постепенного процесса ослабления роли охоты наряду с усилением животноводства. Этот процесс шел от охоты, составлявшей экономическую основу общества периода раннего неолита, до скотоводства как базы экономического строя в период позднего Триполья (Усатово и др.).

П. Д. СТЕПАНОВ

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СРЕДНЕЙ СУРЕ

(Предварительное сообщение)

Открытые нами фатьяновские поселения располагаются под культурным слоем городища Ош-Пандо, близ с. Сайнино Дубенского р-на Мордовской АССР¹ и городища Ашна-Пандо, близ с. Налитово того же района. На городище Ош-Пандо в течение трех последних лет производятся раскопки экспедициями Мордовского научно-исследовательского института при Совете Министров МАССР, о результатах которых мы и сообщаем.

Общая вскрытая площадь на городище примерно 2000 м². Фатьяновский культурный слой на этой площади прослеживается отчетливо на протяжении 80—90 м по линии с севера на юг. Над фатьяновским слоем располагается более поздний культурный слой, оставленный строителями городища Ош-Пандо — древней мордвой.

Культурный слой фатьяновского селища сохранился в неповрежденном виде, особенно хорошо вдоль западной части городища. Площадь вскрытого фатьяновского (неповрежденного) слоя примерно 9 м в ширину и 45 м в длину. Мощность фатьяновского культурного слоя здесь 0.2—1.0 м. На остальной площади фатьяновская керамика и фатьяновские вещи встречаются среди вещей позднего комплекса.

Площадь фатьяновского слоя, несомненно, значительно шире вскрытых участков. Во-первых, об этом говорит то, что фатьяновский слой уходит под невскрытые площади; во-вторых, разрез вала, сделанный по осевой линии городища, дал также остатки фатьяновского слоя, перекрытого древнейшим валом городища; в-третьих, за пределами рва, к СЗ, найдено большое количество типично фатьяновской керамики тех же форм, что и на городище.

Последнее обстоятельство позволяет утверждать, что фатьяновское поселение по площади было значительно больше территории городища Ош-Пандо и располагалось вдоль края водораздельной возвышенности, а не только на мысу, позднее занятом под городище.

Вопрос о поселениях фатьяновской культуры не был разрешен в положительном смысле в течение более 70 лет. Существуют различные, весьма противоречивые суждения. Однако преобладающим можно считать мнение, что фатьяновские поселения не будут найдены. Поэтому нам придется более детально остановиться на доказательствах того, что перед нами не очередной могильник, а именно памятник типа поселения.

¹ П. Д. Степанов. Памятники I тысячелетия н. э. в восточной части Мордовской АССР. КСИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 38.

Прилагаемый чертеж разреза показывает чередование слоев (рис. 14). Разрезы сделаны на протяжении 45 м в семи местах вдоль западного края городища и везде показывают одинаковое расположение слоев. Аналогичный разрез сделан на восточном крае и дал то же чередование слоев.

Городище Ош-Пандо расположено на высоком мысу длиной около 100 м, отходящем от водораздельной возвышенности по левому берегу реч. Парамзы, текущей в р. Суру. Этот мыс во время обоснования на нем фатьяновцев не имел ровной площадки по верху, и склоны его были значительно отложе.

Разрезы показывают, что культурный слой фатьяновцев располагался на темной прослойке (толщина 0.15—0.2 м), лежавшей на грунтовом мелу, и был коричневого оттенка, с примесью золы, местами в виде линз. Этот слой спускался по довольно отлогому склону. В верхней, восточной части этого слоя находились обожженные участки позднейшего происхождения в виде линз толщиной 0.1 м и длиной 1—2 м.

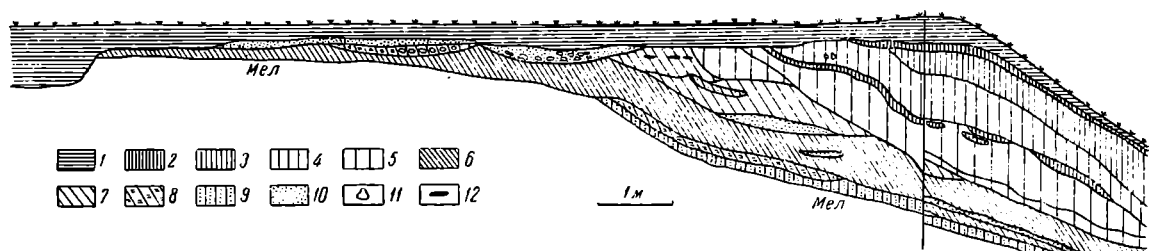

Рис. 14. Городище Ош-Пандо. Профиль южной стенки траншеи 10-БВГ и 9-А

1 — серый слой; 2 — слой чернозема; 3 — волнисто-серый слой; 4, 5 — зеленая глина; 6 — коричневый слой с золой (Фатьяновский); 7 — серо-коричневый слой с углем и золой; 8 — коричневый слой с мелом; 9 — черный слой с мелом; 10 — зола; 11 — камни; 12 — горелые плахи

Выше располагался прерывистый слой чернозема толщиной 0.1—0.3 м, который спускался до самой подошвы возвышенности и перекрывал фатьяновский слой. Этот черноземный слой входил в подсыпку из серо-зеленой глины и мела. Подсыпка отодвинула западный край городища на 4—5 м к западу и сделала западный склон значительно круче. Эта подсыпка одновременно позднему валу и сделана позднейшими обитателями городища — древней мордвой. После того как городище было оставлено древней мордвой, поверхность его задерновалась. Площадка городища была в XIX в. подвергнута распашке. С 1917 г. городище не пахалось.

Такова в основном стратиграфия слоев по линии всех разрезов. Если и есть отличия в размещении прослоек по линии некоторых разрезов, то они касаются верхнего слоя, основные же слои (фатьяновский — внизу и поздний — наверху) сохраняют свое расположение.

Линия разреза дает мощные зольные прослойки — остатки долговременных и громадных кострищ, которые располагались над обширной каменной вымосткой. Эта вымостка — остатки какого-то сооружения фатьяновцев, так как она вся перекрыта фатьяновским слоем, в котором найдены в большом количестве обломки фатьяновских горшков и различные поделки из камня и кости.

Поперечные разрезы, как указывалось выше, показывают согласованное расположение основных культурных слоев на всей вскрытой площади и согласованное же их падение по западному склону возвышенности. Продольный разрез, сделанный для контроля на расстоянии 15 м, показывает согласованное залегание этих же слоев, но лежат они почти строго горизонтально, что и следовало ожидать. Южная оконечность продольного разреза имеет мощные зольные прослойки, которые совпадают своими границами с упомянутой выше каменной вымосткой.

Значительную роль в определении характера нашего фатьяновского памятника должен сыграть разрез вала, так как под ним можно предполагать наличие непо потревоженного фатьяновского слоя.

Разрез вала дал следующую картину. Сверху идет мощная насыпка серого мела до 6 м высоты, с редкими прослойками горелого дерева. Затем был обнаружен древнейший вал городища, в разрезе темного цвета, в котором обнаружена в большом количестве фатьяновская керамика. Этот вал располагался на слое того же цвета с фатьяновской же керамикой.

С севера вдоль древнего вала высотой 1.2 м был открыт древний ров глубиной 1 м, вырытый в грунтовом мелу. Как на дне этого рва, так и за пределами его к северу, на площади позднего рва никаких признаков фатьяновского слоя не обнаружено, как не было найдено и фатьяновской керамики. Такое расположение слоев возможно только в том случае, когда строители древнего вала взяли весь фатьяновский слой за валом, на месте рва, и насыпали из него свой вал. Таким образом, древний вал, несомненно, сооружен над фатьяновским слоем, который когда-то выходил за пределы современного городища. Этот вывод подтверждается находкой фатьяновской керамики за пределами современного рва, т. е. фатьяновский слой был прорезан при сооружении и древнего и позднего рва.

На всей раскопанной площади и под валом проходит однообразный по своему составу и расцветке коричневатый слой, содержащий фатьяновскую керамику, различные поделки и кости животных.

Мощность и содержание культурного слоя свидетельствуют о том, что перед нами ф а т ь я н о в с к о е п о с е л е н и е, на котором фатьяновцы проживали длительное время. Несомненно, что только с поселением, а не с могильником, можно связывать такие сооружения, как каменная вымостка на западном склоне, мощный золистый слой над северным концом этой вымостки, мелкие очаги в самом фатьяновском слое, ямки для горшков, в одной из которых был обнаружен круглодонный горшок фатьяновского типа.

Обнаруженные на городище погребения, по всем данным, никак не могут быть связаны с фатьяновским поселением. Дело в том, что все указанные погребения располагаются только по краю и нигде не располагались ниже фатьяновского слоя. Погребение № 1 располагалось даже в самой верхней части фатьяновского слоя. Все погребения представляют кучи костей, обычно не менее чем от двух особей. При этом часть костей обнаружена на широкой площади в 4—6 м. Нет возможности установить какую-либо закономерность в расположении костей. Как правило, черепа отсутствуют, на широкой площади на разной глубине были обнаружены лишь мелкие обломки.

Все указанные обстоятельства не дают права говорить о найденных погребениях как о фатьяновских, так как налицо нет характерных черт в виде грунтовой могилы, иногда с остатками деревянного сооружения; нет определенной скорченной позы покойника; нет, наконец, обязательных для погребения горшков и других предметов хозяйственного обихода.

Нам кажется, что указанные погребения скорее всего принадлежат тем обитателям, которые поселились на площади фатьяновского поселения, насыпали древний небольшой вал и соорудили неглубокий ров. Этим же обитателям принадлежит найденный на городище комплекс вещей в виде крупных грубых грушевидных, конических и цилиндрических пряслиц с небольшим отверстием, «рогатых кирпичей» и горшков, грубых с тонкими стенками, без орнамента, край которых имел широкую площадку с нарезным или ямочным орнаментом. Мы склонны приписывать этот комплекс населению, близкому по культуре обитателям Старшего Каширского городища, открытого В. А. Городцовым и датированного VII—V вв. до н. э.

О погребениях, связанных с этим вещевым комплексом, в литературе нет данных, но вероятность их не отрицается. Возможно, что на городище Ош-Пандо мы и имеем как раз погребения, относящиеся к этой эпохе, т. е. к I тысячелетию до нашей эры.

Длительность пребывания фатьяновцев на этом поселении определяется не только мощностью культурного слоя, но и большим количеством культурных остатков, разбросанных на громадной площади Ош-Пандо и за его пределами, т. е. на площади около 3000 м².

Фатьяновский слой, а также и другие районы городища дали некоторое количество различных предметов (не считая керамики), которые явно оставлены фатьяновцами. Сюда относятся поделки из камня: кремневые скребки, кремневые пластины, обломки кварцита, обломки каменных, сверленных и шлифованных топоров, клиновидные кремневые топоры, точилки; поделки из кости: костяные рукоятки шильев или ножей, гладилки из ребер, костяные проколки, костяные долота; поделки из бронзы: четырехгранное шило, наконечник копья, пластинка с елочным орнаментом; поделки из мела: топорики, фигурка птицы, меловые диски с отверстием (рис. 15—17).

Керамика представлена многочисленными обломками сосудов (зафиксировано свыше 2000 орнаментированных обломков), различных по форме, материалу, технике и орнаментике. Несмотря на указанные различия, можно отметить следующие общие характерные черты в керамике: посуда круглодонная, лепилась без гончарного круга, ленточным налепом; поверхность или лощеная или грубо выглажена; обжиг от серого цвета до ярко-красного. Преобладают обломки от горшков с прямым высоким горлом и резко выраженными плечиками. Среди орнаментальных мотивов преобладают ромб, зигзаг, треугольники, группы линий, шевроны на плечиках.

Костный материал, взятый в культурном слое, нуждается в определении специалистами, но по грубому определению можно говорить о наличии в фатьяновском слое костей коровы, свиньи, овцы, козы, лошади. Из диких животных встречаются кости лося. Общее количество костного материала довольно велико, но преобладают осколки костей. Есть все основания говорить о широком развитии скотоводства в течение всего времени пребывания фатьяновцев на открытом нами селище.

Таков набор вещей, керамики и костей в слое городища Ош-Пандо, который мы считаем фатьяновским. Какие же основания для того, чтобы указанный комплекс вещей, а через него культурный слой и весь памятник в целом определять как фатьяновский? Здесь мы более подробно остановимся на характере керамического материала и на тех аналогиях, которые к нему имеются.

Вся группа горшков, которые мы считаем фатьяновскими, довольно разнообразна по материалу, технике изготовления и обжигу. Часть горшков изготовлялась из хорошей, тонкой, отмученной глины. Эти сосуды чаще всего имели небольшие размеры. Наружная поверхность стенок была лощеная, причем лощение иногда доводилось до блеска. Обжиг у этой группы сосудов хороший, черепок звонкий, в изломе однородный, черного, желтовато-серого и красного цвета. Толщина стенок у этой группы горшков небольшая — 0.3—0.5 см.

Вторая группа горшков изготовлялась из грубой, с крупными примесями глины. Горшки имели большие размеры. Наружная поверхность стенок была изредка лощеная, но чаще была только сглажена каким-то инструментом. Обжиг у этой посуды был преимущественно серый, черепок хотя и крепкий, но не звонкий, в изломе часто двухслойный или трехслойный. Толщина стенок у этой группы горшков была 0.6—0.8 см.

Господствующая форма посуды — в виде горшка с прямой шейкой. По верхнему краю шейки наклеплен валик, который имеет скос внутрь.

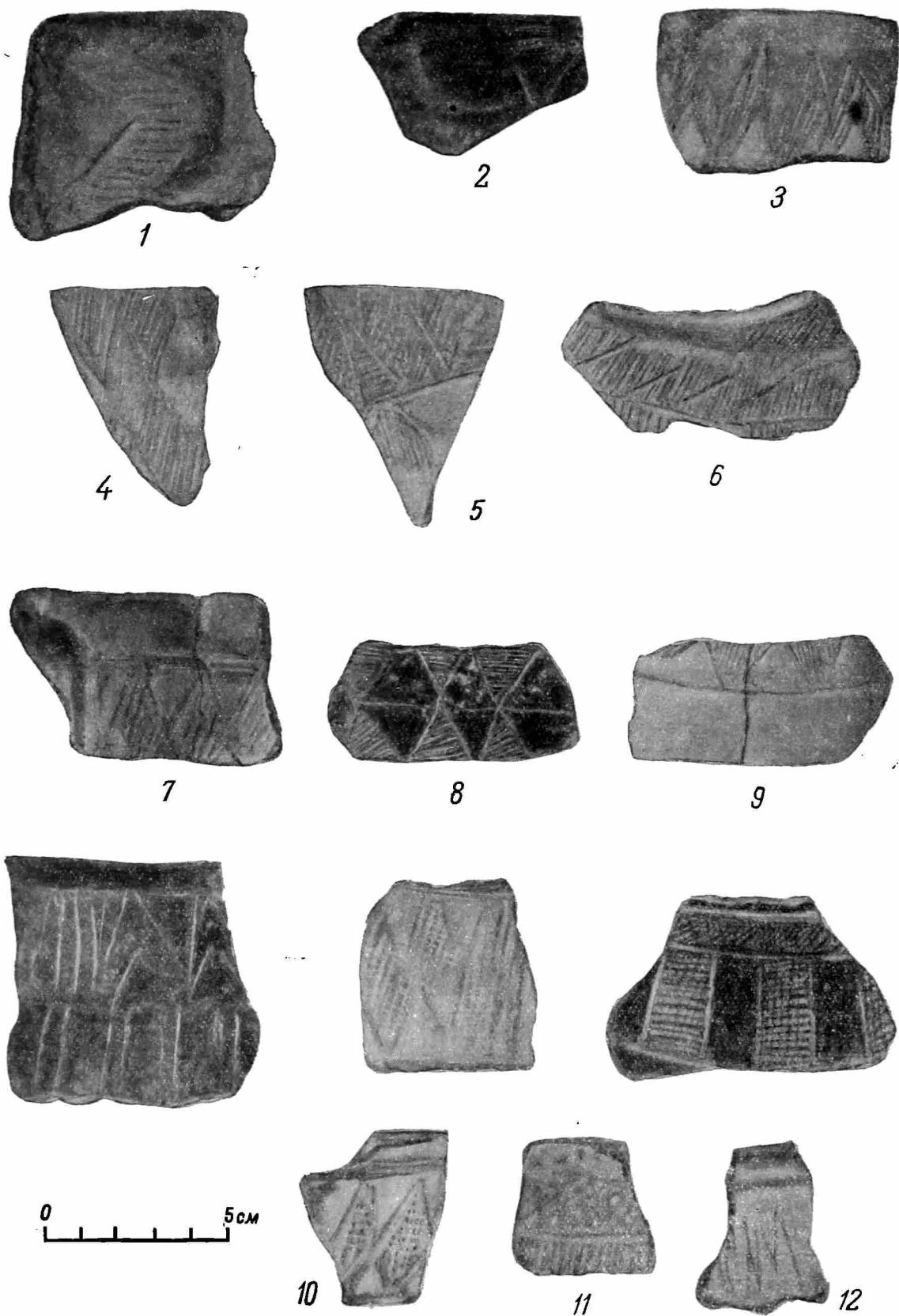

Рис. 15. Керамика фатьяновского типа из культурного слоя городища Ош-Пандо

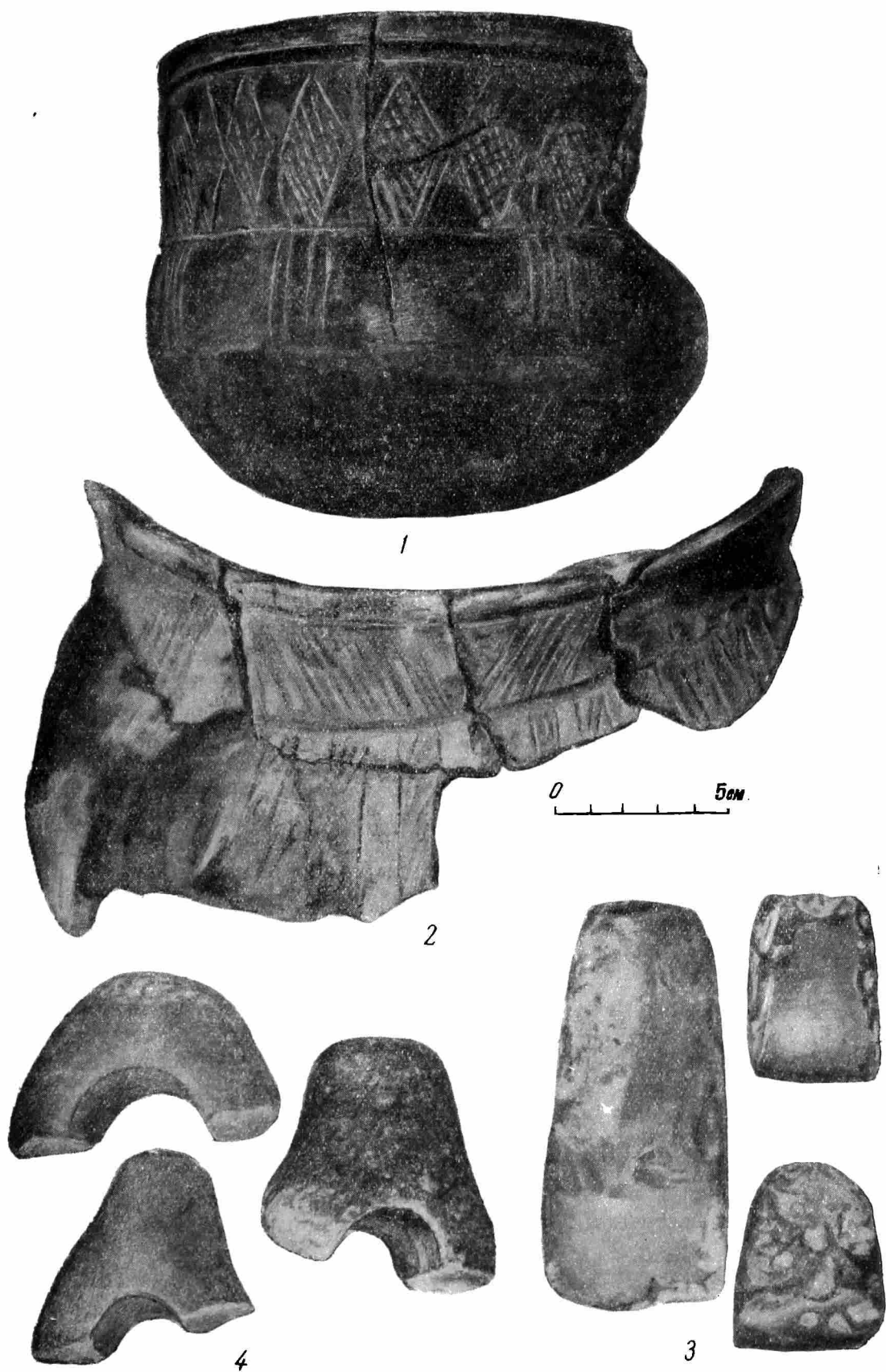

Рис. 16. Глиняные и каменные изделия из городища Ош-Пандо
1, 2 — круглодонные сосуды; 3, 4 — шлифованные и сверленные топоры (нат. вел.)

Иногда край резко отогнут наружу; иногда под прямым углом к шейке начинается плечо горшка, но есть образцы с более отлогим переходом от шейки к бокам. Бока имеют различную выпуклость.

Есть горшки с небольшим круглым отверстием и без шейки. Форма их приплюснутая.

Собранные обломки горшков позволяют установить некоторые размеры: высота шейки 2—7.5 см; диаметр горла 11.5—16.5 см, но есть и крупнее.

Что касается орнаментики, то в первой группе горшки без орнамента не встречаются, тогда как во второй таких очень много. Орнамент наносился мелким зубчатым чеканом или нарезался острым орудием. Орнаментом украшалась шейка горшков, плечики и иногда шевроны спускались на бока. Не найдено пока ни одного обломка круглого дна горшка с орнаментом и ямкой посередине.

Вся описанная выше керамика, в первую очередь, имеет аналогии в ближайшем фатьяновском памятнике, расположенном почти в бассейне той же реки Суры — в Балановском могильнике² и в курганном могильнике у с. Атми-Касы.³ Эти памятники достаточно хорошо изучены, и нет необходимости давать им характеристику. Близость нашей керамики балановской и атми-касинской настолько велика (материал, техника, обжиг, орнамент, форма, размеры), что порой кажется, что они вышли из одной мастерской или из рук одних мастеров. Правда, среди наших находок как большая редкость встречаются обломки сосудов с коротким горлом и без шейки, в виде сплюснутого шара, но это не меняет дела. Такая близость форм предметов и техники изготовления возможна только в том случае, если оба человеческих коллектива, оставившие памятники, родственны, т. е. принадлежат к одному племени, или же

Рис. 17. Городище Ош-Павдо.
Бронзовый наконечник копья

это одна и та же группа, продвинувшаяся на юг. Этому вопросу мы уделим внимание позднее. Сейчас же мы утверждаем, что все перечисленные памятники одновременны. Отсюда и является наше утверждение о принадлежности культурного слоя древнего селища на городище Ош-Павдо именно фатьяновцам, их восточной группе или фатьяновцам на балановской стадчи развития.

О каком-либо простом «влиянии» фатьяновцев на местных обитателей нашего селища не может быть и речи, так как в культурном слое селища найдена почти исключительно керамика описанного выше типа, т. е. балановского и атми-касинского.

² О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940.

³ П. Н. Третьяков. Из материалов Средневожской экспедиции ГАИМК. Сообщения ГАИМК, № 3, 1931.

Нам кажется, что указанных выше данных достаточно для того, чтобы отпали сомнения в действительной принадлежности нашего селища именно фатьяновцам.

Тип поселения, мощный культурный слой, характеризует обитателей нашего селища — фатьяновцев как оседлое население, широко занимавшееся скотоводством лесного типа, отчасти охотой и другими занятиями в виде гончарства, обработки кости, камня, дерева и т. д. При этом следует отметить, что гончарство не только было широко распространено, но что оно находилось на высоком техническом уровне. Широкое распространение глиняной посуды в быту фатьяновцев, по нашему мнению, яркое свидетельство их оседлой жизни и распространения скотоводства, так как в первую очередь глиняная посуда служила для хранения и переработки молочных продуктов.

Племя, оставившее селища на городищах Ош-Пандо и Ашна-Пандо близ р. Суры, судя по датировке, данной Балановскому могильнику О. Н. Бадером и О. А. Кривцовой-Граковой, жило там в конце II тысячелетия до нашей эры. Детальный анализ материалов открытого селища, несомненно, позволит дать более точную дату, но это мы оставляем до момента окончательных раскопок селища.

Трудным для решения вопросом, при наличии указанного выше материала, будет вопрос о связях нашей группы с группами населения, оставившими Балановский и Атли-Касинский могильники, а также, что важнее, с населением прилегающих к Суре территорий, занятых памятниками абашевской и срубно-хвалынской культуры. Последние культуры, хронологически близкие, а может быть и одновременные, принадлежали представителям, несомненно, иных племен. Этот вопрос о связях представляется нам чрезвычайно важным для понимания фатьяновской культуры в целом.

Большой задачей для исследователей является открытие в районе наших поселений новых памятников фатьяновцев, в том числе могильника Балановского типа. А такой могильник, несомненно, должен быть, так как трудно допустить, чтобы население с селища Ош-Пандо возило умерших за 300 км на Балановский могильник.

В заключение можно заметить, что с открытием первого фатьяновского поселения расширяются наши представления о фатьяновской культуре.

А. В. ЗБРУЕВА

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРИКАМЬЕ

В 1948 г. Камской экспедицией ИИМК производились раскопки Луговской стоянки и курганного могильника близ поселка Лугового в Елабужском р-не ТАССР.

Стоянка занимает большую площадь на невысокой боровой террасе древнего берега р. Камы и вытянута с востока на запад в виде узкой полосы вдоль обрыва берега. В настоящее время Кама протекает на расстоянии около 1—2 км к югу; между рекой и боровой террасой лежит широкая пойма с небольшими озерами, вытянутыми параллельно реке. Во время весенних разливов Кама подходит вплотную к боровой террасе, ее воды сливаются с водами протекающей западнее р. Тоймы, так что к югу и западу от поселка расстилается сплошное зеркало воды, и сообщение с районным центром — Елабугой — возможно лишь на лодках.

На территории стоянки расположена часть поселка Лугового. До основания поселка, в 1926 г., почти вся площадь стоянки была покрыта лесом, который в настоящее время образует большой массив к северу и востоку от поселка и отчасти покрывает восточный край стоянки.

На площади стоянки находится несколько групп жилищ-полуземлянок, следы которых на поверхности земли можно наблюдать по едва заметным впадинам. Одна из таких групп, расположенная в центральной части стоянки, у восточного края поселка Лугового, была исследована в 1940, 1946—1947 гг. Она состояла из шести жилищ, соединенных проходами.

В 1947 г. было начато, а в 1948 г. закончено исследование восточной группы жилищ, отчасти разрушенных дорогой, идущей из Елабуги в Челны, отчасти заросших строевым лесом.

Так как комплекс находок из восточной части стоянки имеет несколько иной, более поздний, характер, чем находки в центральной части, восточной части было дано название «Луговской стоянки II».

Раскопки 1947—1948 гг. производились на небольшой поляне, прилегающей к дороге с севера, на опушке бора. В центре северной части поляны возвышался небольшой холмик, с запада и востока росли большие деревья.

Остатки четырех жилищ располагались в средней и восточной части полянки. Возможно, что их было больше, так как южная часть землянки № 3 (самой западной) была разрушена дорогой, а восточная часть жилища № 2 (самого восточного) находилась под крупным лесом, поэтому не была раскопана. Было ли это жилище крайним к востоку или оно соединялось с другим — неизвестно. Кроме того, к северу от жилища № 2 была вскрыта часть небольшой землянки, западный край которой был разрушен (см. план расположения жилищ, рис. 18).

Перейдем к описанию жилищ.

Наиболее четко можно было проследить землянку № 3 — самое западное жилище группы; длина ее около 8 м. Южный край ее был разрушен дорогой, и нельзя с уверенностью судить о ширине жилища. Пол жилища, ярко выраженный в плане и профилях черной углистой прослойкой, лежал на глубине около 70 см. Ниже этой глубины в плане кое-где проглядывал песок, а в профиле шел темный слой, фестонами уходящий в подстилающий желтый песок. У восточной и западной стенок на глубине 60—70 см наблюдались темные полосы — следы выходов: на востоке — в землянку № 1, на западе — наружу и в небольшое сооружение, примыкающее к жилищу.

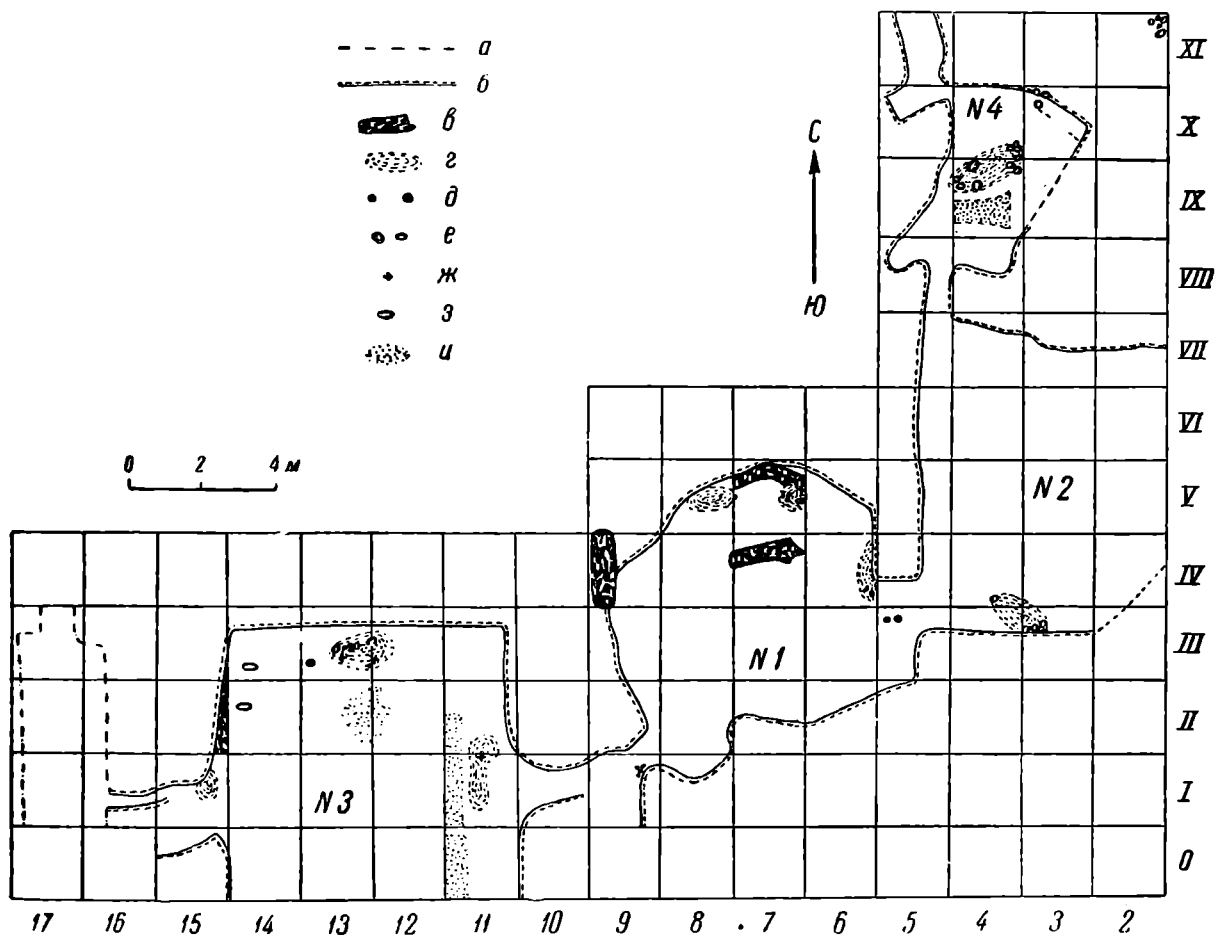

Рис. 18. План расположения землянок на Луговской стоянке II

a — границы землянок на глубине 0,40 м; *b* — границы землянок на глубине 0,60 м; *в* — обгорелое дерево; *г* — кострище; *д* — ямы от столбов; *е* — камни; *ж* — раздавленные сосуды; *з* — зернотерки; *и* — песок

Внутри землянки было два больших очага — у северной стенки и у выхода к востоку. Кроме того, небольшой очаг округлой формы располагался в начале западного выхода (рис. 18). Северный очаг имел овальную форму; длина его свыше 1 м, ширина — около 80 см. Он находился на уровне пола землянки; на глубине 90 см под ним уже лежал чистый песок. Очажный слой — интенсивно черный, жирный. В нем находились три раздавленных глиняных сосуда и несколько довольно крупных обожженных камней. Еще один большой раздавленный горшок был найден у северной стенки жилища (уч. III/IV) на глубине 50—70 см. В очаге и вокруг него было много черепков и мелких жженных косточек. К западу от очага (уч. III/13) было прослежено круглое пятно от столба, диаметром 24 см, углублявшееся, постепенно уменьшаясь, ниже пола жилища приблизительно на 30 см (до глубины 104 см).

Очаг у восточной стенки находился в яме. Особенно углублена была южная часть его, где глубина очажной ямы достигала 1 м 20 см — 1 м 30 см, тогда как северная часть ее шла до глубины 1 м — 1 м 10 см. В северной части очага находился раздавленный горшок и несколько камней. В очаге и вокруг него лежало много обломков глиняной посуды и костей животных. К западу от очага правильной полосой шириной в 50—60 см на уровне пола жилища шел светлый песок, сливавшийся с подстилающим песком. Повидимому, это место пола было прикрыто чем-то, возможно деревянным настилом, и образовало как бы скамью у очага. Небольшая ширина полосы не позволяет говорить о месте для спанья. Пятно светлого песка округлой формы (диаметр его около 1.5 м) наблюдалось в северной половине жилища посередине. Возможно, что здесь мы имеем прикрытое деревянным настилом место для спанья, нечто вроде нар. Небольшие размеры пятна объясняются тем, что края настила неплотно прилегали к земле, и под них проникал углистый слой пола жилища, а может быть, здесь помещался какой-то предмет округлой формы.

Пятно светлого песка на уровне пола жилища наблюдалось также против западного выхода из жилища на расстоянии 1 м от него. Длина этого пятна около 1.5 м (ширину точно проследить не удалось). Так как все прослеженные пятна находятся поблизости от очагов, можно предположить, что здесь были деревянные настилы для сиденья или спанья.

Очаг в западном выходе имел округлую форму; диаметр его около 80 см. На глубине 60—70 см, на уровне пола выхода, он представлял собой пятно красного обожженного песка с углем. Вокруг него было мало находок. Случай устройства очагов у выходов и в переходах из жилища в жилище наблюдались неоднократно и в землянках Луговской стоянки и в жилищах на оз. Грязном, в устье р. Чусовой. Очевидно, это связано с желанием утеплить жилище и уменьшить приток холодного воздуха снаружи.

К западу от последнего очага на глубине 60 см была прослежена узенькая дорожка, ведущая в помещение без очага с выходом к северу. Границы этого помещения были четко видны на глубине 40—50 см; ниже, на глубине 60 см, прослеживались лишь северная и большая часть восточной стенок. Это — длинное и узкое прямоугольное помещение. Ширина его немного более 2 м, длина сохранившейся части 4.5 м (южный край разрушен дорогой). Слой с находками внутри помещения идет до глубины 50—60 см. Углистая полоса, соответствующая полу жилища, здесь отсутствовала. Вдоль западной границы помещения шла темная полоса; в южной его части на глубине около 40 см культурный слой имел коричневый цвет и был пронизан мелкими косточками и желтыми крапинками. В культурном слое всего помещения много находок, состоящих главным образом из раздробленных костей животных очень плохой сохранности. Возможно, что это помещение служило для загона скота или использовалось для других хозяйственных целей.

Землянка № 3 в восточной части соединялась проходом с жилищем № 1, расположенным в средней части группы. Жилище было раскопано в 1947 г.; граница раскопок 1947 г. перерезала проход, соединяющий обе землянки, причем северо-западные границы прохода, по чертежам 1947 и 1948 гг., совпали довольно точно, тогда как юго-восточные разошлись, что заставляет предполагать, что в этой части мог быть выход наружу.

Жилище № 1 было вытянуто с СВ на ЮЗ и имело четырехугольную форму; размеры его, примерно, 7 × 7 м. Северный, восточный и южный углы его прослеживались хорошо, западный угол находился под полосой сгоревшего дерева, повидимому обрушившейся части кровли. Хорошо были

видны также юго-западная граница жилища и переход в следующую к востоку землянку. Довольно ясна была и северо-восточная граница, но южная и часть северо-западной стенок прослеживались плохо и были уточнены по профилям уч. II—VI/6, II—VI/7, I—VI/8 и I—VI/9. В западном углу жилища № 1 под полосой сгоревшего дерева были видны следы столба — круглая в плане конусообразная ямка диаметром около 20 см, шедшая до глубины 130 см, постепенно уменьшаясь в размерах.

Пол жилища находился на глубине 60—70 см и имел вид очень темного слоя с черными углистыми пятнами; в южной и западной части жилища пол несколько понижался; в уч. II/8 и III—V/9 глубина землянки доходила до 90 см, причем пол ее был на глубине 80—90 см.

Северный угол землянки с глубины 40 см был окаймлен углистой полосой — следами сгоревшего дерева. К этой полосе с востока и с запада примыкали два очага. Восточный очаг имел округлую форму; диаметр его 60—70 см. В интенсивно черном очажном слое находилось несколько небольших обожженных камней, небольшое количество обломков глиняной посуды и других кухонных остатков. Очаг лежал на плоскости пола землянки и не углублялся ниже.

Очаг к западу от углистой полосы имел овальную форму и большие размеры; длина его около 1.25 м, ширина около 70—80 см. Очажный слой состоял из ярочерного жирного углистого слоя с мелкими жжеными обломками костей и фрагментами сосудов, среди которых было много обломков от одного сосуда. Этот очаг располагался также на площади пола и не углублялся ниже.

К югу от очагов находилась черная углистая полоса — следы сгоревшего дерева, длиной около 2 м и шириной 40—60 см; она расширялась в восточной части и имела не совсем правильные очертания. Эта полоса углублялась до 95 см — 1 м. Здесь, повидимому, часть ствола дерева была несколько врыта в пол и впоследствии сгорела.

В средней части жилища (в западной части уч. III—IV/6) находилась яма неправильных очертаний; длина ее около 1.5 м, ширина свыше 1 м, глубина до 116 см. В профиле западной стенки уч. II—VI/6 яма имела конусообразную форму, постепенно суживаясь вниз. Дно ямы покрыто темным слоем, который выстилал пол жилища в окружающих яму участках; в этом слое было найдено лишь небольшое количество мелких обломков керамики; в верхней части ямы находился песок. Назначение этой ямы неясно; возможно, что она служила для хранения запасов внутри жилища, являясь таким образом предшественницей позднейших зерновых ям или подвалов для хранения овощей.

У восточной стенки жилища № 1 (уч. IV/6) на уровне пола был расположен очаг неправильной формы. Длина его около 1.5 м, ширина около 60 см. Вокруг него и в нем находилось много обломков глиняной посуды от нескольких плоскодонных горшков, кусочки угля и обломки мелких жженных костей.

В восточной части землянки находился довольно широкий короткий проход в следующее жилище. Посредине выхода были обнаружены две круглые ямки диаметром 15 и 20 см — следы столбов. Они имели коническую форму и углублялись до 1 м 20 см.

Крайнее к востоку жилище № 2 имело четырехугольную в плане форму и было вытянуто с севера на юг. Размеры его примерно 8×8 м. Восточная граница его осталась невыясненной, так как с этой стороны к раскопу подступали крупные строевые деревья и масса корней пронизывала всю восточную стенку раскопа и сильно мешала наблюдению над слоями земли. Пол жилища находился на глубине около 70 см и состоял из очень темного углистого слоя, неровной линией уходящего в подстилаю-

ший песок. Следов обкладки стен деревом (в виде углистых полос) в этом жилище не наблюдалось.

У южной стенки посредине (на уч. III—IV/3) был расположен довольно большой очаг. Длина его свыше 1.5 м, ширина около 80 см. В углистом очажном слое было обнаружено несколько довольно крупных обожженных камней, обломки керамики, обожженные мелкие фрагменты костей животных. Здесь была сосредоточена большая часть находок, сделанных в землянке.

В северо-западном углу землянки находился проход в следующее к северу жилище № 4 (на уч. VIII—XI/3—5). В плане и профилях стенок (VIII—XI/4 и VIII—XI/5) ясно были видны восточная часть южной и северной границ землянки, северо-восточный, и юго-восточный углы ее, выход к северу (на уч. XI/5). Неясны были границы части восточной стенки и почти совершенно разрушена западная часть землянки. Наиболее хорошо сохранилась средняя часть (уч. IX—X/4). Здесь пол жилища был на глубине 70—80 см. На границе уч. IX—X/4 располагался большой очаг, вытянутый с СВ на ЮЗ. В черном углистом слое находилось около десятка мелких обожженных камней, обломки глиняной посуды и мелкие жженные косточки. У западной стенки уч. X/4, на глубине около 70 см, в темном пятне был найден раздавленный горшок, лежавший кверху дном, и рядом с ним — довольно крупный камень. К югу от очага, на уровне пола землянки, проходила полоса светлого песка, повидимому, на месте лежавшего у очага дерева или другого предмета, плотно прикрывавшего пол жилища, так что под этот предмет не проникал темный слой, покрывавший пол.

В западной части уч. VIII—X/5 темный слой — заполнение и угол жилища — не доходили до западных стенок участков, но образовали отдельные темные полосы, а в средней части с глубины 40 см шел чистый подстилающий песок без находок. Повидимому, западный край землянки был разрушен в древности, но следов перекопа, в виде перемешанного слоя, не было видно.

Кроме исследования остатков жилищ, в восточной части стоянки в 1947—1948 гг. была вскрыта площадь между землянкой № 3 и шурфом под названием «костище», раскапывался холмик в северной части полянки и производилось вскрытие курганов, расположенных на краю леса, к северу от стоянки.

В 1943 г. П. П. Ефименко заложил небольшой шурф в юго-западной части полянки, где находилась вторая группа жилищ; шурф этот дал довольно большое количество костей животных в золистом слое, почему это место было названо «костищем». В 1947 г. рядом с ним, к востоку, была проведена небольшая траншея (2 × 6 м) и получен материал такого же характера. В разрезе восточной стенки траншеи наблюдалось следующее чередование слоев: под дерном толщиной около 7—8 см до глубины около 70 см лежал слой с находками, в котором четко выделялись три горизонта — супесь темносерая, супесь светлосерая и супесь рыхлая коричневатая. Ниже шел подстилающий песок. Второй горизонт культурного слоя содержал много золы; в нем находилось большое количество костей животных лучшей сохранности, чем в обычном культурном слое стоянки, состоявшем из супеси, более или менее интенсивно окрашенной гумусом, обычно темносерого цвета.

В 1948 г. траншея-шурф 1947 г. была соединена раскопом с жилищем № 3. За пределами жилища культурный слой имел незначительную толщину — около 30 см, но по направлению к западу — к «костищу» — толщина его постепенно увеличивалась, а с середины участка I — III/19 в культурном слое появился золистый горизонт, который по направлению к

западу постепенно утолщался и в уч. I — III/21 сливался с золистым горизонтом пробной траншеи 1947 г.

Таким образом, очевидно, что скопление золы, образующее золистый слой в западной части полянки, на которой были расположены жилища, не простирается до границ жилищ, причем этот слой становится толще по направлению к западу. Возможно, что здесь имел место и смыв, так как западная часть полянки несколько ниже центральной. Интересным является и то обстоятельство, что золистая прослойка наиболее ярко была выражена в средней части культурного слоя, хотя зола есть и ниже.

В исследованных участках (I — III/18—21) не было встречено ничего, что оправдывало бы название «костища» — ни следов долго горевшего на этом месте огня, ни следов жертвоприношений. Больше количество и лучшая сохранность костей животных здесь объясняется консервирующими свойствами золы. В общем же находки в культурном слое имеют обычный характер и состоят из обломков посуды и костей животных. Повидимому, здесь на определенном участке стоянки, к западу от жилищ, высыпали золу. Подобного рода зольники известны и на позднеандроновских поселениях.

Посредине северной части полянки на опушке леса находился небольшой холмик. На вершине его в 1947 г. был заложен шурф; с глубины около 20 см в нем стали попадаться кости человека. Тогда, естественно, возникло предположение, что это не холмик, а курган. Поэтому он был вписан в раскоп размером 8×8 м и разделен на 16 участков (2×2 м); диаметр холма около 8 м, высота 50—60 см. Он сильно оплыл и зарос травой. На расстоянии 4 м к югу от него находилось вскрытое жилище № 3 и продолжение раскопа к западу. После зачистки северной половины предполагаемой насыпи на глубине 20 см стали попадаться отдельные кости человека, главным образом в центральной части. На глубине около 30 см от поверхности в северной и отчасти в южной половине холма находились остатки четырех скелетов. Из них два (№ 1 и 3) лежали в вытянутом положении на спине, головой на север и СВ; два других — в беспорядке. Никаких вещей при них не было. Верхняя часть второго скелета была разрушена: плечевая кость, части черепа, фаланги пальцев были найдены лежащими отдельно и не в анатомическом порядке. Кости скелета № 4 находились в совершенном беспорядке и представляли собой две группы перемешанных костей. Все костяки лежали в культурном слое, поэтому могильных пятен и следов могил проследить не удалось.

После расчистки всех участков до подстилающего слоя раскоп был углублен. В центральных участках — на глубине 80—90 см от поверхности, в крайних к северу и югу — на глубине 40—50 см показался чистый подстилающий песок. Нижняя граница культурного слоя имела неровные очертания, но могильных пятен не было; повидимому, здесь в основном был небольшой естественный холмик, в котором были сделаны захоронения, может быть, и не относящиеся ко времени существования стоянки.

Довольно большое количество отдельных человеческих костей было найдено в культурном слое этого раскопа. Согласно заключению В. И. Цалкина, здесь было обнаружено 165 костей человека от 5—6 костяков. В этом же раскопе найдены кости лошади (43 кости от трех особей), коровы (41 кость от четырех особей), овцы или козы (4 кости от одной особи), свиньи, может быть, дикой (4 кости от двух особей), собаки (1 кость) и лося (3 кости от одной особи). Кроме обожженных и необожженных костей животных, в культурном слое встречались обломки глиняной посуды того же типа, что и в соседнем раскопе, и много битого камня. Из отдельных находок интересны: два каменных песта и два мелких обломка полированных орудий.

Коллекция, собранная во время раскопок Луговской стоянки II, состоит из небольшого числа каменных орудий, обломков глиняной посуды и костей животных.

Среди каменных орудий имеется один кремневый наконечник стрелы, ланцетовидной формы, с прямой нижней частью, в разрезе — овальный; обработан мелкой отжимной ретушью с обеих сторон; длина его 5.4 см, наибольшая ширина 1.2 см (рис. 19—1). Наконечник стрелы был найден на полу жилища № 3. Второй наконечник стрелы был найден в жилище № 1. Он более крупный и имеет подтреугольную форму. Поперечный разрез его овальный, нижняя часть уплощена. Обработан почти сплошь плоской отжимной ретушью (с одной стороны имеет участок корки). Острие обломано. Длина сохранившейся части 4.5 см, ширина основания — 2.5 см (рис. 19—2).

К группе скребков относятся два орудия, из которых одно было найдено на полу жилища № 3. Оба сделаны на отщепе и имеют округлую форму и дуговидный рабочий край, обработанный довольно крутой ретушью. Размеры их следующие: длина 2.5 и 2.2 см, ширина 2.2 и 2 см (рис. 19—4, 5). Очень интересно массивное скребковидное орудие подчетырехугольной формы, найденное в землянке № 2; сделано оно из куса гальки. Один рабочий край его расположен на короткой стороне. Он обработан со спинки довольно крутыми сколами, подобными скребковой ретуши, и подработан с брюшка. На нем имеются следы работы в виде заломов. Второй рабочий край расположен на длинной стороне орудия и подработан только с брюшка. Здесь также имеются заломы, указывающие на то, что орудие употреблялось как долбящий инструмент (рис. 19—3).

Из крупных каменных орудий имеется часть каменного молотка (или, может быть, кирки) с двумя противолежащими выбоинами (в средней части) для привязывания; сделано орудие из черного камня; рабочий край сильно сбит. Кроме того, имеются два песта. Одна рабочая поверхность первого песта носит следы многочисленных ударов, большая часть другой сбита сильным ударом. Две боковые поверхности несколько вогнуты и имеют следы трения и легких ударов. Длина орудия около 9 см. Пест был найден в разрушенном жилище № 4 у очага. Основное назначение таких массивных орудий — дробление руды.

Второй пест, еще более массивный, имеет на своей поверхности следы трения, вследствие чего рабочая плоскость его заполировалась. Это орудие служило, вероятно, верхним камнем зернотерки; длина его около 12 см.

Нижние плиты зернотерок были найдены также на стоянке II. Одна из них лежала на полу жилища № 3, в западной его части; вторая находилась недалеко от первой, ближе к северной стенке землянки. Обе плиты имеют небольшие размеры и немного вогнутую рабочую поверхность; длина их 17.5 и 18 см. В той же землянке был обнаружен еще обломок зернотерки.

В культурном слое изредка попадались кремневые отщепы и осколки, мелкие обломки полированных орудий, куски битого камня и гальки.

Бедность кремневого инвентаря стоянки указывает на то, что металл — медь и бронза — уже широко употреблялся ее обитателями, но металлических предметов обнаружено очень мало; на территории Луговского рядового могильника найдено бронзовое долото и в центральной части стоянки — кусок бронзового шлака. Еще слабее представлены костяные орудия, которые, несомненно, широко употреблялись; вследствие плохих условий залегающих в почве от них сохранились лишь два-три обломка.

Кости животных из раскопок 1947 г. были определены В. И. Цалкиным. Они принадлежали домашним животным: крупному рогатому скоту (88 костей от пяти особей), лошади (64 кости от четырех особей),

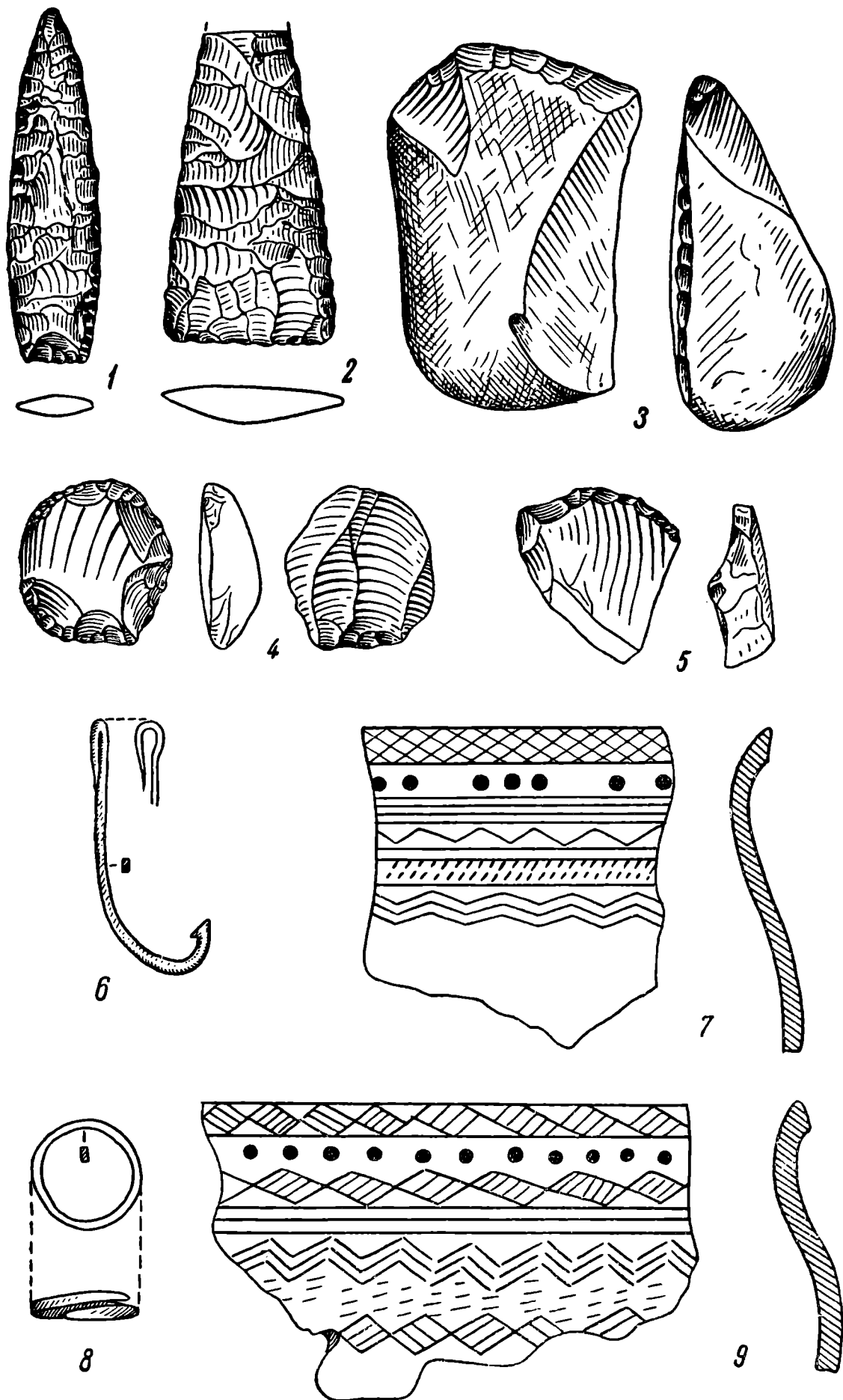

Рис. 19. Памятники поздней бронзы

1-2 — кремневые наконечники стрел; 3 — скребковидное орудие; 4, 5 — скребки; 6 — бронзовый рыболовный крючок из погр. № 1, кургана № 4; 7, 9 — обломки сосудов; 8 — серебряное колечко из погр. № 1, кургана № 2 (7-9—1/2 нат. вел., остальные—нат. вел.)

мелкому рогатому скоту (9 костей от трех особей), свинье (7 костей от трех особей) и диким: лосю (11 костей от двух особей), медведю (3 кости от одной особи) и бобру (3 кости от одной особи).¹

Основную массу находок второй Луговской стоянки, так же как и первой, составляет керамика. За два года раскопок удалось выделить около 200 сосудов, различающихся по форме, размеру и орнаменту. Все сосуды плоскодонные, часто с примесью толченой раковины в глиняном тесте. Большая часть их — более или менее высокие горшки разных размеров, со сравнительно небольшим дном и округлыми стенками, сильно расширяющимися кверху, с небольшой отогнутой шейкой, на которой имеется неширокий выпуклый валик, чаще всего орнаментированный (рис. 19—7 и 9). Кроме горшков, имеются банки с загнутыми внутрь краями, но их значительно меньше, и совсем единичные экземпляры сосудов на поддонах (рис. 20, 1). Формы, напоминающие острореберные, не встречались.

Обломки посуды более раннего типа (толстостенные с примесью дресвы в глиняном тесте и с гребенчатым орнаментом, покрывающим всю поверхность сосудов), в небольшом количестве встречавшиеся в центральной части стоянки, в восточной ее части совершенно отсутствовали.

Сосудов без орнамента чрезвычайно мало. Почти всегда вокруг горла горшков или банок расположен орнамент, но орнаментация из ромбов и треугольников (напоминающая, а иногда и точно воспроизводящая андроновские или срубные мотивы), так часто встречавшаяся в первом комплексе стоянки, попадалась сравнительно редко. Преобладающая форма орнамента — горизонтальные пояски из елочек, зигзагов, нарезных полосок, мелких ямочек, ромбиков, изредка — шнура и каннелюр. Под валиками в большинстве случаев находятся круглые ямки, или образующие горизонтальный ряд или расположенные группами по две и по три на определенном расстоянии (рис. 19—7, 9).

Таким образом, группа плоскодонных горшков (с примесью толченой раковины в глиняном тесте, с небольшим выпуклым валиком вокруг горла и горизонтальными зонами орнамента в верхней части), которая составляла небольшую часть сосудов Луговской стоянки I, становится преобладающей и самой характерной для Луговской стоянки II.

Этот преобладающий тип посуды сближается с ананьинской примесью в глине, валиком вокруг горла, орнаментом из горизонтальных зон различных узоров, расположенных в верхней части (часто совершенно подобным орнаменту на ананьинских сосудах), но отличается от них плоским дном (лишь один сосуд из кургана имеет определенно округлое дно). Эта посуда предананьинская. Как и почему произошла смена, казалось бы, более устойчивого и удобного плоского дна округлым и формы более или менее высокого горшка с округлыми стенками сравнительно низкой чашкой, сказать трудно, но возможно, что низкие круглодонные чашки являлись более устойчивыми на мелких открытых очагах, их легче было поставить на угли или на камни и они скорее прогревались, чем более высокие горшки с плоским дном.

На опушке леса, к северу от стоянки, расположено около 10 небольших сильно оплывших и поросших лесом курганов, диаметром 6—11 м и высотой от 50 см до 1 м.

В 1947 г. были вскрыты два кургана № 1 и 3.

Под насыпью кургана № 1 (диаметр его около 8 м, высота — около 60 см) были обнаружены две могилы неясных очертаний; повидимому, одна из них (№ 1) была ограблена, так как в насыпи попадались кости человека и части черепа плохой сохранности. Могила № 2 имела непре-

¹ Кости животных из раскопок 1948 г. еще не все определены.

вильную форму, с выступом к югу. Обе могилы были вытянуты, примерно, с востока на запад. В первой могиле находок не было; в западной части второй находился небольшой глиняный круглодонный сосуд очень плохой

Рис. 20. Сосуды из стоянки и курганов № 1 и 3

сохранности (рис. 20, 2) и в средней части — почти совсем истлевший фрагмент длинной кости человека.

Под насыпью кургана № 3 (диаметр его около 7 м, высота около 50 см) также были обнаружены две могилы очень неясных очертаний. Кости в них совершенно не сохранились. В могиле № 1, вытянутой, видимо, с востока на запад, на краю темного пятна, на глубине около

40 см, был обнаружен пронизанный корнями деревьев глиняный плоскодонный горшок очень плохой сохранности (рис. 20, 3). В могиле № 2, вытянутой с северо-востока на юго-запад, на глубине около 70 см в юго-западной части находилось два обломка сосуда. Других находок не было. В 1948 г. были вскрыты курганы № 2, 4 и 5.

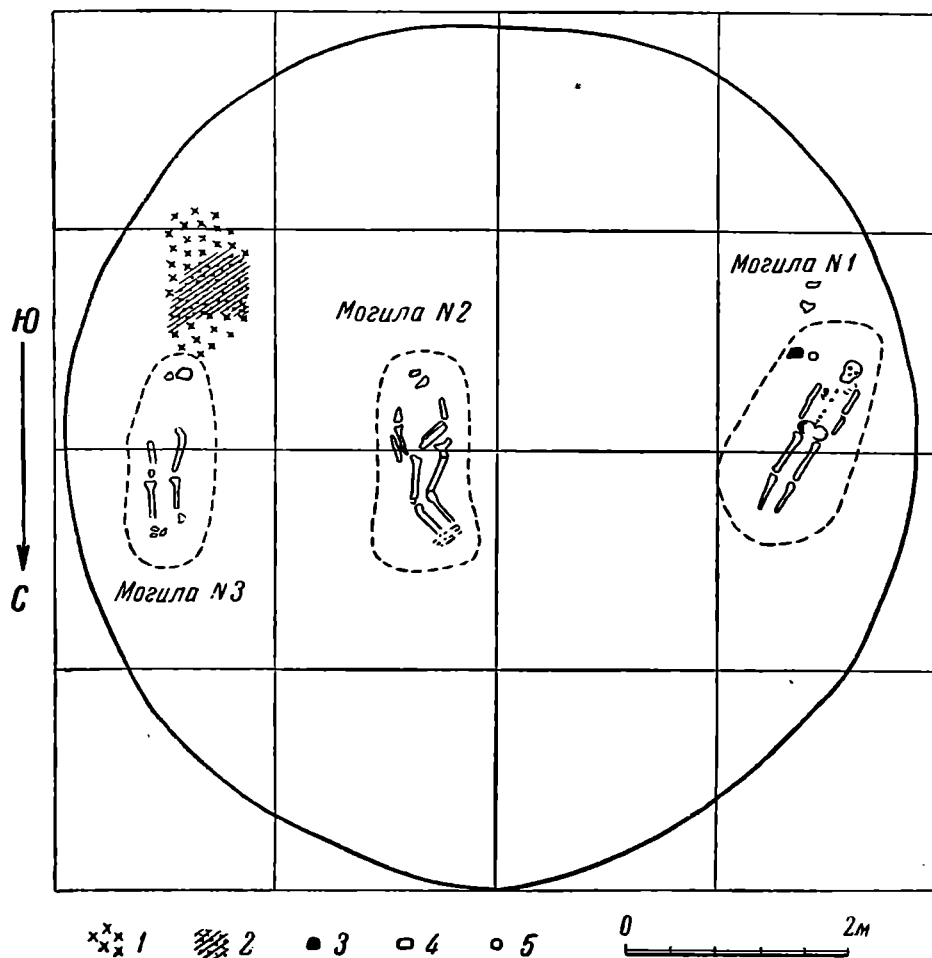

Рис. 21. Расположение погребений под насыпью кургана № 2

1 — уголь; 2 — пережженный песок; 3 — камень; 4 — фрагмент керамики; 5 — серебряное кольцо

Курган № 2 расположен в юго-западной части могильника, почти на самой опушке леса; диаметр его около 8 м, высота около 60 см (рис. 21). В южной части насыпи кургана на глубине 20 см от поверхности был обнаружен череп человека, рядом с ним (к югу) на той же глубине и на глубине 30—40 см — углистое пятно и пятно жженого песка, в котором и близ которого попадались мелкие обломки глиняной посуды, типичные для Луговской стоянки II. Угли и мелкие фрагменты керамики встречались к западу от углистого пятна. На глубине 30 см здесь же был найден обломок полированного орудия (может быть, топора) и массивный отщеп кварцита со следами обработки. Ниже горизонта, под слоем жженого песка, оказалась плотная красная глина. В западной части южной половины насыпи с самого верха наблюдалась перекопанная, более темная, земля с мелкими черепками. Здесь же на глубине 50 см было найдено бронзовое пластинчатое колечко. У восточного края раскопа с глубины 40 см находилась яма неправильных очертаний; нижняя часть ее на 10 см была заполнена углистым слоем, верхняя — темным слоем. Между углями

наблюдалось пятно обожженного песка. Находок в яме и возле ямы не было.

Ямы, заполненные углисто-красным слоем, очевидно, были местами, где долго горел огонь и совершались заупокойные обряды. В этих ямах и возле них находок не было.

Ниже горизонта, отчасти на месте слоя плотной красной глины, отчасти к западу от него, оказалось углистое пятно с слоем красного жженого песка посредине; длина его около 1 м, ширина около 80 см. Это пятно шло до глубины 20 см. Под насыпью кургана оказались три могилы № 1—3.

Погребение № 1 (западное) — наиболее позднее, так как темная перекопанная земля могильной ямы с мелкими обломками керамики и угольками прослеживалась в насыпи, начиная с самого верха. Очевидно, это было впускное погребение. В насыпи на глубине около 50 см от поверхности найдено бронзовое пластинчатое колечко с заходящими один за другой концами; колечко орнаментировано косыми насечками. В могиле (длиной около 2 м и шириной около 1 м) на глубине около 1 м под насыпью лежал костяк взрослого человека плохой сохранности; скелет лежал в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентировка могилы и погребения — СВ — ЮЗ, головой на ЮЗ, лицом на ЮВ (рис. 21). На расстоянии около 30 см к ЮВ от черепа лежало небольшое серебряное колечко с заходящими один в другой концами (рис. 19—8). Других находок не было.

В центре кургана, на глубине 40—50 см ниже горизонта, в хорошо заметной могиле овальной формы (длиной 1 м 80 см, шириной около 80 см), вытянутой с севера на юг, находилось погребение № 2. Дно могилы плоское, края — почти отвесные (рис. 21). Костяк плохой сохранности лежал на спине, с согнутыми ногами. Правая рука была вытянута, левая — согнута в локте. Сохранность костяка очень плохая. Никаких вещей при погребении не было.

В восточной части кургана была обнаружена еще одна могила овальной формы, вытянутая с севера на юг; длина ее около 2 м, ширина около 80 см; глубина около 70 см. В могиле лежал небольшой костяк очень плохой сохранности, в вытянутом положении на спине, головой на юг. От черепа сохранились небольшие фрагменты и несколько зубов. От остального скелета частично сохранились кости ног. К востоку от верхней части ног в могиле лежал обломок крупной кости животного. Других находок в могиле не было.

Курган № 4 — один из самых крупных курганов могильника; диаметр его около 11 м, высота около 1 м. Поверхность кургана заросла лесом, который пришлось вырубить.

В насыпи (уч. 8, 9, 10, 11, 14, 20) на глубине 20 см были заметны небольшие углистые пятна и (на уч. 9) мелкие черепки. Фрагментов глиняной посуды очень мало, так как курган наиболее удален от стоянки, и культурный слой ее здесь почти не выражен. Насыпь состоит из светлого песка, пронизанного корнями деревьев и иногда пятнами от сгнивших корней. На глубине 60 см в насыпи изредка попадались фрагменты костей человека очень плохой сохранности и мелкие обломки глиняной посуды.

На горизонте, частично под насыпью, частично вне ее, в пределах раскопа обнаружились большие углистые пятна с участками обожженного песка оранжевого цвета. Уголь и обожженный песок заполняли ямы разной глубины. Форма их была подчетыреугольная. Яма в юго-восточном углу раскопа имела четырехугольные очертания (длиной около 1.5 м и шириной около 1 м) и шла до глубины 1 м 10 см (рис. 22). Яма в северной части раскопа имела вытянутую форму, напоминающую ромб; длина ее около

2 м, ширина около 1 м, глубина 30 см. В западной части раскопа она имела правильную четырехугольную форму; длина ее около 2.5 м, ширина 90 см, глубина 30 см. Очевидно, эти ямы связаны с заупокойными обрядами и, может быть, жертвами. Возможно, что обряды эти неоднократно совершались и после похорон.

На горизонте под насыпью кургана было обнаружено два погребения: одно — в центре, другое — в южной части кургана.

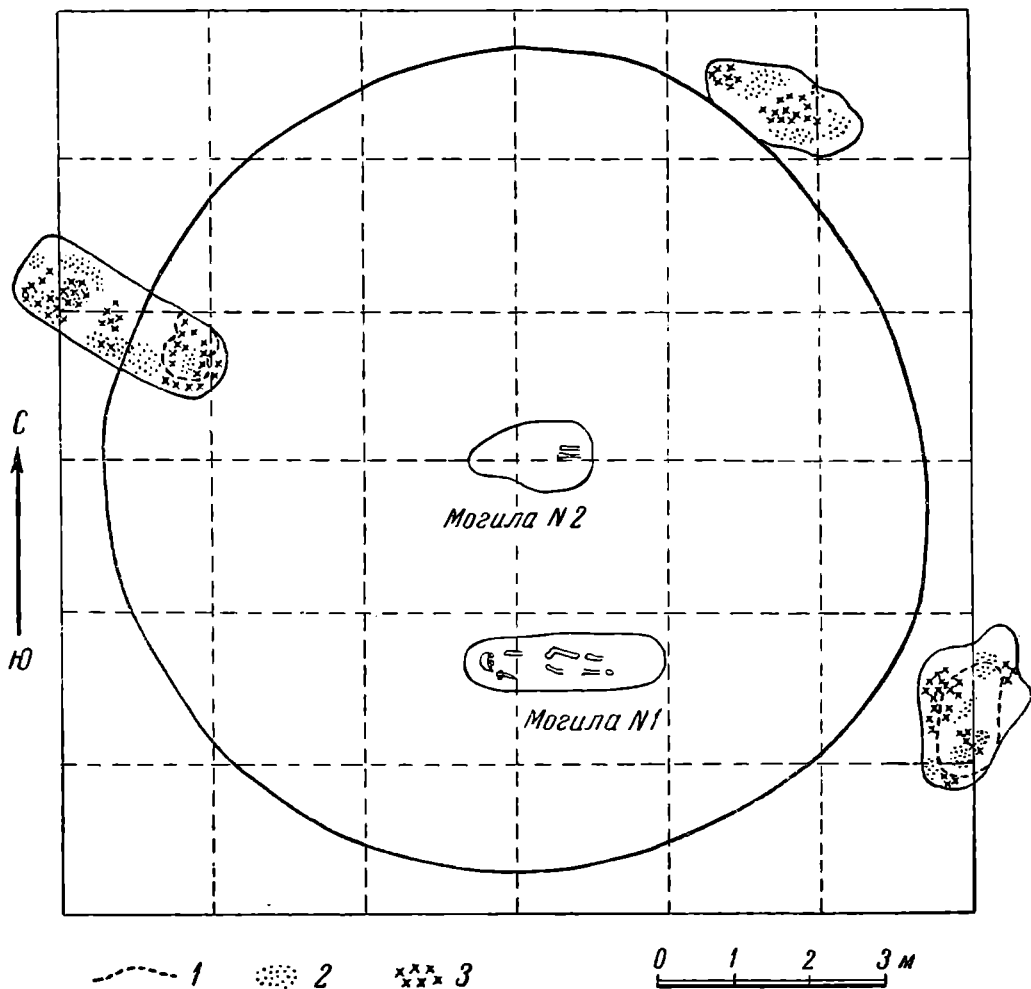

Рис. 22. Расположение погребений под насыпью кургана № 4

1 — граница дна ямы; 2 — обожженная земля; 3 — угли

Центральное погребение (№ 2) сохранилось частично. Повидимому, могила была ограблена и при этом часть костей выброшена; может быть, они и были найдены в насыпи. Могильное пятно было вытянуто с востока на запад и имело нечеткие очертания (особенно в западной части) и неправильную форму. На глубине 20 см в могиле оказались лишь части длинных костей ног. Никаких находок возле них не было.

Второе погребение (№ 1) находилось на глубине около 30 см в ясно выраженной длинной могиле овальной формы, вытянутой с востока на запад; длина ее 2.5 м, ширина 70 см. Скелет лежал в могиле в вытянутом положении на спине, головой на запад. Положение рук неясно, так как сохранились лишь верхние части плечевых костей. На правом плече лежал бронзовый рыболовный крючок (рис. 19—6). Длинные кости ног сохранились также очень плохо; череп раздавлен, мелкие кости отсутствуют.

Никаких других вещей в могиле не было. Костяк лежал на песке, а в головах была прослойка красной глины.

Более темные очертания могил, начиная с горизонта, можно объяснить только подсыпкой в могилы углистого слоя из жертвенных костров.

Курган № 5 находился на самой опушке леса, в восточной части могильника; диаметр его около 7 м, высота около 50 см. Курган был вписан в раскоп размером 8×8 м, разделенный на участки по 4 м².

В центре насыпи с глубины 20 см обнаружилось пятно обожженного песка с углем длиной и шириной 80 см, которое шло до глубины 30 см; очевидно, это остатки жертвенного костра. Ниже, до глубины 40 см,—углистое пятно меньших размеров. На глубине 40 см в пределах углистого пятна был найден зуб барана. В северной части насыпи на глубине 20 см было пятно обожженной земли из мелких крапинок оранжевого цвета в темном слое. Здесь найдены три черепка. Кроме того, во всех горизонтах насыпи попадались мелкие обломки глиняных сосудов типа Луговской стоянки II.

Под насыпью, в южной половине кургана, на фоне светлого песка вырисовались очертания более темного могильного пятна, вытянутого с СВ на ЮЗ; длина его около 1,60 м, ширина 60—70 см. По мере углубления могильное пятно несколько смещалось к западу и увеличивалось в размерах. На глубине 80 см длина его была опять около 160 см, ширина 50—60 см. Ниже 80 см пошла материковая глина. Никаких находок и человеческих костей в могиле не было найдено.

Возможно, что мы имеем здесь изредка наблюдавшееся явление, когда для человека, умершего на чужбине, на родине рылась могила и совершались обычные погребальные обряды. Иногда в таких могилах находились вещи, но кости умерших отсутствовали.

Вскрытием кургана № 5 были закончены работы 1948 г.

Итак, в 1947—1948 гг. на курганном могильнике было вскрыто пять курганов. Из них в первом и третьем могильные пятна очень неясных очертаний были вытянуты почти с востока на запад (с небольшим отклонением к северо-востоку). О положении умерших в могилах ничего сказать нельзя, так как кости почти не сохранились. В одной из могил кургана № 1 стоял небольшой круглодонный сосуд. В кургане № 3 также были две могилы расплывчатых очертаний; одна из них (№ 1) была вытянута, повидимому, с востока на запад, вторая (№ 2) — с СВ на ЮЗ. В первой находился небольшой плоскодонный сосуд, во второй — часть сосуда с наlepным орнаментом. Кости скелетов не сохранились. В насыпях этих курганов и на горизонте не наблюдалось остатков жертвенных костров в виде углисто-оранжевых пятен. В кургане № 2 было обнаружено три погребения: два в ямах под насыпью кургана и одно впускное. Первые два были ориентированы с севера на юг, головой на юг, третье — головой на ЮЗ. Сохранность костяков была плохая, но все же давала возможность определить положение скелетов. При впускном погребении находилось серебряное колечко, при одном из других — обломок крупной кости животного. Других вещей не было.

Под насыпью кургана № 4 в неглубоких могилах находилось два погребения, вытянутые с востока на запад, головой на запад. Кости одного из них почти не сохранились, так как оно было, повидимому, ограблено, и западная часть могилы разрушена. При втором погребении лежал бронзовый рыболовный крючок.

Под насыпью кургана № 5 была обнаружена одна могила, вытянутая с СВ на ЮЗ, в которой ни костей скелета, ни вещей не было найдено.

В насыпях или возле них в последних трех курганах наблюдались ямы с углем и перегорелым песком — повидимому, остатки жертвенных костров.

Вопрос о датировке курганного могильника не совсем ясен. Если погребения с сосудами в курганах № 1 и 3 можно считать одновременными Луговской стоянке II, где имеются подобные сосуды, то погребения в остальных курганах, отличающиеся по ориентировке (кроме впускного погребения в кургане № 2) и погребальному обряду (наличием остатков жертвенных костров), можно датировать лишь приблизительно.

В насыпях всех курганов встречались мелкие обломки глиняных сосудов, по форме и орнаменту близкие к типам Луговской стоянки II. Можно думать, что эта посуда связана с погребальным обрядом, так как, во-первых, в насыпи каждого кургана встречались фрагменты небольшого количества сосудов, иногда лежавшие кучкой, а во-вторых, культурный слой близлежащей стоянки на территории курганного могильника отсутствует. Это позволяет предполагать, что все исследованные Луговские курганы синхроничны стоянке № 2. Однако следует отметить, что курганы № 1 и 3 не имели следов жертвенных костров, а в остальных отсутствовали глиняные сосуды, однотипные посуде стоянки. Кроме того, ориентировка могил в этих курганах иная. Поэтому полной уверенности в синхроничности всех курганов пока нет.

Е. И. КРУПНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В КАБАРДЕ И ГРОЗНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Археологическое изучение Кабардинской АССР и Грозненской обл. было осуществлено в 1948 г. Северокавказской экспедицией, организованной ИИМК, ГИМ, совместно с Кабардинским научно-исследовательским институтом и Грозненским областным институтом и Музеем краеведения.¹

Основные задачи экспедиции заключались в исследовании памятников материальной культуры переходного периода от бронзы к железу (в основном I тысячелетия до нашей эры) и в постановке углубленных разведочных работ в ранее не обследованных районах Кабардинской АССР и Грозненской обл.

В связи с тем, что результаты работы экспедиции в Кабардинской АССР подробно изложены в специальной статье, опубликованной в V томе «Ученых записок» Кабардинского н.-и. института, краткое освещение этих работ будет дано лишь в конце данного очерка. Основным же содержанием его явится изложение важнейших итогов работ, произведенных экспедицией в 1948 г. на территории Грозненской обл.

Работы в Грозненской обл. выполнены в два этапа. На первом этапе было продолжено изучение памятников древности (Ассинского ущелья), начатое экспедицией в довоенные годы. Уже тогда это изучение привело к выводу, что ущелье р. Ассы по богатству и разнообразию различных и разновременных памятников является одним из крупнейших археологических комплексов Грозненской обл. Работы 1948 г. вновь подтвердили это заключение.

Непосредственным поводом для возобновления работ в Ассинском ущелье послужили находки бронзовых предметов, сделанные местными жителями весной 1948 г. при дорожных работах в с. Первомайском (б. Галашки).² Это — топор, наконечник копья, три бронзовых браслета с заходящими один за другой концами и две височные массивные привески в 1,5 оборота (рис. 25—3).³

По сведениям, собранным на месте находок сотрудником Грозненского музея Н. И. Штанько, все вещи происходят якобы из одного разрушенного, предположительно парного погребения в грунте.

¹ В экспедиции участвовали: от ИИМК и ГИМ — Е. И. Крупнов, О. В. Милорадобич и А. А. Крайнов; от Грозного — И. Ф. Мутовин и Н. И. Штанько; от Нальчика — У. А. Герандовых и студенты-практиканты Ю. П. Карасев, В. Л. Афонский и Г. П. Чуриловская.

² Вещи поступили в Грозненский музей. Ознакомлением с ними я обязан директору музея В. А. Белогурову и Н. И. Штанько, которые любезно прислали мне для изучения перечисленные предметы.

³ См. заметку в журнале «Вокруг света», 1948, № 7.

№ погребения	Глубина за- лега- ния, м	Завал булыж- ником или в грунте	Погребение	Ориентация	Положение костяка	Возраст	Пол
1	0.30	В грунте	Одиноч- ное	ЮЮВ	Слабо скор- ченное, на левом боку	Преклон- ный	Мужской
2	0.20	Окружено булыжником	То же	СВ	То же	Средний	»
3	0.50	То же	»	ЮВ	Скорчечное, на левом боку	Преклон- ный	»
4	0.50	В грунте	Парное	ЮЮВ	Скорчечное, на правом боку; другой костяк не- определен- ный	То же	Женский
5	0.50	На глубине 0.20—0.40 м завален бу- лыжником	Одиноч- ное	ЮЮВ	Слабо скор- ченное, на левом боку	»	Мужской
6	0.40	В грунте	То же	ЮВВ	То же	Детский	
7	0.30	»	»	В	»	Средний	
8	0.40	Несколько булыжников	Парное	В	Скорчечное, на правом боку; дру- гой костяк неопреде- лимый	»	Женский Мужской

Некоторое своеобразие бронзы (наконечника копья и особенно топора), чуждое местным древностям, не могло не обратить на себя внимания экспедиции и работников музея гор. Грозного. Поэтому могильник в с. Первомайском и явился основным объектом, подвергнувшимся раскопкам экспедиции. Он действительно оказался совершенно новым источником по древнейшей истории края, неожиданно обнаружившим культурную близость не только с памятниками других районов Сев. Кавказа, но, что еще более важно — с памятниками Закавказья (Грузии и даже Армении).

Могильник расположен в глубине живописнейшего Ассиинского ущелья, на самой дороге, при въезде в с. Первомайское. Никаких внешних признаков могилы не имели.

Экспедицией вскрыто восемь погребений. Все они были в суглинистом грунте на глубине, не превышающей 0.50 м от дневной поверхности.

(б. Галашки) Грозненской обл.

Орудия труда	Оружие	Украшения	Посуда	Мелкие предметы быта	Прочее
Каменный топор	Бронзовый кинжал	Бусина Бронзовая височная привеска в 1.5 оборота, 1 бусина	Сосуд с костями животных 4 глиняных сосуда, из них 1 маленький		Ножная кость овцы
Бронзовый нож		2 бронз. привески, 2 бусины и бисер	Сосуд в обломках	Глиняное прясло	Кусок охры
			Глиняный горшок		Кости овцы и лошади
			Глиняный горшок, вне могилы— еще сосуд		Угли и зола
	2 кост. стрелы. 1 кремн. стрела	Бронзовые височные привески, бисер, 2 бронзовых браслета	2 глиняных сосуда		Кусок охры

На основании остатков позднейшего строения (XIX в.) и существовании в недалеком прошлом на территории могильника сельского базара можно думать, что некогда глубина залегания могил была несколько большей.

Две могилы содержали парные погребения; остальные шесть — одиночные. Некоторые из них были частично завалены или обложены булыжником. Все костяки лежали в слабо скорченном положении, руки подняты к лицевым костям черепа. Кости очень плохой сохранности. Грудные кости женских костяков (в могиле № 4 и 8) заметно окрашены. Здесь же кусочки красной охры. Из всех 10 скелетов шесть явно мужских лежали на левом боку; два женских — на правом; пол и точное положение остальных не определены. Ориентировка погребенных не выдержана, но чувствуется явная тенденция (с разными отклонениями) к восточной ориентировке.

Преобладает юго-восточная ориентация — три костяка (см. табл. 1). За исключением одного детского захоронения, возраст всех погребенных небольшой.

Могильный инвентарь (с включением случайных находок) не столь многочислен, но интересен. К каменным орудиям относятся всего два предмета.

1. Диоритовый топор серо-голубого цвета, тщательно отполированный с просверленным отверстием для насадки (рис. 23—11, 12). Его отличительной чертой являются выступающие и опоясывающие его грани, соединяющие также центр топора с лезвием. Морфологически он атипичен, ибо близкие ему каменные топоры в памятниках эпохи бронзы встречаются в наших южнорусских степных районах, начиная от Приднестровья до Поволжья.⁴ Известны они и с территории Сев. Кавказа. Топоры, весьма сходные с нашим топором, происходят из окрестностей гор. Моздока,⁵ из кургана у с. Москеты⁶ и, наконец, из селения Верхний Алкун, в том же Ассинском ущелье.⁷ Все они датируются эпохой средней бронзы, приблизительно серединой и началом второй половины II тысячелетия до нашей эры.

2. Наконечник стрелы из серого кремня, со слабо выемчатым основанием (рис. 23—5). Подобные наконечники стрел имеют широкое распространение на юге СССР, включая и Кавказ.⁸ Такие стрелы были найдены в комплексах Кумбултского могильника «Верхняя Рутха», в Осетии, на Северном Кавказе,⁹ они относятся к концу второй стадии бронзовой эпохи.

Кроме того, найдены два костяных наконечника стрел, с узкими круглыми отверстиями для насадки на древко. Типологически они близки кремневым (рис. 23—6) и довольно сходны с костяными, но черешковыми наконечниками стрел из древнего могильника «Беахни-Куп», у с. Чми.

Большим количеством представлены бронзовые предметы.

1. Височные привески в 1.5 оборота. Они различны как по размерам, так и форме бронзовых пластин и прутьев, из которых они сделаны. В сечении они варьируют от расплюснутых пластин до круглых стержней. Некоторые имеют утолщение в нижней части (рис. 23—4). Как женские украшения подобные привески имеют весьма широкий территориальный и хронологический диапазон бытования в эпоху бронзы. Отсутствие же среди них совершенно округлых привесок указывает на их сравнительно позднюю датировку. Такие привески составляли могильные инвентари погребений второй половины II тысячелетия до нашей эры на могильнике «Верхняя Рутха», близ с. Кумбулта.¹⁰

Особенностью изучаемых привесок из могильника у с. Первомайское является использование их в качестве украшений головного убора (в могиле № 8 их встречено более 10) и факты обнаружения их в явно мужских могилах. Так, в могиле № 3 у левого виска мужского скелета найдена бронзовая височная привеска, а ниже — и сердоликовая бусина. Другая бусина найдена в мужской могиле № 1.

2. Бронзовые узкие браслеты с несомкнутыми и заходящими друг за

⁴ Древности Приднестровья, вып. I, Киев, 1899, таб. III, рис. 51 и 52; ESA, т. 1, 1927, стр. 75.

⁵ E. Chantre. Recherchs Anthropologiques dans le Caucase, т. I, Атлас, табл. I, № 13.

⁶ Отчет Археол. ком. за 1902, стр. 100 (собр. В. И. Долбежева).

⁷ Е. И. Крупнов. Археол. памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, стр. 160, рис. 1.

⁸ МАК, вып. VIII, стр. 228, рис. 192—193; Тр. ГИМ, вып. VIII, стр. 44.

⁹ КСИИМК, вып. XXIV, стр. 10.

¹⁰ То же.

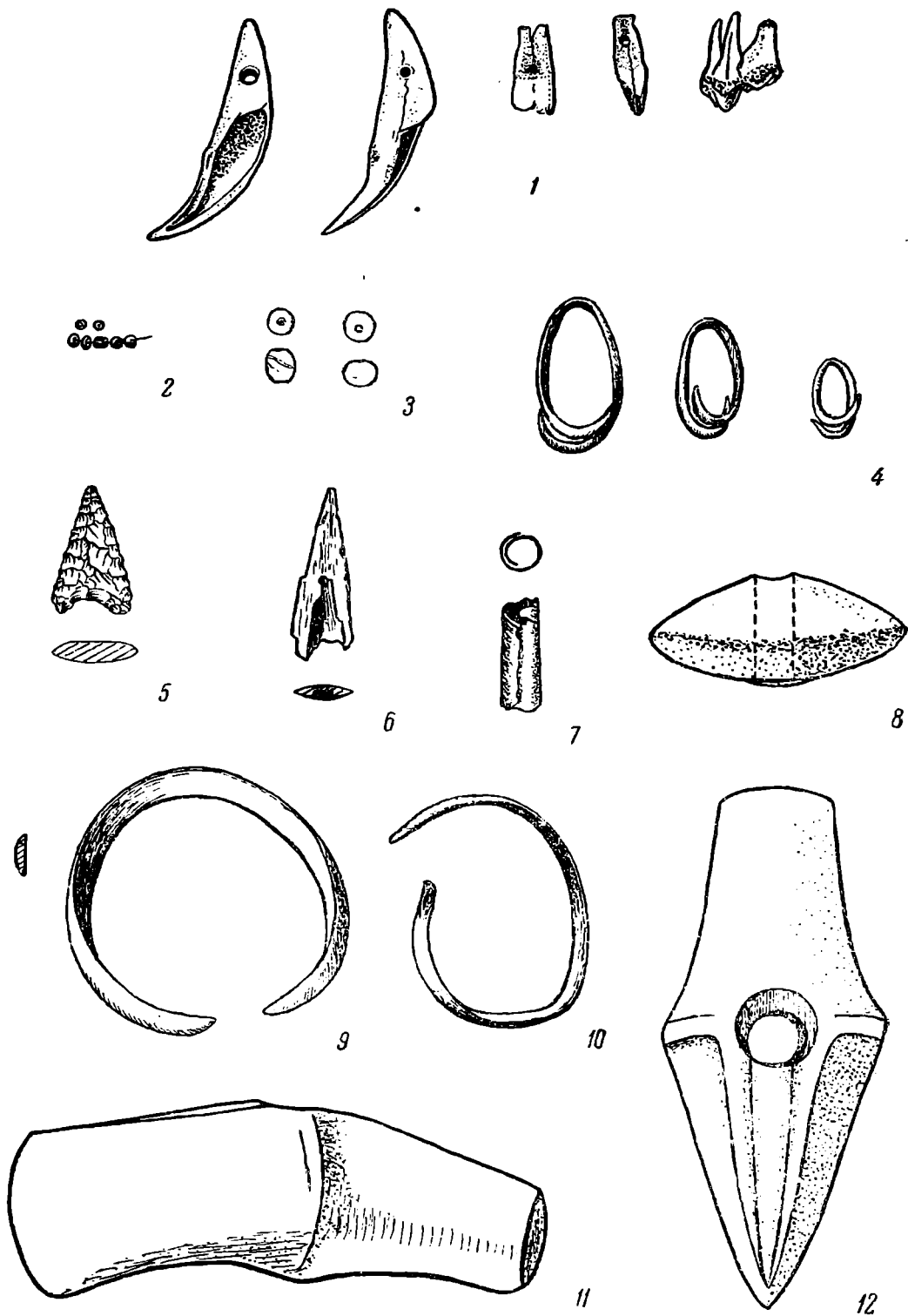

Рис. 23. Инвентарь из погребений Грозненской обл.

1 — подвески из зубов животных и человека из кургана № 1, близ с. Ачикулак; 2 — бисер из могил № 4 и 8; 3 — сердоликовые бусы из могил № 1, 3, 4; 4 — бронзовые височные привески из могил № 3, 4, 8; 5, 6 — кремневый и костяной наконечники стрел из могилы № 8; 7 — бронзовая трубочка; 8 — глиняное прищипце из могилы № 4; 9 — бронзовый браслет из могилы № 8; 10 — браслет из грунта; 11—12 — диоритовый топор из могилы № 3 (2—12 — из могильника в сел. Первомайское) (2/3 nat. вел.)

друга концами. Сделаны они из расплюснутого прута, имеющего в сечении слабо полусферическую форму (рис. 23—9, 10). Браслеты довольно характерны для памятников эпохи средней и поздней бронзы всего юга СССР.¹¹

3. Бронзовый нож (рис. 24—7) также весьма типичен для могильного инвентаря катакомбных погребений степной полосы, курганных погребений всего Предкавказья и могил эпохи бронзы горного Кавказа.¹²

4. Кинжал с небольшим стержнем для рукоятки, широким клинком, посредине которого проходит резко выступающее ребро (рис. 24—8). Прямые аналогии этому типу кинжалов известны из могильника «Фаскау», у с. Галиат (собр. Дзелихова, хранятся в ГИМ; инв. № 21630 и 22183), а также из курганов № 3 и 8, исследованных Н. И. Веселовским у ст. Андриюковской в 1897 г.¹³

Судя по сопутствующим этим кинжалам бронзовым булавкам, бляхам, отлитым по восковой модели, и бронзовым бусам (лунницам), Андриюковские курганы могут быть датированы серединой II тысячелетия до нашей эры.

5. Особый интерес представляет топор (рис. 25—3). Он сильно сточен в рабочей части; имеет тяжелый обух с овальным отверстием, шестигранное тулово и веерообразное лезвие. Типологически он должен стоять в одном ряду с особой категорией бронзовых топоров, известных лишь в Закавказье; повидимому, последние послужили прототипами для так называемых амазонских, или закавказских, секирообразных топоров, получивших широкое распространение в Закавказье в начале I тысячелетия до нашей эры.

В какой-то степени наш топор напоминает бронзовый топор, случайно найденный в 1935 г. на кирпичном заводе в Грма-Геле в Тбилиси и опубликованный Б. А. Куфтиным.¹⁴ Еще более сходства он обнаруживает с бронзовым секирообразным топором с шестигранным туловом, найденным Б. Б. Пиотровским в 1948 г. при раскопках кургана в гор. Кировакане.¹⁵

6. Бронзовый втульчатый наконечник копья (втулка обломана), с резко выступающим выпуклым ребром вдоль лезвия (рис. 25—3). По форме пера, соотношению втулки и очень удлиненной лезвийной части наш наконечник копья примыкает к великолепному бронзовому копьё из XV кургана в Триалети и абсолютно такому же копьё из уже упомянутого Кироваканского кургана.

Как известно, бытование указанных закавказских аналогов ныне определяется началом второй половины II тысячелетия до нашей эры, если не его серединой.¹⁶

Из украшений, изготовленных из других материалов, в погребениях могильника в с. Первомайское были встречены: 1) сердоликовые бусы малого размера, уплощенных форм (одна из них округло-овальная); все они сделаны из розового сердолика и просверлены цилиндрической трубкой с одного конца (рис. 23—3); 2) бисер кольчатый и мелкоцилиндрический, изготовленный из белой и сероватой пасты или талька (рис. 23—2).

¹¹ Аналогичные браслеты с паспортом с. Чми (собр. Филимонова), могильники «Беахни-Куп» (собр. Долбежева), «Фаскау» (собр. Дзелихова) хранятся в ГИМ.

¹² В колл. ГИМ бронзовые ножи из могильника «Фаскау» и с. Кумбулта (собр. Уваровой и Долбежева).

¹³ Отчет Археол. ком. за 1897 г., стр. 22, рис. 82.

¹⁴ Б. А. Куфтин. Археол. раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 18, рис. 20.

¹⁵ Из доклада Б. Б. Пиотровского на пленуме ИИМК в Москве 3 марта 1948 г.

¹⁶ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 96—97, табл. CVI.

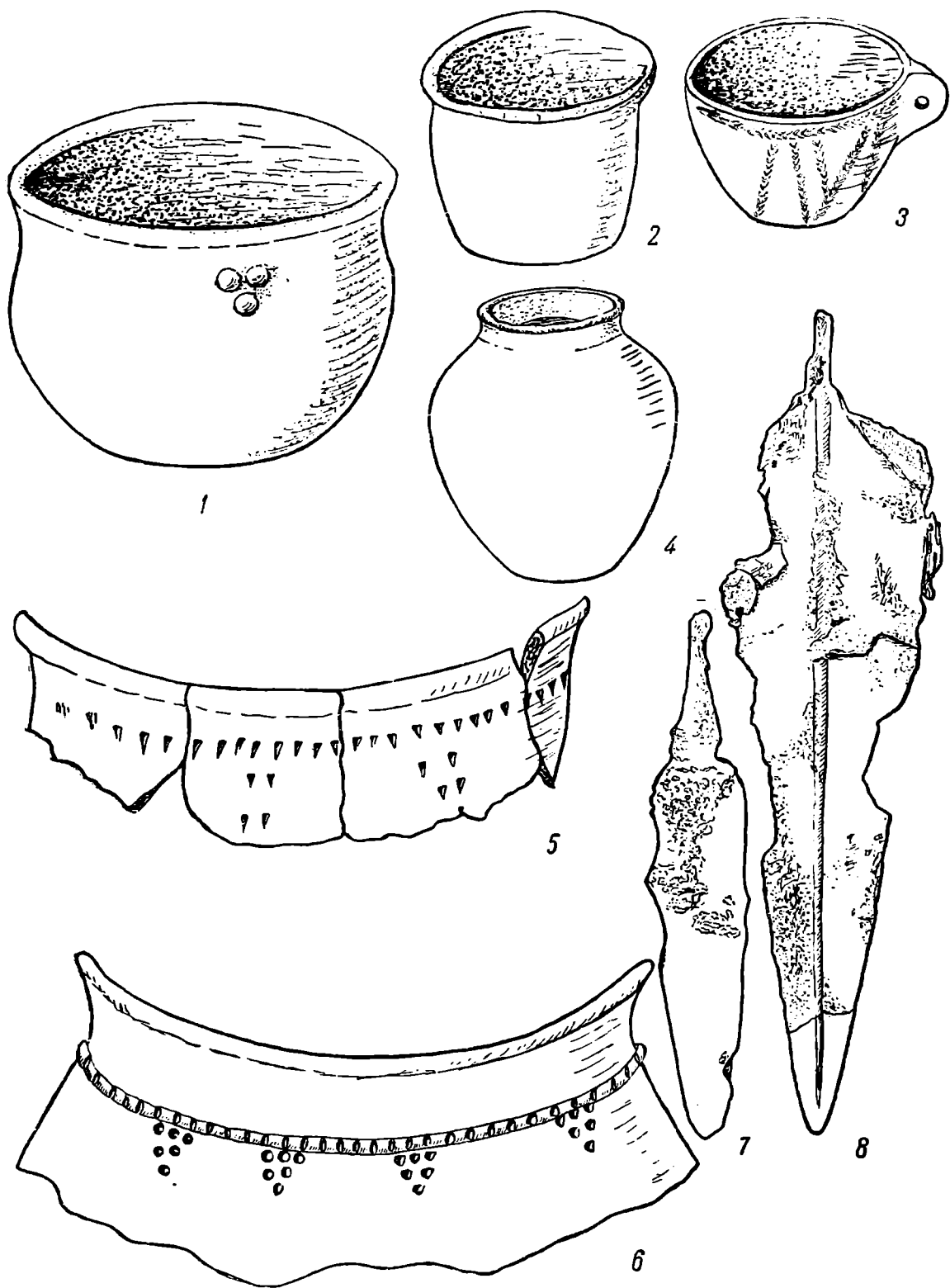

Рис. 24. Находки в Грозненской обл.

1 — горшок из могилы № 7; 2 — сосуд из могилы № 3; 3 — сосудик из Божьгана; 4 — сосудик из окрестностей Ачикулака; 5 — верх сосуда из могилы № 4; 6 — верх сосуда из могилы № 5; 7 — бронзовый нож из могилы № 5; 8 — бронзовый кинжал из могилы № 1 (1, 2, 5-8 — из могильника в сел. Первомайское) (1/2 нат. вел.)

Столь мелкий бисер в памятниках Кавказа мне известен лишь из впускных погребений № 31 и 86 Нальчикского кургана.¹⁷ Несколько более крупный бисер из белой, голубоватой и зеленоватой пасты был встречен мною при исследовании в 1939—1940 гг. одновременных с Нальчикскими погребениями могил эпохи средней бронзы, на могильнике «Верхняя Рутха», близ с. Кумбулта в Сев. Осетии.

Из керамических изделий следует отметить глиняное прясло средних размеров, конической формы (рис. 23—8). Эта находка в памятнике Сев. Кавказа эпохи бронзы имеет особое значение, так как подобные предметы быта до сих пор входили обычно в состав находок памятников I тысячелетия до нашей эры. Морфологически это прясло может рассматриваться как древний прототип раннескифских уплощенных пряслиц с выемчатым основанием.

Керамика могильника — ручной лепки и несовершенна. Несмотря на то, что сделана она из хорошо отмученной, но жирной глины, она содержит большую примесь дресвы. Она очень плохо и неровно обожжена, потому плохо сохранилась. Толщина ее стенок 0,3—0,5 см. Заметно слабое лощение.

Вся наличная реставрированная посуда плоскодонна и представлена пятью формами: 1) сосуд, с почти прямыми стенками и слабо отвернутым краем (рис. 24—2); 2) толстостенный горшочек со слабо выраженной шейкой; его плечи украшают тройные налепные выпуклости (рис. 24—1); 3) горшки с округлым корпусом, с явно выраженной шейкой, которую опоясывает налепной валик, украшенный неровными ямочками (рис. 25—7); 4) более крупные горшки с угловатым в средней части корпусом и отвернутым венчиком. Шейку сосудов окружает пояс из коротких и неровных углублений; от пояса по плечам сосуда спускаются чередующиеся треугольники, состоящие из круглых углублений, расположенных в шахматном порядке (рис. 24—6, 25—9). Шейку же другого сосуда опоясывают линии из углубленных треугольников (рис. 25—5, 8). Сосуды почти баночной формы, но очень вытянутых пропорций; по шейке они украшены прямоугольными и треугольными вдавлениями (рис. 24—5).

Морфологически и особенностью орнамента на большинстве сосудов крупные горшки тяготеют к типам горшков эпохи средней бронзы более западных районов Сев. Кавказа, вплоть до Прикубанья. Так, формы сосудов с округлым и угловатым корпусом, орнаментированные треугольным штампом и ямочными углублениями, в какой-то степени близки даже некоторым сосудам из гробниц станицы Новосободной (б. Царской).¹⁸ Еще большее сходство обнаруживается при сравнении с подкурганной керамикой Кабардино-Пятигорья середины и второй половины II тысячелетия до нашей эры.¹⁹ Здесь параллели увеличиваются и сопоставлением выпуклого налепного орнамента.²⁰ От первомайской кабардино-пятигорская керамика отличается лишь наличием ручек, которые отсутствуют в первомайской.

Поразительно близкими первомайским формам керамики (№ 2 и 5) и их орнаментации оказываются некоторые типы сосудов из Кумбултского могильника «Верхняя Рутха», находившихся в комплексах середины и второй половины II тысячелетия до нашей эры.²¹

Таким образом, и по керамике время существования могильника у с. Первомайское определяется эпохой средней бронзы, точнее — не ранее

¹⁷ «История СССР с древнейших времен» (макет). ИИМК, вып. I—II, 1941, стр. 117.

¹⁸ Отчет Археол. ком. за 1898 г., стр. 35; ESA, т. II, 1926, стр. 84, рис. 56—57, № 2, 7 и 8.

¹⁹ МИА СССР, вып. 3, 1941, табл. XI, рис. 6, стр. 300; табл. II—III.

²⁰ Там же, стр. 221, рис. 16, 86; стр. 302, табл. IV, XII, XIII.

²¹ КСИИМК, вып. XXIV, стр. 10.

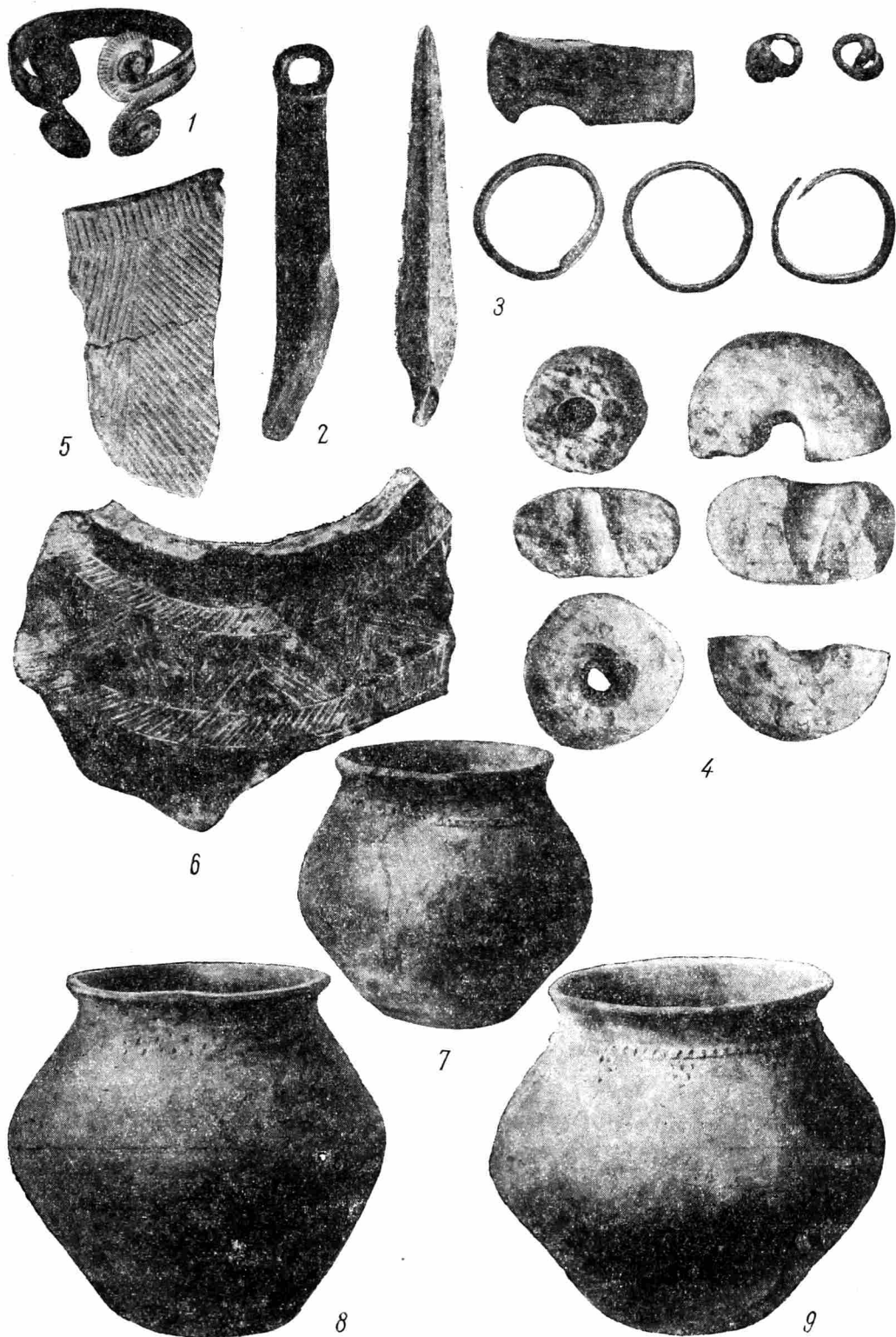

Рис. 25. Находки в Грозненской обл.

1 — бронзовый браслет; 2 — бронзовый карасукский¹ нож; 3 — бронзовые топор, копье, браслеты и привески; 4 — глиняные грузила; 5 — обломок сосуда; 6 — обломок сосуда из Айвазовского поселения; 7 — горшок из могилы № 8; 8 — горшок из могилы № 5; 9 — горшок из могилы № 3. 1, 2 — из Божигана; 3, 7, 8, 9 — из Первомайского; 4, 5 — из Ачикулака. (1—6— $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 7—9— $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

середины II тысячелетия до нашей эры. Приведенные аналогии и в бронзе и в керамике памятников Центр. Кавказа и более западных районов доказывают принадлежность вновь открытого могильника к культурной среде центральной части Сев. Кавказа, имеющей тесные связи и какую-то общность с древними культурами Грузии и Армении. На это указывают типы бронзового оружия (топор и наконечник копья).

Интерес к этому могильнику увеличивается еще и тем обстоятельством, что, как удастся установить, некоторые особенности керамики исследованного могильника (форма и орнамента) были возрождены в местной керамике в другую эпоху.

Так, в керамике Нестеровского могильника, расположенного в том же Ассинском ущелье, лишь ниже по р.ASSE, и датированного VI—V вв. до н. э., мы снова встречаемся и с первомайскими формами № 2 и 5 и с орнаментами в виде поясов из неровных вдавлений цепочкой и треугольниками, составленными из округлых вдавлений.²²

Понятно, что для исторической характеристики изучаемого района и даже всей центральной части Сев. Кавказа это наблюдение имеет особое значение, как доказывающее генетическую связь культуры Нестеровского могильника с местной же культурой более отдаленной эпохи.

В той же предгорной зоне Грозненской обл. экспедиция произвела предварительное изучение (с постановкой небольших раскопок) двух древних открытых поселений, обнаруженных краеведами М. П. Севостьяновым и Н. И. Штанько. Первое — на левом берегу р. АССЫ, в 3 км севернее сел. Луговое (б. Мужичи); второе — на левом берегу р. Сунжи, в 4 км к северу от с. Айвазовское (б. Алхан-Юрт) близ гор. Грозного.

Толщина культурных слоев этих поселений не превышала 0.5—0.7 м. Они характеризовались массовыми включениями золы, угля, костей животных (см. табл. 2) и особенно обломков керамики; наиболее характерными являлись фрагменты лощеной посуды, украшенные по венчику налепным шипковым орнаментом.

Особый интерес представляет обломок крупного черного лощеного сосуда, орнаментированного нарезным геометрическим узором (рис. 25—6).

Из общего числа 140 костей определены 73, принадлежащие следующим животным:

Т а б л и ц а 2

Принадлежность костей животных из Лугового поселения	Число костей	Число особей
Крупному рогатому скоту	23	2—3
Мелкому рогатому скоту	28	3—4
Свинье	13	2—3
Лошади	5	1—2
Косуле	2	1
Сайге	2	2

Примечание. Исследование остеологического материала из поселения Луговое произведено В. И. Цалкиным.

По аналогии с Алхастинским, Нестеровским и другими поселениями Сев. Кавказа, оба поселения относятся к местной культуре скифского облика VII—IV вв. до н. э.²³ Они оставлены оседлыми племенами Сев. Кав-

²² Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 26, рис. 11—13

²³ Там же, стр. 32.

каза, носителями культуры смешанного типа; культура эта характерна для всего Сев. Кавказа середины I тысячелетия до нашей эры.

Вторым этапом работы в Грозненской обл. было продолжение впервые начатого экспедицией в 1946 г. археологического изучения северных степных и полупустынных районов области.

На всем протяжении маршрута экспедиции — от самой станции Червленной, вдоль левого берега Терека, до самого гор. Моздока и дальше на север до р. Кумы — в ряде районов было зафиксировано огромное количество курганных насыпей разных размеров. Особо выделяется крупная курганная группа близ станции Микенской на Тереке.

В окрестностях сел. Ачикулак два небольших кургана подверглись раскопкам. В них вскрыто восемь разновременных погребений, распределяющихся во времени от эпохи бронзы до позднего средневековья. Древнейшими были скорченные костяки, залежавшие на глубине более 2 м. Один из них окрашен красной краской. При другом найдено ожерелье из просверленных зубов диких животных и человека (рис. 23—1). По аналогии с некоторыми древнейшими погребениями Нижнего Поволжья, ачикулакские захоронения могут быть отнесены к концу III тысячелетия до нашей эры.²⁴

Особое значение для истории края имеет обнаружение в одном из курганов впускного погребения, совершенного по всем правилам скифского погребального обряда, являющимся этнографическим признаком скифских племен. При сопоставлении этого погребения с другими, ранее выявленными экспедицией в тех же районах, можно уверенно говорить о проникновении на Сев. Кавказ и этнических скифских элементов, а не только вещей скифской культуры.

Исключительно интересными оказались итоги разведочных работ, произведенных экспедицией в Ачикулакском, Каясулинском и Караногайском районах области.

До наших дней древности этих степных районов Прикаспия совершенно не были отражены в археологической литературе, между тем как случайные находки археологических предметов давно сигнализировали о былом бытовании на этой территории различных древних культур. Первое же знакомство с этими районами дало нам обильный, правда, разрозненный, но очень показательный материал для предварительной историко-археологической характеристики края.²⁵

В 1948 г. экспедиция снова продолжала обследование ныне занесенных песками участков степи, в окрестностях селений Ачикулак (Лесные Дачи), Махмут-Мектеб и Божиган (ферма № 2). Песчаные холмы здесь весьма подвижны. Они меняют свои очертания в зависимости от направления и силы ветра, дующего здесь по 5—6 часов без перерыва. В результате действия ветра между песчаными грядами образуются крупные, совершенно очищенные от песка площади земной поверхности. Часто это и есть древний горизонт.

В этих песчаных выдувах во множестве встречаются морские раковины *Cardium edule*, свидетельствующие о былом затоплении морскими водами и столь отдаленных от Каспия районов.

На этих площадях (такырах) лежит богатый, но перемешанный разновременный археологический материал. Это — лишь остатки занесенных песками, а затем развеянных ветром древних поселений, могильников и

²⁴ И. В. Синицин. Археол. раскопки на территории Нижнего Поволжья. Изд. Сарат. ун-та, 1947, стр. 30—42.

²⁵ Е. И. Крупнов. Археол. работы в Грозненской обл. в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 67—73.

курганов. В ряде случаев (правда, редких) экспедиции удавалось обнаружить в песках человеческие костяки с соответствующим инвентарем.

Собранные экспедицией обильные находки (оружие, орудия труда и быта, украшения и пр.) вновь подтвердили глубочайшую давность заселения человеком этих районов и непрерывность культурного развития местного общества, начиная от эпохи энеолита до позднего средневековья и даже позднее.

Древнейший период истории этих мест характеризуют многочисленные образцы каменных орудий: крупных размеров резцы и резчики из цветного кремня, концевые скребки, кремневые ножи, проколки, нуклеусы, отжимные пластинки («lames») и пр. (рис. 26—1). Немалое количество найдено и микролитических орудий, сегментовидных и трапециевидных форм, сделанных из того же цветного кремня и даже из обсидиана (рис. 26—2). В двух пунктах среди песков было обнаружено большое скопление микролитических отщепов, что явно доказывало местоположение развешной первобытной мастерской, использовавшей местный кремень.

Все типы перечисленных каменных орудий почти в деталях повторяют категории орудий, находимых в выдувных котловинах между песчаными дюнами Среднего Поволжья,²⁶ Астраханщины,²⁷ Подонья²⁸ и левобережной Украины.²⁹

В свете последних научных данных подобные орудия характеризуют переходный период от камня к металлу на территории Юга СССР и хронологически могут соответствовать началу III тысячелетия до нашей эры.

К разным стадиям эпохи бронзы относятся многочисленные и разнообразные образцы керамики (рис. 24—3, 4, 25—5): песты, терочники, зернотерки, а также прекрасно изготовленные наконечники стрел и вкладыши из кремня, обсидиана, кварцита и других пород.

Некоторые наконечники стрел поражают тонкостью отделки (рис. 26—3—12). Почти все они тщательно отретушированы мелкими и тонкими сколами. Есть образцы так называемой пильчатой техники (рис. 26—3). Особенно примечательны каменные наконечники стрел асимметричной формы, с одним опущенным или выступающим шипом (рис. 26—4, 6, 9, 11). Эти стрелы составляют типичнейшую черту древних культур эпохи бронзы Сев. Кавказа,³⁰ частично Подонья и Поволжья.³¹ Некоторые типы керамики и наконечников стрел (рис. 26—7, 8) указывают на их связь с культурами катакомбной и срубной, бытовавшими в эпоху бронзы в Южнорусских степях и в Предкавказье.

На прямые связи и общения изучаемых районов с районами Центр. Кавказа указывают найденные здесь обломки сверленных топоров из серпентина, характерных для бронзовой культуры Кабардино-Пятигорья середины II тысячелетия до нашей эры (рис. 26—15).

В плане установления древних хозяйственно-культурных связей Сев. Кавказа с другими областями, исключительный интерес представляют две находки в Божигане: 1) бронзовый коленчатый нож, карасукской культуры (рис. 25—2), и 2) медная китайская монета (поздняя). При наличии на Сев. Кавказе других находок китайских бронзовых зеркал времени Танской династии (у станицы Нестеровской, Прохладной и в Осетии) наша

²⁶ Труды Секции археологии РАНИОН, М., 1928, стр. 130, рис. 28—33.

²⁷ Известия Нижневолжского ин-та краеведения, т. IV. Саратов, 1931, стр. 83—91, табл. I—II.

²⁸ Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., стр. 111, рис. 43; стр. 178, рис. 47.

²⁹ Древности Изюмщины, вып. 1, 1926, табл. I—IV; вып. IV, 1930, табл. I—XXII.

³⁰ ОАК за 1902 г., стр. 99; МИА, вып. 3, стр. 176, рис. 25, № 2—3; ОАК за 1897 г., стр. 61, рис. 62.

³¹ Археол. исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 171, рис. 43.

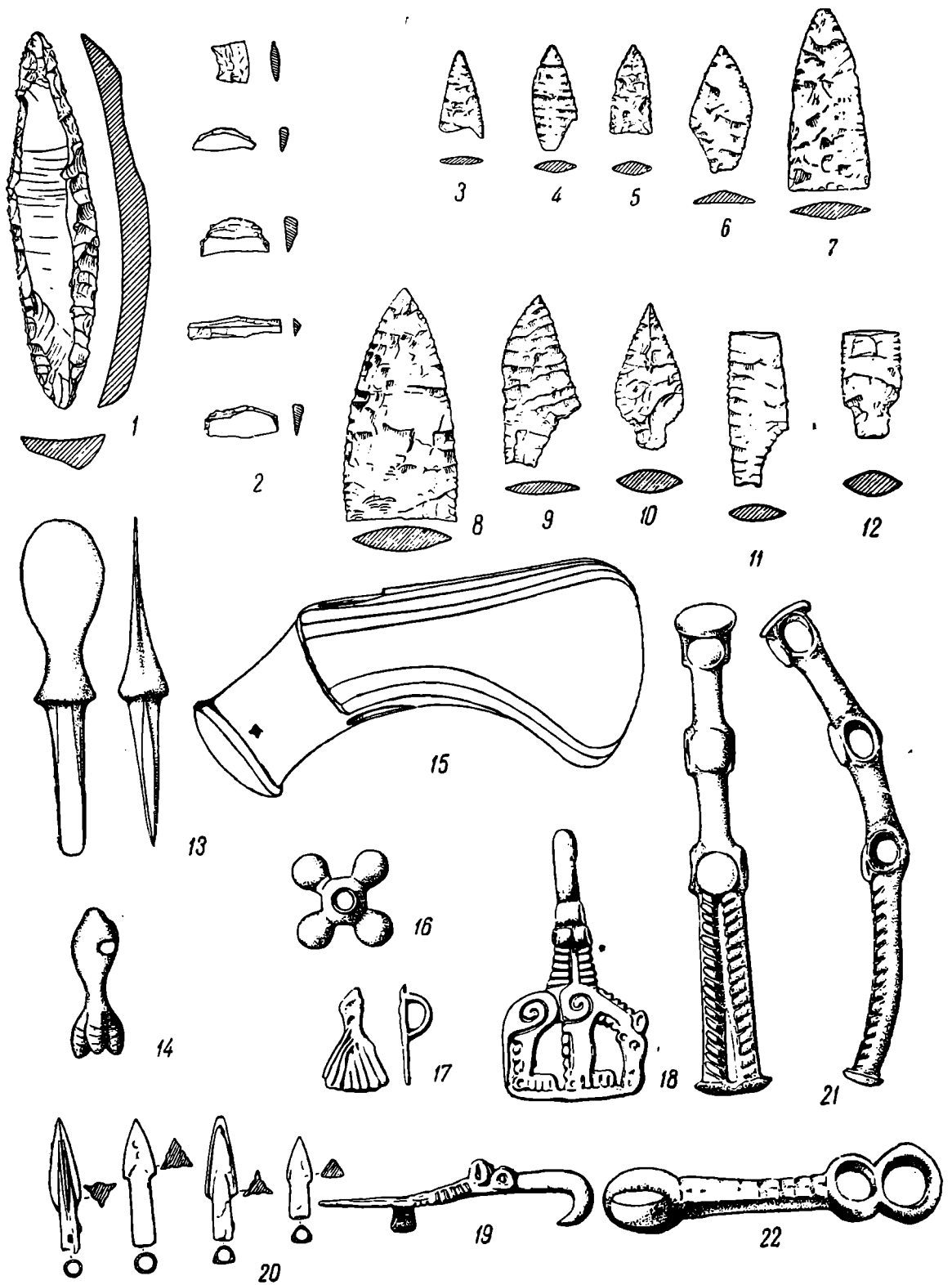

Рис. 26. Находки в Грозненской обл. и Кабардинской АССР

1 — кремневое орудие из Божигана; 2 — микролиты из Ачикулака; 3 — 12 — кремневые наконечники стрел из Божигана и Ачикулака; 13 — обломок киммерийского ножа из Божигана; 14 — бронзовая подвеска из Божигана; 15 — серпентиновый топор из погр. № 9 (курган у с. В. Акбаш Кабардинской АССР); 16 — 20 — бронзовые бляшки, пряжка и стрелы из Божигана; 21, 22 — бронзовые удила и псаали из каменного ящика № 2 в с. Каменномостское) (1/2 нат. вел.)

находка карасукского ножа имеет особое значение как показатель древнейших связей Сев. Кавказа с Сибирью, продолжавшихся и позднее.

Еще более важными находками для истории Кавказа являются бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа, находимые сотнями в песках Божигано-Терекского массива. Они повторяют все типы известных наконечников стрел скифской культуры от VII до III в. до н. э. Крайне любопытен один комплекс — могильный инвентарь одного развеенного погребения у Божигана. В него входят: четыре бронзовых трехперых втульчатых наконечника стрелы IV—III вв. до н. э., две бронзовые бляшки, возможно от конской сбруи, и прекрасная бронзовая поясная пряжка, выполненная в скифо-уральском зверином стиле (рис. 26—16—20).

Близкие аналогии пряжке дают мастюгинские, воронежские «Частые курганы» и др.³²

Редчайшей находкой является массивный бронзовый пластинчатый браслет с двойными спиралевидными завитками на концах (рис. 25—1). За исключением нескольких подобных позднекобанских бронзовых перстней³³ и двух браслетов из Кабарды³⁴ и из Пашковского могильника № 1 на Кубани,³⁵ как на почти прямые аналогии этому браслету я могу указать только на золотые браслеты из известного Михалковского клада VIII—VI вв. до н. э.³⁶ Предположительно и наш браслет из Божигана можно датировать этим же временем. Необычными для этих мест явились обильные находки глиняных грузил южновского типа.³⁷ Многие из них имели и несквозные конические отверстия (рис. 25—4).

Предметы, типичные для киммеро-скифской и сарматской культур на Сев. Кавказе, свидетельствуют о значительном включении в материальную культуру Кавказа элементов этих культур и об их участии в оформлении местных культур Кавказа. В сочетании же с наличными погребальными комплексами они уже документируют былое обитание на Кавказе и самих носителей этих культур, что подтверждается и письменными свидетельствами.

Подобные факты и наблюдения открывают перед нами новую страницу в истории всего Северокавказского края. Многочисленные овеществленные источники и условия их залегания в песках Сев.-Вост. Кавказа неоспоримо убеждают в том, что обследованный нами край был обитаем и густо заселен с эпохи энеолита. Непрерывная и полнокровная жизнь населения этих районов протекала здесь вплоть до эпохи позднего средневековья, временно лишь прерываясь в результате периодически повторявшихся каспийских трансгрессий, обмеления рек и наступления песков. Собранные материалы свидетельствуют о культурной общности этого края с районами Украины, Подонья, Прикубанья, Поволжья и о былых связях насельников этих мест с племенами даже таких отдаленных областей, как Сибирь и Средняя Азия.

Дать полное освещение истории этого неизученного края можно, только исследовав во множестве еще прекрасно сохранившиеся на границе песков огромные курганные насыпи. Только раскопки этих курганов дадут первоклассные источники крупного исторического значения. Разведками в северных районах работы экспедиции в Грозненской области были закончены.

³² ИАК, вып. 43, стр. 47—74; СА, вып. VIII, стр. 38, рис. 27.

³³ МАК, вып. VIII, табл. LXIV, рис. 10.

³⁴ Один бронзовый пластинчатый браслет из случайных находок в Кабарде хранится в ГИМ.

³⁵ Археол. исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., 1941, стр. 21), табл. XXXVI, рис. 2.

³⁶ ИАК, вып. 53, стр. 34, табл. II, рис. 4—8.

³⁷ Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938, стр. 125, рис. 5—6.

На территории Кабардинской АССР, продолжая работы, начатые в 1947 г., экспедиция произвела раскопки трех курганов, двух могильников и обследовала ряд разновременных поселений.³⁸

Древнейшими погребениями, относящимися к различным стадиям эпохи бронзы, начиная с III тысячелетия до нашей эры, явились подкурганые захоронения.

К наиболее древним относится основное погребение в кургане у сел. Верхний Акбаш, с тесловидным кремневым топором, кремневыми пластинами и медными полусферическими бляшками, украшавшими обувь или полы одежды погребенного. Скорченный костяк был обильно окрашен красной краской (охрой). Довольно редким явлением на Кавказе оказалось впускное погребение в том же кургане в массивном дубовом срубе. Так же окрашенный костяк лежал здесь вытянуто на спине. Его инвентарь составляли: прекрасный сверленный, полированный топор из серпентина (рис. 26—15) и кувшин, украшенный шнуровым орнаментом. Он типичен для Кабардино-Пятигорья середины II тысячелетия до нашей эры.³⁹

Другой, более ранний курган у сел. Ст. Урух по характеру керамики, обложке венчика серебряного сосуда, форме и размерам могильной ямы, наряду с ранее исследованным в 1947 г. Лескенским курганом,⁴⁰ может быть уверенно сопоставлен с известным Майкопским комплексом, подтверждая культурную общность в памятниках древности всего Сев.-Зап. и Центр. Кавказа, наблюдаемую с древнейших времен.

Прямо отвечающими основной задаче экспедиции явились раскопки двух могильников переходной эпохи от бронзы к железу и раннескифского времени.

Исследование уже известного ранее Каменноостского могильника (где предкурганые погребения сочетались с каменными ящиками) и грунтовых погребений, обложенных булыжником на вновь открытом могильнике «Закуты», близ с. Советское, позволило экспедиции не только установить и здесь смешанный характер культуры Сев. Кавказа киммеро-скифского времени, но и лишней раз документально засвидетельствовать позднюю стадию развития кобанской культуры, значительно осложненную внедрением железного оружия.

Наряду с бронзовым набором уздечных украшений, псалями и удилами, железными ножами и наконечниками копий, явно привозными раковинами каури (*Cyprga moneta*) и богато орнаментированной геометрическим узором посудой киммеро-скифских форм, в исследованных могилах были найдены бронзовые: кинжал, булавки, браслеты и украшения, характерные для кобанского этапа местной истории.

Особый интерес представляют бронзовые удила и псалии из Каменноостского могильника, типологически близкие наиболее ранним удилам Скифии и Кавказа (рис. 26—21, 22).

Важное наблюдение удалось сделать при исследовании могильника «Закуты», близ с. Советское, который может быть датирован VII — VI вв. до н. э. На керамических формах этого могильника был впервые для столь ранней поры прослежен линейный и волнистый орнаменты, позднее повторявшиеся и на сарматско-аланской керамике, но которые раньше ошибочно связывались только со славянской средневековой керамикой.

При некоторой общности с другими памятниками Сев. Кавказа раннескифского времени материал Каменноостского могильника отра-

³⁸ Подробное изложение результатов работы экспедиции в Кабарде содержится в «Ученых записках» Кабардин, н.-и. ин-та, т. V. Нальчик, 1949, стр. 195—275.

³⁹ МИА СССР, № 3, стр. 238, рис. 33 и 40.

⁴⁰ «Ученые записки» Кабардин, н.-и. ин-та, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 284—290.

жает локальные особенности памятников Кабардино-Пятигорья и наряду с Кисловодским⁴¹ и другими могильниками может быть отнесен к VIII — VII вв. до н. э.

В инвентаре Каменноостского могильника наблюдается скрещение более древних архаических черт (горной) кобанской и (степной) киммерийской культур в их уже вырождающихся формах, осложненных взаимосвязями со скифской, таврской и другими культурами нашего юго-востока, в том числе и с культурами Закавказья урартского времени.

С обследованных поселений и городищ в районах селений Верхний Акбаш и Советское собран преимущественно средневековый материал.

Подводя общие итоги работы экспедиции 1948 г., следует отметить следующее:

1) экспедиция впервые открыла на Северном Кавказе новые памятники, в том числе каменные орудия, называемые «микролитами»; характеризующие древнейший этап местной истории;

2) установила обитаемость человеческим коллективом с эпохи энеолита некоторых ныне почти безжизненных, полупустынных районов Северо-Восточного Кавказа;

3) проследила культурную общность и связи, проявлявшиеся в материальной культуре исследованных объектов с древнейшими культурами всего юга и востока нашей страны, включая Закавказье и даже Сибирь;

4) экспедиция не только собрала большой материал по скифо-кавказской теме, но впервые в центральной части Сев. Кавказа зафиксировала факты древних захоронений с инвентарем скифского типа и с соблюдением типических черт скифского погребального обряда, тем самым и археологически подтвердив наличие скифских элементов у древнего населения Сев. Кавказа.

Подобные наблюдения теснее связывают древнюю историю Кавказа со всей нашей отечественной историей. В этом особое значение итогов работы экспедиции 1948 г.

---

⁴¹ ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 225.

И. В. С И Н И Ц Ы Н

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПО РЕКЕ МАЛЫЙ УЗЕНЬ

(Саратовская область и Западный Казахстан)

Обширный юго-восточный степной район Заволжья, расположенный между Нижней Волгой и Уралом, до сих пор не был затронут археологическими исследованиями, кроме левобережной приволжской полосы. Между тем изучение этого района, в силу его географического положения, имеет важное значение для выяснения многих вопросов археологии Нижнего Поволжья, особенно для выяснения общности культур и древних связей с Приуральем и Средней Азией. Случайные и разнообразные находки в степных районах Узеней, в том числе находки около гор Новоузенска серебряных фалар, впервые детально описанных К. В. Тревер,¹ давно свидетельствовали о наличии в этих районах интересных археологических памятников.

В целях изучения этого района мною летом 1948 г. были произведены археологические исследования по берегам рек Большого и Малого Узеней в пределах Саратовской обл. и Зап. Казахстана.² Исходным пунктом работы экспедиции был район с. Александрова-Гая, побережье среднего течения Б. Узеня. От Александрова-Гая маршрут экспедиции шел через Казталовку, вдоль берегов р. М. Узеня до места впадения ее в систему озер Камыш-Самарских разливов (Новая Казанка) в пределах Зап. Казахстана. Юго-западнее Джангалы экспедиция спускалась на 50—70 км в границы ложбин, составляющих бассейн Камыш-Самарских озер и начинающихся здесь сплошных прикаспийских песков. Таким образом, экспедиция обследовала район протяженностью около 250 км.

Как и следовало ожидать, обследованный район в археологическом отношении оказался весьма интересным. На всем протяжении маршрута по берегам М. Узеня непрерывной цепью тянутся прекрасно сохранившиеся, никогда не подвергавшиеся распашке курганы. Они расположены чаще небольшими группами в 10—15 насыпей; в отдельных местах отмечены курганные могильники, насчитывающие до 40—50 насыпей. В большинстве своем курганы небольших или средних размеров (10—15 м в диаметре и от 50 см до 1 м в высоту). Лишь в одном случае нами зарегистрирован огромный курган, расположенный в местности под названием Кара-Оба, в 5 км к северу от Джангалы, на возвышенном берегу большого озера

¹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. 1940, стр. 48—49, табл. 3, 4, 5; А. А. Спицын. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 29, рис. 72, 73 и 79.

² Экспедиция была организована Саратовским гос. ун-том и Обл. музеем. В экспедиции принимали участие студенты исторического факультета СГУ П. В. Пегов, Е. К. Максимов, Б. Давлетов и научный сотрудник музея Э. И. Житинава.

Туши-Кулак, при впадении в этом месте М. Узенья в оз. Сарайдин. Курган имеет около 100 м в диаметре и достигает 6 м в высоту. Это — один из больших курганов, известных в левобережной степной полосе Нижнего Поволжья. Подобные курганы изредка встречаются по берегам Урала, восточнее гор. Уральска.

Вторая категория обнаруженных памятников представлена местами поселений, расположенных преимущественно на дюнах, по берегам озер и водоемов в районе Джангалы. Особое место в работе экспедиции заняли раскопки курганов в Курпе-Байском могильнике, расположенном в 15 км к северу от Джангалы. Обнаруженные памятники дали совершенно отчетливое представление об основных этапах исторического прошлого этого района.

Древнейшими археологическими памятниками оказались дюнные поселения, расположенные в районе Джангалы, в устьях Узеней. Здесь по берегам озер Сарайдин, Раим, Туши-Кулак, на песчаных дюнах, окаймляющих берега озер и водоемов, непрерывной полосой или отдельными гнездами встречаются древние поселения. Все они характеризуются остатками, состоящими преимущественно из мелких кремневых орудий, часто сопровождаемых разнообразными черепками посуды, орнаментированной главным образом штампом, штрихами, образующими различные геометрические композиции.

На некоторых стоянках встречаются значительные скопления остатков, на других они бедны, свидетельствуя о том, что поселения были весьма кратковременными. Наиболее обитаемыми оказались поселения, расположенные в устье М. Узенья, по берегам большого озера Сарайдин. Топография поселений и характер культурных остатков свидетельствуют о том, что первые обитатели этого района занимались рыболовством и охотой. Пресноводные озера здесь до сих пор изобилуют рыбой и водоплавающей дичью.

Основной вещественный материал поселений состоит из разнообразных кремневых микролитических орудий. Наиболее типичной и распространенной группой кремневых изделий являются концевые скребки, сделанные на коротких призматических пластинках или на отщепках (рис. 27—1—5). Не менее характерна группа сегментовидных изделий. Орудия обычно тщательно ретушированы по дуге сегмента с одной или двух сторон (рис. 27—7—10). Сравнительно реже встречаются орудия, представляющие тонкую пластинку со скошенным подретушированным концом (рис. 27—11—13), округлые скребки, разнообразные ножевидные пластинки, чаще небольшого размера; изредка встречаются (местонахождение Бек-Бике) пластинки до 8 см (рис. 27—19).

Для всех местонахождений характерно наличие кремневых отщепов и иногда нуклеусов. Все это свидетельствует о том, что обработка материала производилась на месте поселений. Материалом для изготовления орудий служил плотный просвечивающийся, коричневатый, серый и других тонов кремнь. Реже встречаются орудия, сделанные из мелового кремня плохого качества или мелкозернистого прозрачного кварцита. Последний применялся главным образом для изготовления наконечников стрел различных форм: подтреугольной, с выемкой у основания, иногда с глубокой выемкой, образующей острые шипы; реже — черешковые (рис. 27—20—24). Аналогичные наконечники стрел хорошо известны из курганных погребений эпохи бронзы южных степей Поволжья.

Анализируя кремневый материал поселений Джангалинского района, можно отметить большое его сходство с материалом дюнных поселений северо-западного побережья Каспия, исследованных мною еще в 1930—1931 гг. и дополнительно в 1946 г. на широкой полосе от р. Кумы до

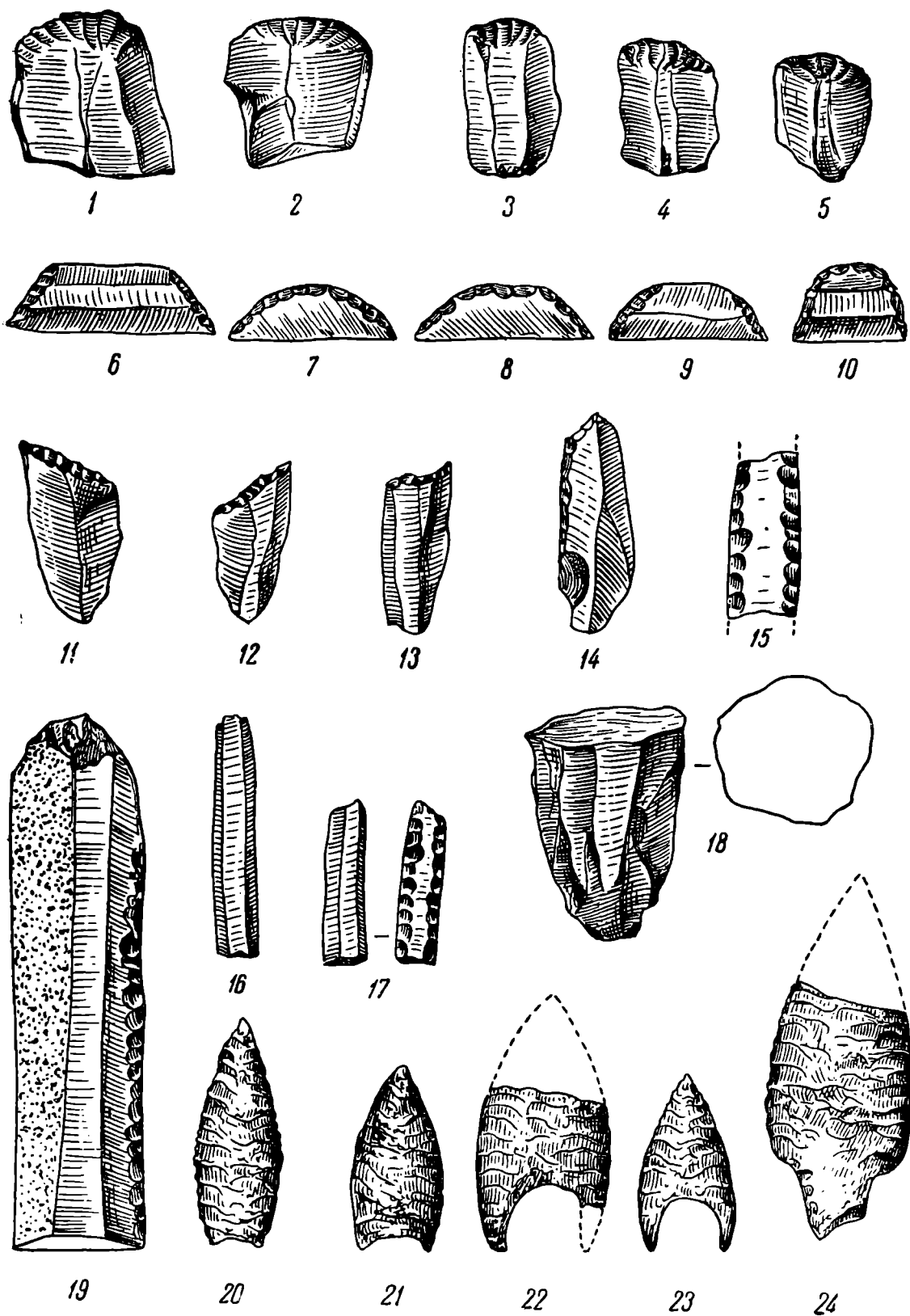

Рис. 27. Кремневые микролитические орудия

Астрахани в пределах Бэровских бугров.³ В последние годы дюнные поселения с аналогичным микролитическим инвентарем открыты во многих пунктах северо-восточной полосы Прикаспийской низменности. Особенно интересны находки близ с. Кардуан, в 100 км северо-восточнее Астрахани, за Уралом, в районе Индерского озера.⁴ Далее на восток аналогичные поселения выявлены в Тургайском районе Акмолинской обл., в районе р. Желанчик, к северу от оз. Челкар-Тенгиз⁵ и других пунктах северного Приаралья.⁶

Не подлежит сомнению, что вся эта полоса поселений Прикаспийской низменности входит в обширный комплекс единой, генетически связанной микролитической культуры охотничье-рыболовецких племен степей Приаралья и Прикаспия, поселений типа кельтеминарской культуры, открытой С. П. Толстовым.⁷

Интересными представляются сделанные почти на всех стоянках находки разнообразной керамики, начиная от древнейшей, типа керамики древнейших погребений, вплоть до позднего средневековья. К сожалению, отсутствие стратиграфических данных затрудняет более точно выделить культурные комплексы. Однако несомненно, что большая часть керамики относится к эпохе поздней бронзы. Керамика весьма разнообразна по форме, орнаменту, составу глины. Значительная ее часть состоит из простых горшков баночной формы, с прямыми или слегка выпуклыми стенками, плоским дном. В большинстве своем сосуды украшены несложным орнаментом в виде параллельных или горизонтальных линий, зигзагов. Часто встречается елочный орнамент в различных сочетаниях (рис. 28). В районах Зап. Казахстана керамика с аналогичным орнаментом особенно полно представлена в Алексеевском поселении и могильнике, исследованных О. А. Граковой.⁸

Не входя в детали керамического материала, отметим, что керамика Джангалинского района наиболее ярко отражает сочетание двух культурных вариантов — нижеволжской хвалынской культуры и западноказахстанской андроновской. Вместе с тем нельзя не отметить, что керамика Джангалинского района находит ближайшие аналогии в керамике Приаралья, бронзового века Хорезма, о чем неоднократно упоминал С. П. Толстов в отчетных работах и в последней своей монографии.⁹

Следующий комплекс памятников, открытых экспедицией, относится к скифо-сарматскому времени. Всего было исследовано шесть курганов, содержащих восемь погребений. Могильный инвентарь и ритуал погребений позволяет подразделить их на две хронологические группы: 1) погребения IV—II вв. до н. э. и 2) погребения II—I вв. до н. э. и I в. н. э.

К первой группе относятся три погребения, обнаруженные в курганах, расположенных в 2 км к востоку от с. Джангалы, на песчаной гряде, непосредственно примыкающей к оз. Сарайдин.

Все погребения оказались одинаковыми по погребальному обряду и инвентарю. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на

³ И. В. Синецкин. Кремневые орудия с дюнных стоянок. Изв. Нижневолжского ин-та краеведения, т. IV, 1931; его же. Древние памятники Приморского района. Там же, т. VI, 1933.

⁴ Материалы хранятся в Саратовском обл. музее.

⁵ Ознакомлением с материалом поселений этого района я обязан С. С. Черникову, которому и выражаю благодарность.

⁶ А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестник КазФАН, 1945, № 2; его же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV. М.—Л., 1949.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 59 и след.

⁸ О. А. Кривоцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948.

⁹ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 66 и след.

юг. Во всех могилах однородный инвентарь и ритуал; бронзовые трехгранные наконечники стрел, глиняные сосуды, железные мечи, остатки заупокойной пищи — крупные части скелета барана.

Наиболее интересным оказалось мужское погребение № 2 из кургана № 3. При костяке, лежавшем в вытянутом положении, головой на юг, находились следующие вещи: в правой руке железный меч с серповидным навершием и прямым перекрестием; с левой стороны, ниже колен, — остатки кожаного колчана, в котором помещалось 50 бронзовых трехгранных

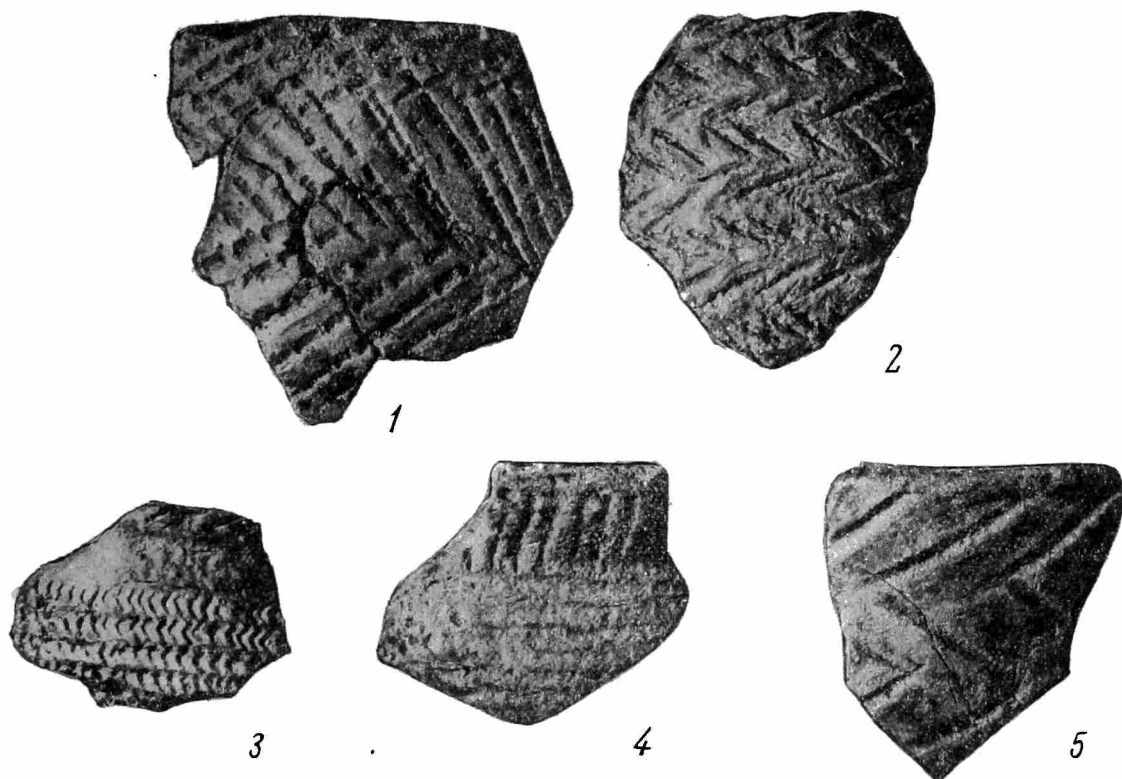

Рис. 28. Фрагменты глиняной посуды с дюнных поселений района Джангалы

втульчатых наконечников стрел, из них семь имеют втулку, выступающую ниже головки; 42 наконечника с обрезной втулкой и шипами и один подобный же, но без шипов. Около ступни левой ноги находились три предмета, сделанные из сланца. Один из них овально-цилиндрической формы, длиной 7.5 см, толщиной до 3 см, с просверленным отверстием на одном конце (рис. 29—1). Второй — в виде продолговато-овальной пластинки длиной 7.5 см, шириной 3.5 см и толщиной 1.5 см, с отверстием в середине. Третий предмет длиной 7.5 см, шириной до 4.5 см и толщиной 2 см; посередине он имел опоясывающий надрез. С правой стороны, ниже колен — глиняный горшок с шаровидным корпусом, бортик шейки отогнут. В ногах — крупные кости барана и железный однолезвийный нож.

Для определения времени погребений, помимо ритуала, важным являются предметы вооружения — наконечники стрел, меч. Аналогичные наконечники стрел хорошо известны в Нижнем Поволжье и Приуралье, по курганным погребениям, хронологически определяемым IV — II вв. до н. э. Наличие железного меча с серповидным навершием также не противоречит этой датировке. Б. Н. Граков в своей схеме относит аналогичный комплекс погребений ко второй ступени, именуемой им савромато-сарматской, или прохоровской, культурой.¹⁰ К этой группе мы и относим Джангалинские погребения.

¹⁰ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

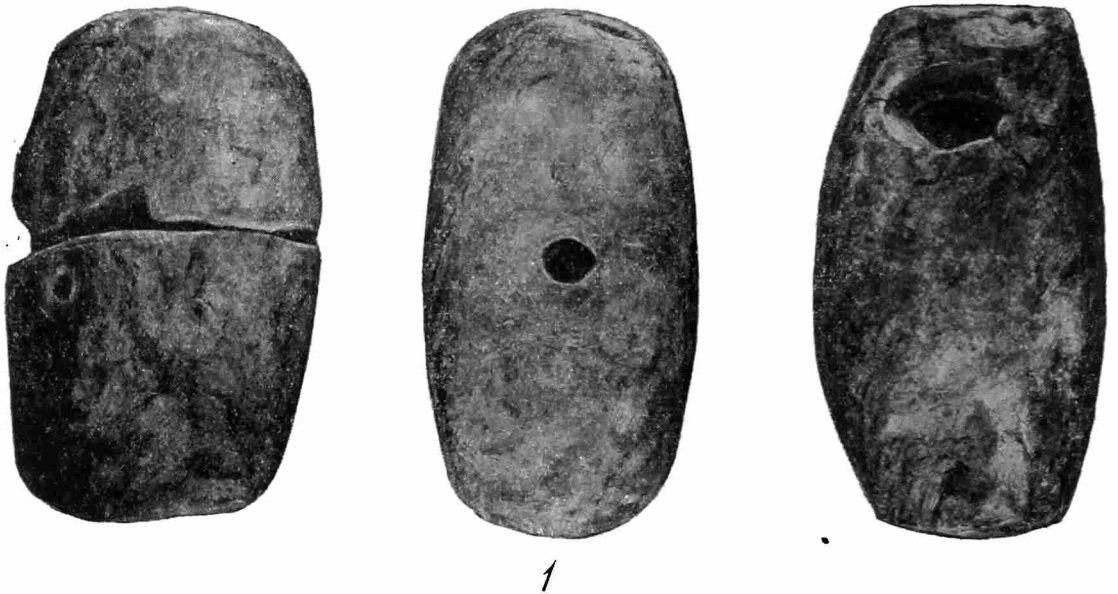

Рис. 29. Находки из погребений у с. Джангалы и из Курпе-Байского могильника — предметы из сланца из кургана № 3, погр. № 2 (с Джангала); 2 — глиняный горшок из кургана № 4, погр. № 2; 3 — глиняный кувшин из кургана № 1; 4 — глиняный кувшин из кургана № 2 (Курпе-Байский могильник)

Вторая группа сарматских погребений была открыта в курганном могильнике, расположенном в 15 км к северу от с. Джангалы, на возвышенном участке степи, в местности Курпе-Бай. Могильник насчитывает около 40 курганных насыпей, расположенных цепочкой с запада на восток на расстоянии 40—50 м друг от друга. Курганы небольшого размера: 10—20 м в диаметре, при высоте от 40 см до 1 м; лишь один курган выделяется своими размерами — около 30 м в диаметре и до 2,5 м высоты.

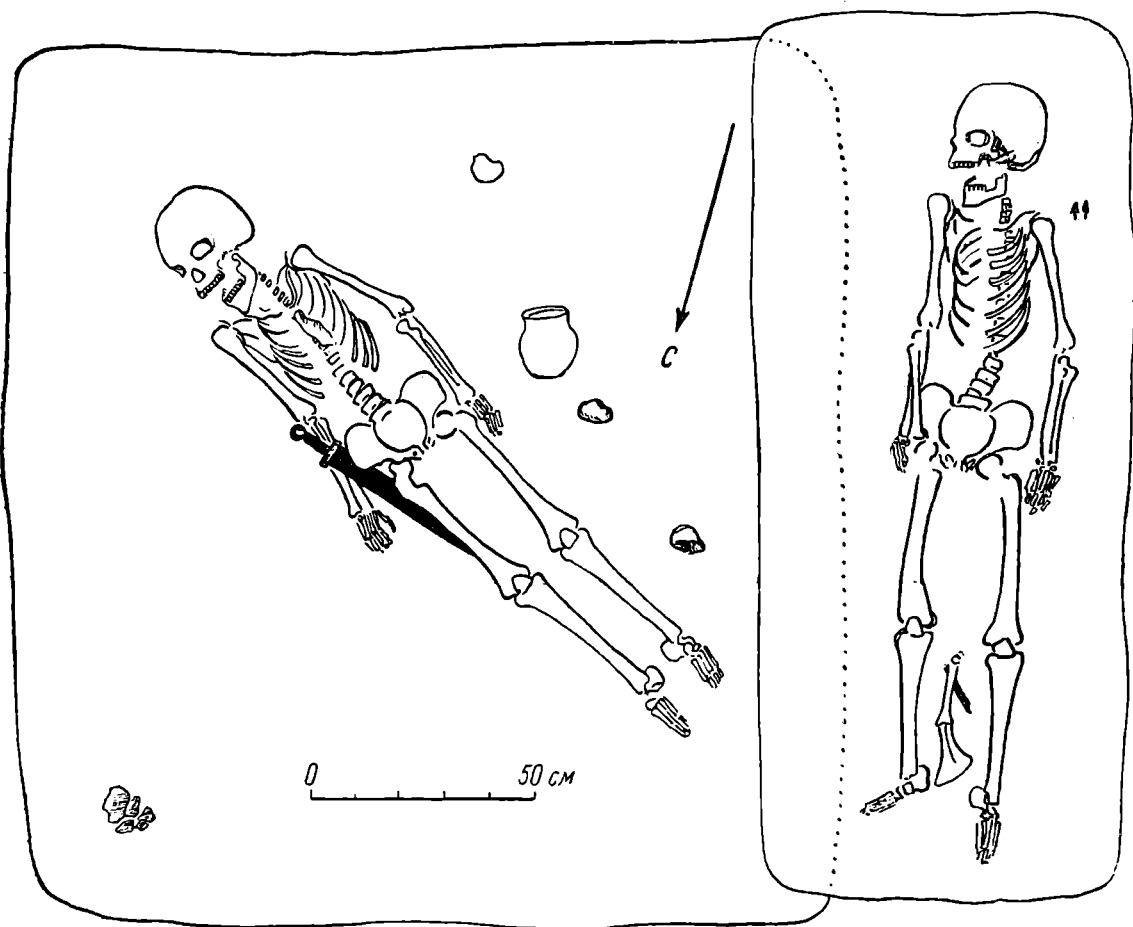

Рис. 30. Погребение из кургана № 4 (Курпе-Байский могильник)

Из пяти раскопанных курганов четыре содержали могилы, которые по форме ям и погребальному ритуалу представляют два типа погребений: 1) погребения в больших квадратных могилах, с диагональным положением погребенного и 2) погребения в узких прямоугольных могилах, с южной ориентировкой костяков.

Важно отметить, что в кургане № 4, содержащем две могилы, мы получили точные стратиграфические данные для хронологического подразделения диагональных погребений и погребений в узких могильных ямах. Диагональное погребение являлось основным в кургане и было перекрыто впускным погребением № 1, в узкой могильной яме с ЮЮВ ориентировкой скелета. У левого плеча погребенного помещались два трехгранных черешковых железных наконечника стрел, между ног — кости барана (нога с лопаткой) и железный нож (рис. 30).

Основное диагональное погребение помещалось в могиле квадратной формы (длина 2 м, ширина 1,90 м, глубина 1,40 м). Скелет мужчины средних лет лежал с угла на угол, вытянуто, на спине, головой на ЮВ. Кости погребенного густо покрыты мелом. Три больших куса мела положены с левой стороны в одну линию. Здесь же стоял глиняный горшок с

шаровидным корпусом, невысоким горлом и отогнутым краем (рис. 29—2). В северо-восточном углу могилы помещались черепки небольшого тонкостенного сосуда. С правой стороны, на руке, вдоль бедра — железный меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (длина меча 60 см).

По ритуалу и могильному инвентарю это погребение относится к ярко выраженному типу диагональных погребений, хорошо известных в пределах Нижнего Поволжья, и позволяет сделать заключение о более широком районе их распространения по сравнению с границами, указанными К. Ф. Смирновым.¹¹ Не затрагивая здесь вопроса, насколько правильна интересная попытка К. Ф. Смирнова считать группу диагональных погребений роксоланской, несомненным является его хронологическое определение этой группы от III — II вв. до н. э. вплоть до III в. н. э., что подтверждается анализом материала нижеволжских погребений.¹² Рассматриваемое Курпе-Байское погребение, по аналогиям с другими погребениями, может быть датировано концом II и не позже I в. до н. э. Такое заключение мы делаем еще и на основании того, что это погребение было перекрыто, как отмечалось, впускным погребением № 1, хронологически относящимся к рубежу нашей эры.

К последнему типу погребений относятся и остальные погребения, вскрытые в курганах № 1, 2, 3 Курпе-Байского могильника. Все они имеют узкую могильную яму, с южной и юго-восточной ориентировкой костяков. Из них наиболее характерными являются женское погребение из кургана № 1 и мужское — из кургана № 2, содержавшие наиболее типичный инвентарь среднесарматской стадии. В женском погребении под правым плечом помещалось разбитое зеркало с широким выпуклым ободком по краю, диаметром диска до 16 см. Между ног, выше колен — алебастровое круглое пряслице; на ногах, ниже колен — мелкие, темносиние стеклянные бусы; у ступней ног — большой кувшин с ручкой, шаровидным корпусом, с отогнутым наружу венчиком и выступающим сливом (рис. 29—3). Второй горшок небольшого размера, также с шаровидным корпусом, орнаментирован бороздками, спускающимися вниз по бокам сосуда. В качестве заупокойной пищи — части скелета барана (нога и лопатка), положенные вместе с железным однолезвийным ножом.

Курган № 2 содержал мужское погребение. В могиле, имевшей 2 м в длину, 1.10 м в ширину и 1 м в глубину, скелет лежал вытянуто, на спине, головою на ЮВ. С правой стороны находился массивный железный двухлезвийный меч с прямым перекрестием из бронзовой пластинки; длина меча 1.10 м, клинка — 90 см. Рукоять представляет четырехгранный стержень длиной 20 см (рис. 31). Около левого бедра — второй железный меч-кинжал без перекрестия; длина его 35 см. Рукоять с деревянной обкладкой, конец которой завершался железным стерженьком в виде короткого гвоздя с выпуклой шляпкой. Кинжал был сломан пополам, и в двух кусках положен погребенному. У ступни левой ноги — пучок железных, трехгранных, мелких черешковых стрел (около 30). В ногах — глиняный лощеный кувшин с ручкой (рис. 29—4).

Рис. 31. Железный меч из сарматского погребения, курган № 2

¹¹ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1 (см. карту).

¹² Там же, стр. 216.

В данном погребении особый интерес представляет большой меч, имеющий своеобразную форму рукояти. Среди многочисленных находок в поволжских и приуральских погребениях прямых аналогий подыскать не удалось. Лишь в кургане № 51 Сусловского могильника массивный железный меч имел такое же бронзовое ромбическое перекрестие.¹³ К сожалению, рукоять суловского меча не сохранилась. Второй меч-кинжал по своей форме относится к категории кинжалов, получивших более широкое распространение в сарматской среде в первые столетия нашей эры. Во всяком случае, предметы вооружения и остальной могильный инвентарь, вместе с чертами похоронного обряда, позволяют поместить рассматриваемую группу погребений в рамки I в. до н. э. и I в. н. э.

К следующему культурно-историческому этапу относятся погребения кочевников VIII—XII вв. и золотоордынского времени. В разных пунктах окрестностей Джангалы, на дюнах и в курганах Курпе-Байского могильника обнаружено 15 разновременных кочевнических погребений. По устройству могил, ритуальному обряду и могильному инвентарю можно выделить группу погребений, характерной чертой которых является захоронение человека вместе с костями коня. При этом в могилу клался не полный остов коня, а лишь часть его: голова, передние и задние конечности, расположенные в анатомическом порядке.

Обряд погребений этого типа весьма устойчив и однороден; могилы узкой, прямоугольной формы, скелеты вытянуты на спине, головой на запад, изредка на восток. Положение коня сбоку, с правой и левой стороны, на приступке, несколько выше погребенного; череп коня — головой на запад, во рту — железные удила.

Из этой группы погребений особый интерес представляет погребение воина в доспехах (рис. 32). Это погребение обнаружено на дюнах, среди сыпучих бугристых песков, расположенных вдоль восточного берега оз. Сарайдин, в местности Бек-Бике, в 7 км к востоку от с. Джангалы. Никаких признаков курганной насыпи и очертаний могильной ямы не сохранилось.

Скелет мужчины лежал на склоне оголенного бугра, на спине, вытянуто, головой на восток. На воине был надет железный, сильно скипевшийся чешуйчатый безрукавный панцырь. Правая рука скелета, согнутая в локте, лежала на животе поверх панцыря, левая — вытянута вдоль туловища и несколько прикрыта краем панцыря. С правой стороны скелета лежали кости коня — череп, передние и задние конечности; голова коня — у ног покойника, с ориентировкой на запад. На месте спины два железных стремена с овальным плоским подножием, уплощенной верхней дужкой, с узким продолговатым прорезом для ремня. С левой стороны скелета лежал массивный однолезвийный с кольцевидным перекрестием меч длиной 104 см (клинок — 93 см, рукоять — 11 см), наибольшая ширина 4.5 см; толщина у спинки 1 см. Конец меча на расстоянии 30 см от острия заточен с двух сторон. Деревянная обкладка рукояти скреплялась со стержнем штифтиком (рис. 33—1). Около рукояти меча лежали кости — крестец коня; здесь же лежали железные плоские стрелы с широким тупым концом и длинным черешком. Под панцырем, с правой стороны, у пояса — железный однолезвийный нож, две круглые железные пряжки; на ногах — мелкие кусочки кожи от обуви.

Помимо ритуала, особый интерес в этом погребении представляют предметы вооружения: панцырь и меч. Панцырь имел вид длинной безрукавной рубашки, доходящей почти до колен. Размеры панцыря: длина 1.10 м, ширина в плечах 40 см, ширина нижней полы 60 см (нижняя часть панцыря была подобрана, образуя ленту в четыре слоя пластинок).

¹³ П. С. Рыков, Суловский могильник. Ученые записки Саратов. гос. ун-та, т. IV, вып. 3, 1925, стр. 73.

Панцырь изготовлен из железных пластинок продолговатой формы, размером 6.5×3.5 см, толщиной до 1.5 мм. Один конец пластинок имеет овально-закругленную форму, противоположный конец обрезан прямоли-

Рис. 32. Погребение воина в доспехах из кургана Бек-Бике с. Джангалы

нейно и снабжен тремя дырочками в 1 мм. Такие же дырочки расположены по боковым сторонам, однако, вследствие сильного окисления железа, количество их не установлено.

Посредине на пластинках, с лицевой стороны, выпуклины в виде полу-

шария, диаметром до 1 см. Наплечники состоят из шести дугообразно согнутых пластин 12×7 см (по три пластинки на каждом плече).

Пластинки панцыря скреплялись правильными горизонтальными рядами так, что левый край одной пластинки покрывал правый край другой, а боковые дырочки их совпадали. Расположение рядов панцыря идет в такой последовательности: первый верхний ряд пластинок прикреплен к четырем железным полосам — две впереди и две сзади, расположенным около плеч. Размер этих полос 19×3.5 см. Пластинки прикреплены к полосам овальным концом вверх; нижний их конец скреплен кожаной обоймой,

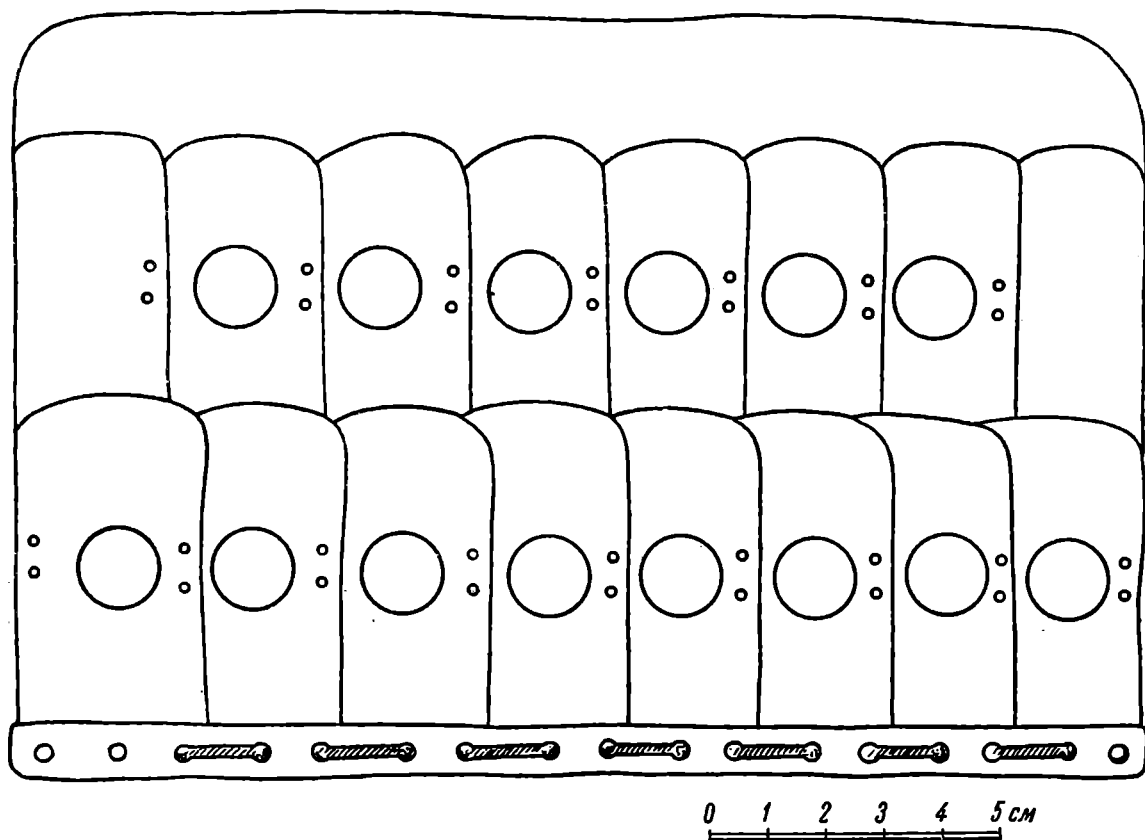

Рис. 33. Способ скрепления железных пластинок в панцыре из кургана Бек-Бики

окаймляющей пластинки на 1 см. Обойма прошита через дырочки ремешком (рис. 33—2). На первый верхний ряд заходил на 1.5—2 см следующий нижний ряд, таким образом получалась пластинчатая броня, состоящая из 25 параллельных рядов, расположенных чешуйками снизу вверх. С внутренней стороны на пластинках хорошо заметны прикипевшие следы холщевой ткани, служившей, вероятно, подбоем панцыря.

В погребальном инвентаре интересным также представляется железный меч. Рукоять меча, имевшая один скошенный край, близка к сабельной. При описании вооружения из Демьяновки, Э. Ленц отмечает, что «такое положение рукояти, встречающееся преимущественно у восточных народов в находках X—XIV вв., основано на утраченном впоследствии тонком расчете, чтобы в момент удара положение полосы по возможности ближе подходило к прямолинейному продолжению вытянутой руки ударяющего».¹⁴

¹⁴ Э. Ленц. Вооружение из Демьяновки. ИАК, 1902, вып. 2, стр. 85.

Выясняя происхождение вооружений Джангалинского погребения, необходимо прежде всего принять во внимание произведенный С. П. Толстовым анализ вооружения хорезмийских воинов, изображенных на Аниковском блюде, где конные воины одеты в пластинчатую броню.¹⁵ Подобный тип брони и другое вооружение характерны для изображений всадников на древнетюркских и кыргызских писаницах и синхроничных погребений Алтая и Минусинского края.¹⁶ В этой связи важно также отметить вооружение енисейских кыргызов, анализ которого дан Л. А. Евтюховой.¹⁷ Особенно интересны упомянутые ею находки бронзовых литых фигурок из-под Семипалатинска, опубликованных в свое время А. А. Спицыным.¹⁸ На пластинке из с. Кулундинского, близ Барнаула, изображен пеший воин, одетый в длинный безрукавный пластинчатый панцырь, напоминающий панцырь Джангалинского погребения. Из курганных погребений, давших аналогичное вооружение, очень важно погребение № 3 из кургана № 1 Басандайского могильника, близ Томска.¹⁹ Погребенному был положен такой же пластинчатый панцырь, длинный однолезвийный меч, наконечники стрел и другие предметы быта. Захоронение коня (головы, передних и задних конечностей, расположенных в строгом порядке) также свидетельствует об общности ритуала. Наконец, для выяснения вопроса о происхождении панцырного вооружения Джангалинского погребения очень важно отметить такие археологические параллели, как статуэтки воинов из Турок-Мазара.²⁰

Таким образом, если учесть упомянутые находки, мы имеем значительную территорию, на которой в период VIII—XII вв. был распространен не только один и тот же вид вооружения, но и своеобразный, во многом однородный культурный комплекс. Что касается вопроса племенной принадлежности исследованных кочевнических погребений в низовьях Узеней, то у нас более всего данных говорить о принадлежности их к огузо-тюркской среде. Попытка Н. Д. Мец²¹ выделить по материалам кочевнических погребений и письменным источникам группу погребений с частичным захоронением коня как принадлежащую торкам подтверждается нижневолжским материалом.

---

¹⁵ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 215.

¹⁶ Там же, стр. 216.

¹⁷ Л. А. Евтюхова. Археол. памятники енисейских кыргызов (хакасов), 1948, стр. 103 и след.

¹⁸ А. А. Спицын. Случайные находки близ Семипалатинска. ИАК, вып. 12, стр. 76—77, рис. 4.

¹⁹ Басандайка. Тр. Томского гос. ун-та, т. 98, 1947; А. П. Дульзон. Дневник раскопок, стр. 86—89, табл. 31—34.

²⁰ Л. Н. Гумилев. Статуэтки воинов из Турок-Мазара. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, М., 1949, стр. 232.

²¹ Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 45.

К. Ф. С М И Р Н О В

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА

Дагестано-Кубанская экспедиция 1948 г. ИИМК и ГИМ (руководитель К. Ф. Смирнов) производила раскопки в Дагестане и Краснодарском крае.

Археологические работы в Дагестане в 1948 г. проводились совместно с Дагестанским музеем. Главным объектом исследования был Таркинский могильник. Его научное значение велико уже потому, что он представляет первый памятник сарматской культуры в приморской части Дагестана, на пути древних коммуникаций, связывавших древние народы Закавказья и Передней Азии с народами обширных степей Евразии.

Большинство из 30 вскрытых в 1948 г. погребений Таркинского могильника относится к сарматской культуре; 18 погребений сохранились целиком или достаточно хорошо, чтобы установить их обряд и принадлежность к данной культуре. Почти все погребения каякентско-хорочоевской культуры, связанные с гробницами из необработанных каменных плит и с каменными оградками (прямоугольные или в виде полукольца), были разрушены главным образом при сооружении погребений сарматской культуры.

Несмотря на значительный (более полутысячелетия) хронологический разрыв между памятниками обеих культур, намечается определенная преемственность между ними. Заслуживает внимания само положение сарматского кладбища на месте более древнего. Каменные плиты древних гробниц были использованы для оборудования могил сарматского времени. Наряду с обычным, вытянутым положением погребенных, в сарматское время еще сохранился древний обычай хоронить в скорченном и сидячем положении. В гробнице № 25 ребенок был погребен в сидячем положении, на коленях у матери. В той же позе погребен ребенок близ этой могилы (погр. № 18) и взрослый — в другой группе расположенных друг над другом погребений (погр. № 12). В грунтовой могиле № 14 ребенок был погребен в скорченном положении.

Для этого времени характерны погребения в грунте (вытянутые), иногда в каменных гробницах или, вернее, в прямоугольных, обложенных по стенкам каменными плитами, ямах, суживающихся к ногам (гробницы № 4, 24, 25). Ориентировка погребенных разнообразна, но все же преобладает юго-восточная. Погребения индивидуальные, кроме гробницы № 25, где вместе с женщиной были погребены ребенок и подросток.

Основные черты погребального обряда, как погребение покойника, вытянутого на спине, с преобладанием юго-восточной ориентировки, положение кисти руки погребенного на таз, угольки и мел в могилах — свидетель-

ствуют о родстве этого обряда с сарматским, господствующим в Поволжье, в частности на Астраханщине¹ в I в. до н. э.— II в. н. э. (среднесарматская стадия²).

Погребальный инвентарь еще больше подчеркивает сарматский облик вскрытых памятников, соответствующих в целом древностям среднесарматской и началу позднесарматской стадий Поволжья, т. е. не ранее I в. до н. э. и не позже II—нач. III в. н. э. Такие предметы, как бронзовое зеркальце с боковым ушком и конической выпуклостью в центре (рис. 34—2), арбалетные фибулы с пластинчатой дужкой (рис. 34—1), найденные в стратиграфически более ранних погребениях Таркинского могильника, известны в сарматских курганах Кубани I в. н. э. В это же время они распространяются и в Поволжье. Так, в могиле Е-9 у с. Каменка, на Иловле, где лежал женский костяк по диагонали могилы, головой на ЮЗ, среди прочего инвентаря были найдены две бронзовые арбалетные фибулы, бронзовое зеркальце с боковым ушком и выпуклым ободком (диаметр 5 см), порошок розовой краски,³ т. е. вещи, точно соответствующие инвентарю женского погребения № 23 из нижнего (более раннего) яруса сарматских погребений Таркинского могильника. В обоих случаях зеркальца лежали на груди. Первым веком нашей эры и несколько более ранним временем датируются в Поволжье шаровидные и дисковидные пряслица из алебаstra, мелкие железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, найденные и в Таркинском могильнике (рис. 34—4, 7, 9).

Погребения верхнего яруса, к которым относятся прежде всего могилы, обложенные каменными плитами (№ 4, 24, 25), отличаются по форме инвентаря, особенно керамики. Здесь найдены фибулы с подвязанным приемником, но не позднего варианта (рис. 34—3), более крупные железные наконечники стрел (рис. 34—7), крупные бусы из голубоватого халцедона, стеклянные бусы и глиняные миски и кувшины (рис. 35—9, 10) тех форм, которые характерны для ранней группы погребений позднесарматской стадии Поволжья (II—нач. III в.).

Таким образом, сравнивая памятники сарматской культуры Таркинского могильника с сарматскими древностями Прикубанья и Поволжья, следует их датировать не ранее I в. до н. э. и не позже II—нач. III в. н. э.

Инвентарь мужских погребений свидетельствует о воинственности населения, занимавшего выгодные экономические и стратегические районы приморской части Дагестана, чрез которые, вероятно, проходил главный торговый путь аорсов из северных степных районов в Закавказье и Переднюю Азию. Здесь некогда прошли скифы в южные страны; этим же путем, наряду с Кавказскими воротами (Дарьяльское ущелье), очевидно пользовались сармато-аланские дружины во время своих походов на юг со времен Митридата VI и особенно в I—II вв. н. э.

Вооружение населения этого района — общесарматское: железные и костяные наконечники стрел для легкого лука, копья и меча. Костяные наконечники стрел (рис. 34—5—6), мелкие ромбические, треугольные и прямоугольные в сечении, с внутренней втулкой, не находят себе близких аналогов среди известных мне форм костяных наконечников стрел у сарматов.

¹ П. С. Рыков, Археол. разведки и раскопки в Н.-Волжском крае, произведенные в 1928 г. Изв. Н.-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького, т. III, Саратов, 1929 г.; его же. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР. Указ. соч., т. IV, 1931; его же. Раскопки курганного могильника в районе гор. Элисты. Указ. соч., т. VII, Саратов, 1936; его же. Археол. раскопки курганов в урочище «Три брата». СА, I, 1936.

² К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. Доклады и сообщения института МГУ, вып. 5, М., 1947, стр. 75.

³ И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, стр. 80, рис. 3 и 4.

Они напоминают архаические скифские костяные наконечники. Стрелы носились в колчанах у левого бедра воина (погр. № 27). Имеется случай, когда умершему воину вместо целого меча положили в могилу лишь часть его —

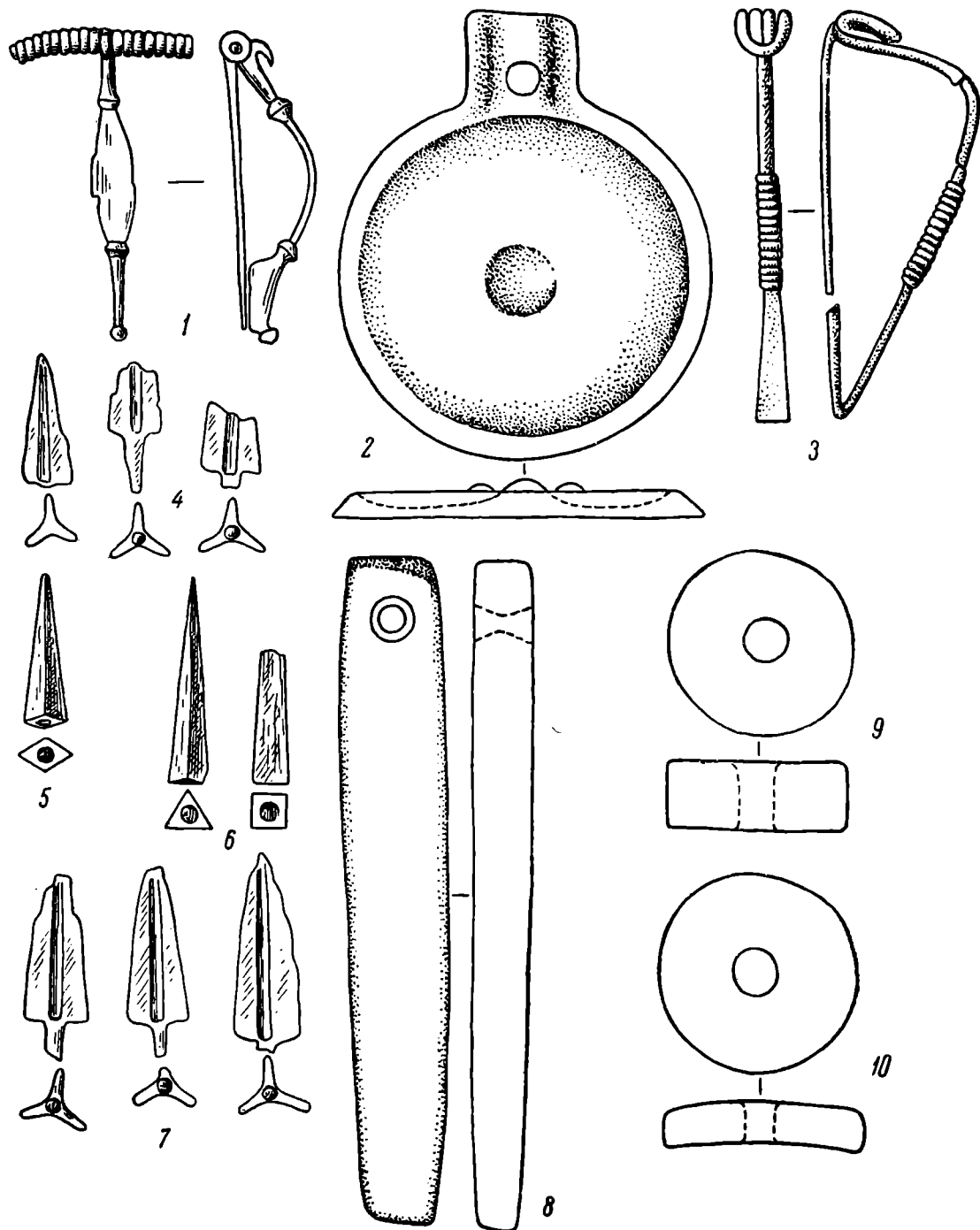

Рис. 34. Вещи из погребений Таркинского могильника № 1

1 — бронзовая фибула из погр. № 23; 2 — бронзовое зеркальце из погр. № 23; 3 — бронзовая фибула из погр. № 25; 4 — железные наконечники стрел из погр. № 23; 5 — костяной наконечник стрелы из погр. 23; 6 — костяные наконечники стрел из погр. 3; 7 — железные наконечники стрел из погр. № 27; 8 — оселок из погр. № 30; 9 — алебастровое пряслице из погр. № 29; 10 — глиняное пряслице из погр. № 29 (3/4 нат. вел.)

по обычаю, известному у сарматов Поволжья (погр. № 27). Оружие встречается иногда в женских погребениях (наконечники стрел в погр. № 23), как и в Поволжье.

Общесарматскими являются и женские украшения: золотое височное колечко в 1.5 оборота, бусы, зеркальца, фибулы, алебастровые и глиняные

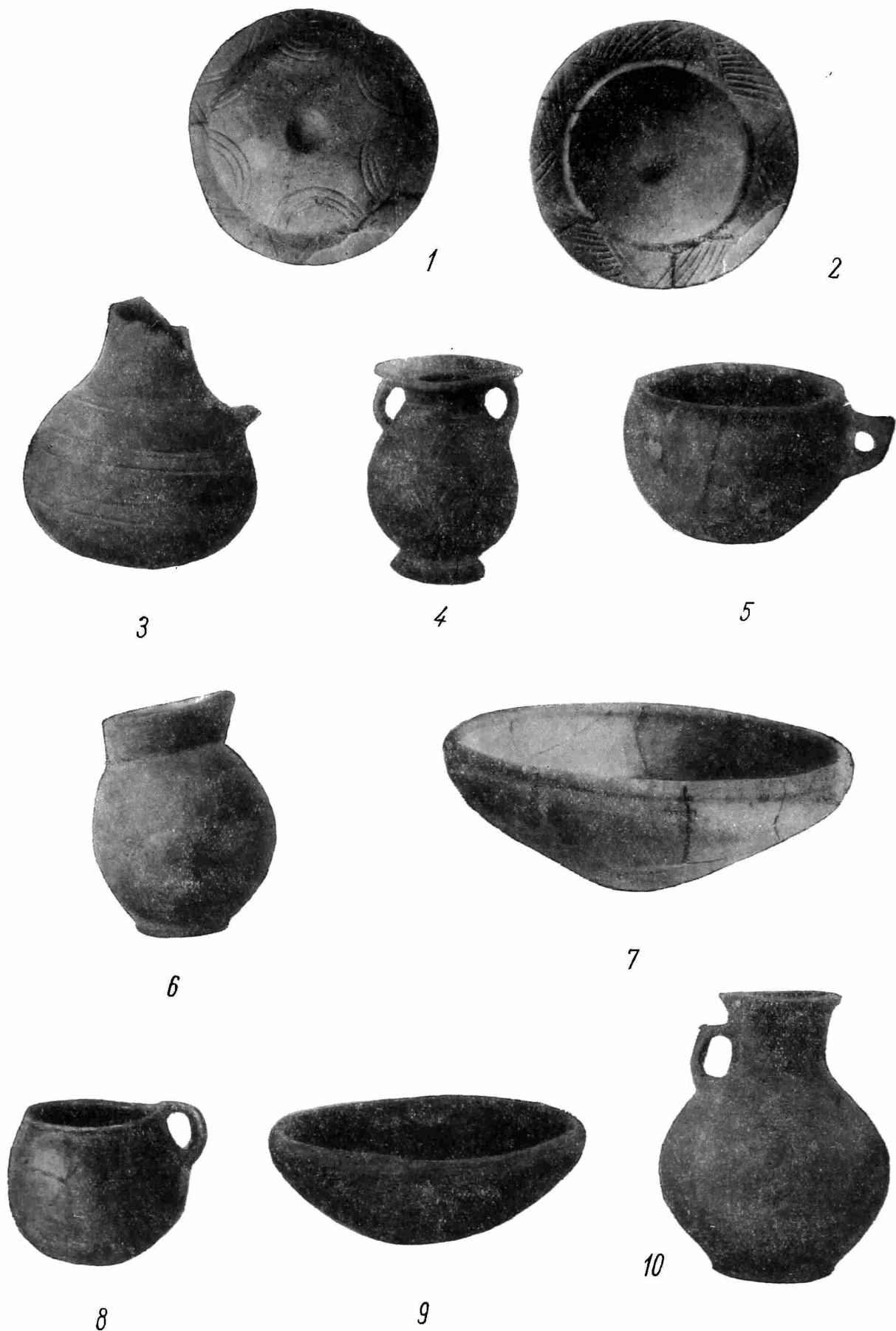

Рис. 35. Глиняные сосуды из погребений Таркинского могильника № 1

1, 2 — ритуальная мисочка из погр. № 23; 3 — кувшин из погр. № 28; 4 — кувшинчик из погр. № 30
 5 — глубокая миска из погр. № 17; 6 — горшочек с носиком из погр. № 25; 7 — миска серой глины
 из погр. № 19; 8 — горшочек с ручкой из погр. № 18; 9 — миска из погр. № 24; 10 — кувшин из погр. № 24;
 (1, 2 — $1\frac{1}{4}$ нат. вел.; 4, 5, 8 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.; 3, 6, 7, 9, 10 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

пряслица. Набор стеклянных бус, крупные халцедоновые бусы, арбалетные фибулы, найденные в Таркинском могильнике, характерны и для инвентарей сарматских погребений с деформированными черепами II — нач. III в. в районе Астраханщины (группа курганов в урочище «Три брата»⁴ и у с. Абганеры⁵). Очевидно, стеклянные и каменные бусы попадали в Дагестан и в Поволжье с юга из одних и тех же центров через Каспийские (Дербентские) ворота.

Интересна керамика. Разнообразные по форме кувшины, миски, горшки, сделанные главным образом от руки, но тщательной формовки и лощения, свидетельствуют о расцвете местного гончарного производства (рис. 35). Среди обычной посуды из темносерой и светлорыжевой глины с примесью шамота, песка и белых известковых частиц выделяются кувшины и ребристые миски, вылепленные из тонко отмученной оранжево-красной глины, прекрасного обжига, с красным ангобом.

По фактуре, качеству глины и особенно по форме и орнаменту, большинство сосудов (рис. 35—5, 7, 8, 9, 10) находят себе ближайшие аналогии в сарматской керамике Поволжья и Южного Приуралья.⁶ В обоих районах в первые века нашей эры широко распространяются кувшины и кубки со стилизованными зооморфными ручками, миски ребристые и с загнутыми внутрь краями.

С другой стороны, все особенности формы и орнамента таркинской керамики, которые отличают ее от степной сарматской, имеют местные кавказские и закавказские корни.

Так, например, изящные ритуальные мисочки с богатым штампованным орнаментом по широкому бортику и бокам (рис. 35—1—2)⁷ являются глиняными репликами ахеменидской металлической посуды, распространившейся на Кавказе с середины I тысячелетия до нашей эры⁸ и попавшей даже в Южное Приуралье.⁹ По форме и орнаменту в виде заштрихованных треугольников они близки также к глиняным сарматским курильницам I в. н. э. из Прикубанья (например, находка у Хатажукаевского аула, в коллекции ГИМ). Много общих черт имеет керамика Таркинского могильника с керамикой ялойлу-тапинской культуры I в. до н. э.—I в. н. э., распространенной в Алазанской долине (Грузия) и в Мильской и Муганской степях Азербайджана,¹⁰ а также с керамикой кувшинных погребений Мингечаура этого же времени. Здесь также распространена лощеная посуда темной и красной глины, разнообразные формы кувшинов с маленькими кольцевидными, зооморфными стилизованными и витыми ручками. Налепы-выступы на красноглиняной ангобированной посуде Таркинского могильника характерны и для ялойлу-тапинской керамики.¹¹

⁴ П. С. Рыков. Археол. раскопки курганов в урочище «Три брата». СА, № I, 1936

⁵ Е го же. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР. Изв. Н.-Волжского ин-та краеведения, т. IV, Саратов, 1931.

⁶ Аналогии эти наблюдаются прежде всего в Астраханской группе сосудов I в. до н. э.—II в. н. э.

⁷ См. рис. 86 к ст. Е. И. Крупнова «Археологические работы на Северном Кавказе в 1947 г.» КСИИМК, вып. 27, стр. 19.

⁸ Б. А. Куфтин. Археол. раскопки в Триалети, 1944, стр. 36, табл. VII, VIII; Материалы по археол. Кавказа, вып. VIII, 1900, стр. 140, рис. 119 (сосуд из Казбского клада).

⁹ Серебряные сосуды из первого Прохоровского кургана. МАР, вып. 37, таб. I.

¹⁰ Д. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-Тапа (Нухинский уезд, 1926). Материалы Азгосмузея, вып. 1, Баку, 1927; А. А. Иессен. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье. Сб. аспирантов Академии материальной культуры, вып. 1, 1929; Г. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940; Я. И. Гуммель. Археол. очерки. Баку, 1940; Т. С. Пассек. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2.

¹¹ Г. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине, стр. 42, рис. 44; стр. 52, рис. 46; А. С. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, стр. 16, рис. 70, 71; А. А. Иессен. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье.

Широкодонный узкогорлый кувшин из погр. № 28 (рис. 35—3), изящный кувшинчик с широким овальным венчиком и двумя ручками из погреб. № 30 (рис. 35—4) близки по форме сосудам из Муганской и Алазанской долин.¹² Такой характерный морфологический признак ялойлу-тапинских сосудов, как длинный вытянутый вверх носик, встречается и на таркинской керамике (рис. 35—6).

Кувшин серого лощения с высоким цилиндрическим горлом и стилизованной ручкой из погр. № 17 имеет по плечикам налетной орнамент в виде спускающихся вниз змей. Изображения змей на вещах Сев. Кавказа известны с глубокой древности. Они украшают металлические литые изделия (топоры, булавки, медальоны) эпохи бронзы,¹³ глиняные сосуды из Нестеровского поселения скифского времени.¹⁴ Очевидно, изображение змей мы имеем и в извилистых налечах на фрагментах каякентско-хорочоевской керамики, найденной нами среди разрушенных погребений Таркинского могильника. Культ змей был широко распространен у древних народов Кавказа.

Все своеобразие Таркинского могильника, сарматского по культуре, состоит в том, что он находится в той части Сев. Кавказа, где происходило взаимодействие двух мощных и самостоятельных древних культур юга нашей страны — сарматской и албанской.

Культура приморской части Дагестана первых веков нашей эры, представленная в Таркинском могильнике, возникла в результате синтеза древних местных, закавказских и северокаспийских сарматских элементов, с преобладанием последних. Наличие в обряде и материальной культуре древних местных черт свидетельствует о том, что здесь могильник не пришлого, а в основе своей местного населения, подвергшегося сильной сарматизации с севера.

Тесные общения древнего населения района Махач-Калы с Албанским государством очевидны. На основании исследования С. В. Юшкова о северных границах древней кавказской Албании¹⁵ можно предполагать, что сарматизированные северные районы Дагестана входили в состав Албанского государства или были, по крайней мере, сферой его политического воздействия.

Исключительная близость этого населения по погребальному обряду и материальной культуре с аорскими племенами Сев. Прикаспия дает право предположить и этническое родство между ними. Очевидно, это было смешанное население из древних аборигенов и пришлых с севера аорских племен. Не имеем ли мы в древних насельниках Тарков утидорсов или, может быть, абзоев Плиния (NH VI, § 36), живших в восточных приморских районах Предкавказья?

Археологические исследования Таркинского могильника, этого интересного памятника сарматской культуры восточной части Сев. Кавказа, будут продолжены наряду с поисками и исследованием предполагаемых в этом районе одновременных поселений.

Кроме раскопок Таркинского могильника, в районе Тарков экспедиция исследовала каменную гробницу каякентско-хорочоевской культуры, обнаруженную студентом Махач-Калинского пединститута В. Марковым. На пути из Махач-Калы в Тарки, у с. Кяхулай, был осмотрен большой

¹² А. А. Иессен. Указ. соч.; Д. Шарифов. Указ. соч.; Т. С. Пассек. Указ. соч.; ВДИ, 1946, № 2, стр. 172, рис. 4; стр. 169, рис. 14.

¹³ Материалы по археол. Кабардино-Балкарии. МИА СССР, № 3, М.—Л., 1941.

¹⁴ Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Сев. Кавказе. КСИИМК, вып. 24, стр. 31, рис. 2.

¹⁵ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. Историч. записки АН СССР, т. I, М., 1937, стр. 129 и след.

полуразрушенный земляными работами курган с двумя каменными панцирями внутри земляной насыпи. Судя по находкам разрушенного погребения в поле этого кургана, он относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до нашей эры). Экспедиция произвела предварительный осмотр огромного могильника каякентско-хорочоевской культуры у с. Уч-Авлах Каякентского р-на (в 5 км от ст. Инчке, в приморской равнинной части Дагестана), открытого М. И. Исаковым. В Буйнакском р-не, у с. Агач-Кала, экспедиция исследовала памятник алаано-хазарской культуры (VI—IX вв.) — большой каменный склеп, представляющий богатую семейно-родовую усыпальницу.

В Краснодарском крае экспедиция производила раскопки двух могильников (№ 1 и 3) у станицы Пашковской. Оба памятника дают весьма важный материал для вопроса происхождения и развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья.

Раскопки 1947 г. древнемеотского Пашковского могильника № 3¹⁶ дали возможность наметить наиболее древний участок могильника. Таким явился район раскопа Б в западной части могильника, где нами были вскрыты погребения V—IV вв. до н. э. (погр. № 3 и 4),¹⁷ а в 28 м на СЗ от раскопа Б М. В. Покровский и Н. В. Анфимов доследовали в 1946 г. погр. № 2 эпохи бронзы (вторая половина II тысячелетия до нашей эры).¹⁸ В 1948 г. все работы были сосредоточены на раскопе Б. Здесь обнаружено 18 древних погребений. По погребальному обряду они разбиваются на четыре группы: 1) скорченные (№ 11, 15—19), 2) вытянутые с южной и юго-восточной ориентировкой (№ 1, 2, 4, 6, 8, 10, 13 ?, 14), 3) вытянутые с западной ориентировкой (№ 5, 7, 12) и 4) вытянутое погребение с северной ориентировкой (№ 3).

Группа скорченных погребений весьма однообразна по своему погребальному обряду. Покойников хоронили на правом или левом боку, головой на С, СВ и В. Руки согнуты в локтях, кисти находятся под подбородком. Инвентарь очень беден — обычно один сосуд перед лицом или в руке погребенного. В погр. № 11 найден кусочек реальгара и галька (в ногах).

Положение погребений № 16—19 рядом с погребением эпохи бронзы (погр. № 2 1946 г.) ставит вопрос — не связаны ли они друг с другом? Однако они отличаются почти диаметрально противоположной ориентировкой погребенных, а также и по керамике.

Целые сосуды из погр. № 11 (рис. 36—2) и № 17 (рис. 36—1) и фрагменты из погр. № 18 и 19 сделаны от руки из грубо промешанной глины с примесью шамота того же цвета; их обжиг неровный — в изломе черепок имеет темносерый цвет; сглаженная поверхность серого или розоватого цвета. Для сосудика баночной формы из погр. № 17 (рис. 36—1) находятся аналогии среди керамики эпохи бронзы, в частности срубной культуры. Однако М. И. Артамонов мне любезно указал, что подобной формы сосуды были найдены им в погребениях раннескифского времени на Маныче. Аналогичный сосудик в одном из таврских каменных ящиков Крыма датируется по рукоятке кинжала и скифским бронзовым стрелам не позже V в. до н. э.¹⁹ Другие формы сосудов из этой группы погребений, как кувшинчик с массивной овальной в сечении ручкой (сохранились лишь фрагменты), миска с загнутым внутрь краем (рис. 36—2), также не встречаются на Сев. Кавказе ранее скифского времени.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. 26, 1949.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

¹⁸ Отчет М. В. Покровского об археол. работах на Кубани в 1946 г. Архив ИИМК.

¹⁹ ИАК, вып. 30, стр. 144, рис. 20.

Рис. 36. Керамика из Пашковского могильника № 3

1 — горшочек из погр. № 17; 2 — мисочка из погр. № 11; 3 — миска из погр. № 4; 4 — корчага из погр. № 4; 5 — блоковидный кувшин из погр. № 4; 6, 7 — кувшинчики из погр. № 4; 8 — кувшинчик из погр. № 2; 9 — кувшинчик из погр. № 7; 10 — фавосская амфора из погр. № 1; 11 — миска из погр. № 1; 12 — мисочка из погр. № 10; 13 — кувшин из погр. № 1; 14 — кувшин из погр. № 4 (1-3, 5-9 и 11-14 — $\frac{1}{8}$ нат. вел.; 10 — $\frac{1}{8}$ нат. вел.)

Такие черты обряда, как положение в могилу реальгара и гальки (в ногах), известны в погребениях VI—V вв. до н. э. Усть-Лабинского могильника № 2.

В целом, группа скорченных погребений Пашковского могильника № 3 раскопок 1948 г. может быть датирована VII—V вв. до н. э.

Основная группа меотских погребений раскопок 1948 г. тождественна по обряду и инвентарю погребениям, исследованным мною в 1947 г. и М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым в предшествующие годы. Она датирована мною V—III в. до н. э.²⁰

Покойника клали вытянуто на спине, головой на Ю или ЮВ. Под голову покойника, в качестве «подушки», ставили вверх дном лепную глубокую миску. В ногах, по древнему обычаю, клали гальку. Положение остального погребального инвентаря строго выдержано: оружие (копья, мечи, стрелы) всегда лежит слева от покойника; небольшие сосуды (миски, кувшины и кувшинчики с жертвенной пищей) — справа; в ногах ставились большие корчаги, кувшины и амфоры. Среди остатков жертвенной пищи встречаются кости овцы (или козы), свиньи и коровы.

По различиям в инвентарях эта группа погребений разбивается на две хронологические подгруппы: 1) группа конца V—IV вв. до н. э. (№ 2, 6, 8, 13), в которой встречается лишь лепная керамика местных архаических форм; 2) группа второй половины IV—III вв. до н. э. (№ 1, 4, 10, 14), в которой появляется керамика новых форм, сделанная на гончарном круге; группа датируется раннеэллинистическими амфорами (рис. 36—10).

Формы лепной керамики в обеих группах почти одинаковы: глубокие миски с загнутым внутрь бортиком (характерны главным образом для ранней группы) или с острым ребром (рис. 36—3), большие корчаги с раздутыми боками, узким горлом и отогнутым венчиком (рис. 36—4), горшки плоскодонные с грушевидным туловом, суженным горлом и слабо отогнутым венчиком, блоковидные кувшины (рис. 36—5) и кувшинчики (рис. 36—6, 7, 8). Тесто сосудов грубо помешано, имеет примесь шамота и песка; черепок в изломе черного цвета. Поверхность большинства сосудов более ранней группы покрыта ровным черным лощением. Позже это лощение приходит в упадок: лощеная поверхность сосудов (особенно крупных) приобретает желтовато-серый цвет с неровными темными пятнами.

Горшки в обеих подгруппах не имеют лощения; их поверхность желтовато-серого цвета, лишь сглажена. Некоторые мелкие сосудики имеют розовато-серую поверхность, их обжиг неравномерный (рис. 36—8). В погр. № 6 найдена мисочка на конической полый ножке, с загнутым внутрь бортиком. Близкая по форме мисочка, очевидно, ритуального характера, происходит из погр. № 4 1947 г. Обе мисочки найдены в погребениях ранней подгруппы (с лепной керамикой).

Корчаги (рис. 36—4), блоковидные кувшины (рис. 36—5) и кувшинчики (рис. 36—6, 7, 8), т. е. чернолощенная керамика архаических северокавказских форм, чрезвычайно близка к керамике Моздокского могильника.²¹

Все гончарные сосуды сделаны из местной голубовато-серой глины прекрасной отмучки. Это — миски (рис. 36—11) и мисочки (рис. 36—12) на кольцевидном поддоне, различные формы кувшинов (рис. 36—13, 14), которые представляют реплики городской посуды Боспорского царства. Так, например, кувшин из погр. № 4 (рис. 36—14) по форме тулова напоминает боспорские расписные пелики. В целом, как по глине, так и по формам, гончарная посуда Пашковского могильника ближе всего к посуде Елизаветинского городища и могильника. Подобные формы сосудов

²⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

²¹ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940, табл. III, X, XI, XIII.

найлены в погребениях второй половины IV и III вв. до н. э. Елизаветинского могильника. Этому же времени соответствует и фазосская амфора из погр. № 1 (рис. 36—10).

С предшествующей группой скорченных погребений местную группу связывают не только керамика (миски с загнутыми внутрь краями, кувшинчики с массивной ручкой, характер обжига мелких сосудов), но и пержитки обряда скорченности (погр. № 6, где покойник лежал с подогнутыми ногами).

Железное оружие в составе погребального инвентаря появляется в этой меотской группе. Все мужские погребения сопровождаются оружием, свидетельствующим о воинственности населения. Рядовой воин V—IV вв. до н. э.— прежде всего пеший копейщик. Копья (1—4) обязательно сопровождают мужское погребение (рис. 37—13). В погребениях с лепной керамикой преобладают копья небольшие (вероятно, метательные дротики) с широким коротким пером (рис. 37—11, 13). Длинные наконечники с узким ланцетовидным пером (рис. 37—9, 10) более характерны для погребений с гончарной керамикой (вторая половина IV—III вв. до н. э.). В погр. № 3 найден короткий меч (длина 58 см) с прямым брусковидным навершием и без перекрестья. Подобный меч был найден и в погр. № 1 1947 г.²² Этот тип меча может быть назван меотским. Он найден в ряде курганных и грунтовых погребений IV—III вв. до н. э. на средней Кубани (Елизаветинские курганы и грунтовый могильник, курган у ст. Курджипской, курганы у ст. Воронежской).

В погр. № 8 и 13 найдены железные втульчатые наконечники стрел (рис. 37—8). Все они небольших размеров, с короткой головкой, чем и отличаются от кубанских стрел III—II вв. до н. э. Последние крупнее и более вытянутых пропорций.

Впервые в 1948 г. на Пашковском могильнике был найден череп коня с железными удилами. Находка удила в меотских грунтовых могильниках Прикубанья — явление редкое. Они связаны с погребениями конных воинов, основной контингент которых, очевидно, состоял из племенной аристократии, о чем свидетельствуют находки в богатых курганах Прикубанья VI—III вв. до н. э. Удила из погр. № 14 Пашковского могильника имеют у основания колец крестовины с острыми шипами и стержневидные псалии с двумя отверстиями. Подобные удила хорошо известны из скифских «царских» погребений Приднепровья IV в. до н. э. (курган Чертомлык, Козел) и из кубанских курганов того же времени (группа курганов у ст. Воронежской).²³

Среди украшений, как и в 1947 г., найдены бусы синего прозрачного стекла, бронзовые браслеты и височное кольцо.

Бусы трех типов (рис. 37—6): а) мелкие кольцевидные, б) мелкие биконические и в) зонные глазчатые, с белыми ободками. Последние образуют целый браслет. Точно такие же бусы, образующие браслет, были найдены в погр. № 4 1947 г.

Височное овальное кольцо, согнутое в 1.5 оборота, из массивной бронзовой проволоки (рис. 37—7) представляет третью находку подобных вещей в Пашковском могильнике. Тип кольца местный, северокавказский, ведущий свое происхождение из пластинчатых желобчатых колец начала I тысячелетия до нашей эры (встречаются в памятниках каякентско-хорочевской культуры Дагестана и кобанской культуры центральных районов Сев. Кавказа).

Браслеты двух типов: а) браслеты с находящими друг на друга концами, согнутые из массивного бронзового стержня, круглого в сечении; на

²² К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

²³ ОАК за 1903 г., стр. 75, рис. 152, 153.

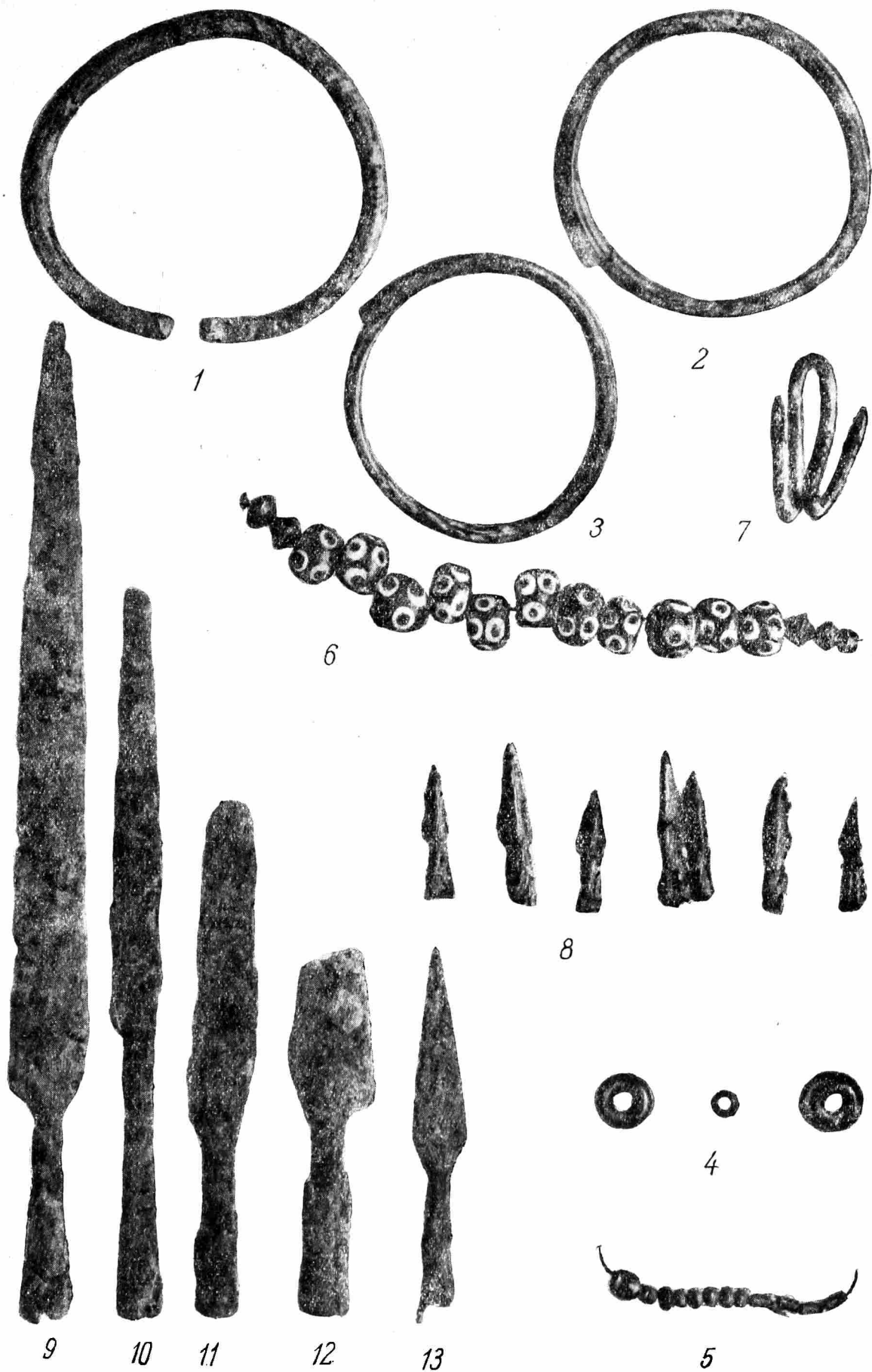

Рис. 37. Вещи из Пашковского могильника № 3

1 — бронзовый браслет из погр. № 1; 2, 3 — бронзовые браслеты из погр. № 4; 4 — стеклянные бусы из погр. № 5; 5 — стеклянные бусы из погр. № 3; 6 — стеклянные бусы из погр. № 6; 7 — бронзовое височное кольцо из погр. № 6; 8 — железные наконечники стрел из погр. № 8; 9 — железный наконечник копья из погр. № 4; 10, 12, 13 — железные наконечники копий из погр. № 8; 11 — железный наконечник копья из погр. № 2 (1—5— $\frac{3}{8}$ нат. вел.; 9—13— $\frac{1}{8}$ нат. вел.)

концах нанесен орнамент нарезкой (рис. 37—2, 3); 6) браслеты массивные, с незамкнутыми концами, покрытыми резным орнаментом (рис. 37—1). По форме браслеты близки к таврским.²⁴ Первый тип найден в женских, второй — в мужских погребениях.

Особую группу, ранее не известную в Пашковском могильнике, составляют погр. № 5, 7 и 12, где костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад, иногда с отклонением к северу. Погребения сопровождаются лишь небольшими лепными сосудиками (кувшинчики, миски?). По глине они не отличаются от лепной керамики основной меотской группы V—III вв. до н. э. Кувшинчик из погр. № 7 (рис. 36—9) напоминает сосуды из позднекобанских погребений, а также кувшинчик из раннескифского погребения в могильнике Закуты у с. Советского (б. Кашка-тау) Кабардинской АССР, раскопок Е. И. Крупнова 1948 г.

Кроме керамики, только в погр. № 5 были найдены три бусины из прозрачного синего стекла (рис. 37—4), известные также в двух погребениях меотской группы с лепной керамикой (погр. № 4 1947 г. и погр. № 6 1948 г.). Следовательно, хронологически эти погребения близки к ранней подгруппе вытянутых погребений с южной и юго-восточной ориентировкой костяков и, вероятно, относятся к V—IV вв. до н. э. Они принадлежат, очевидно, другой этнической или социальной группе населения, жившей в составе основной массы меотского населения.

Впервые в 1948 г. на Пашковском могильнике № 3 было обнаружено погребение, не составляющее единой хронологической цепи с предшествующими группами. Это погребение женщины с искусственно деформированным черепом (погр. № 3). находка в могиле мелких стеклянных (с внутренней позолотой) и пастовых бус (рис. 36—5) позволяет датировать это погребение II—IV вв. н. э.

Покойница лежала вытянуто на спине, головой на север. Ее череп прекрасной сохранности. По предварительным заключениям М. М. Герасимова, он близок к памиро-ферганскому типу, т. е. тому антропологическому типу, который характерен для сарматов Южного Приуралья и отчасти Нижнего Поволжья (район Сталинграда и дельты Волги).

Очевидно, мы имеем дело с проникновением на Кубань какой-то группы сарматского населения из степных северокаспийских районов, где со II—III вв. н. э. распространяются погребения в узких ямах и подбоях, с северной ориентировкой покойников, имеющих деформированные черепа. На Кубани нам известны всего два пункта грунтовых погребений с искусственной деформацией головы погребенных — наша находка и несколько погребений у ст. Ново-Лабинской, вскрытых Н. В. Анфимовым в 1947 г.

Итак, наши раскопки 1948 г. на Пашковском могильнике № 3 дали следующие основные результаты.

- 1) Удалось окончательно установить древнейший участок могильника.
- 2) Оседлое меотское население непрерывно существовало в этом районе средней Кубани с раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) и, по крайней мере, по III в. до н. э.
- 3) По своей материальной культуре эта группа меотского населения (вероятно, отдельного его племени) родственна другой группе (племени), оставившей Елизаветинский могильник (на запад от ст. Пашковской), а также оседлому населению центральных районов Сев. Кавказа.
- 4) Обнаружена новая группа погребений с западной ориентировкой. Ее отношение к одновременной основной группе меотского населения остается невыясненным.
- 5) Установлен новый пункт пребывания на среднем Прикубанье в первые века нашей эры населения с искусственно деформированными головами, вероятно сарматского, северокаспийского происхождения.

²⁴ ИАК, вып. 30, стр. 149, рис. 29, № 13, 15, 16.

Заключительным этапом работ Кубанской экспедиции 1948 г. были пятидневные раскопки Пашковского могильника № 1, находящегося на территории кирпичного завода.²⁵ С 1936 г., когда здесь производил раскопки Н. В. Анфимов,²⁶ систематических исследований этого памятника не производилось. Нами было вскрыто 15 погребений единой культуры, составляющей связующее звено между сарматской культурой первых веков нашей эры Прикубанья и Нижнего Поволжья, с одной стороны, и аланской культурой VI—IX вв. Сев. Кавказа и Подонья — с другой. По своему происхождению эта культура может быть названа позднесарматской, так как основные типы погребального инвентаря произошли от сарматских форм, особенно керамика — кувшины с низким эллипсоидным или грушевидным туловом, с цилиндрическим высоким горлом, стилизованные зооморфные ручки сосудов. Сарматским ритуалом является и обряд разбивать зеркальце, обломки которого клались в могилу.

Вскрытые погребения датируются не ранее IV в. и не позже VI в. н. э. Их инвентарь, повторяющий инвентарь погребений, ранее вскрытых М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым, как уже было отмечено этими исследователями, близок к инвентарю ранней группы крымских и черноморских могильников V—VIII вв., особенно могильников Суук-Су, Агойского аула близ Туапсе и Борисовского могильника близ Геленджика.

Следует отметить общие черты Пашковского могильника с поздней группой приднепровских полей погребений (черняховского типа): в обряде — положение в могилу миски с сосудиком внутри ее; в инвентаре — ребристые миски, аналогичные по форме черняховским, близкие типы фибул, пряжек, наборы стеклянных, каменных и янтарных бус.

Отмеченные общие черты Пашковского могильника № 1 с близкими по времени могильниками Крыма и Приднепровья свидетельствуют об укреплении в V в. связей населения Прикубанья, сарматского по своему происхождению, с населением Крыма и Среднего Приднепровья.

---

²⁵ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, № I; М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья. СА, № IV.

²⁶ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., Л. 1938, стр. 215.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ и А. Х. МАРГУЛАН

ПЛИТОЧНЫЕ ОГРАДЫ МОГИЛЬНИКА БЕГАЗЫ

Бегазинский могильник Центр. Казахстана до сих пор не был известен археологам. Расположен он на землях колхоза «Имени 5 декабря» Коунрадского р-на Карагандинской обл., по правому берегу рч. Бегазы, в горах одноименного названия. Среди разновременных погребальных сооружений могильника наибольший научный интерес представляют плиточные ограды, которым посвящена настоящая работа.

Памятники эти малоизвестны в литературе, хотя первые упоминания о них появились довольно рано. Еще хорунжий Потанин, сопровождавший русское посольство в Ташкент, проезжал в 1829 г. через горы Бегазы и «над ключом Бегазы-Булак» отметил в своих записках «четыреугольные плиты, вдавшиеся в землю боками своими и стоящие косвенно». ¹ Гораздо позднее о них сообщал в своей сводной работе «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» И. А. Кастанье: «В Токраунской волости, у подошвы гор Бегазы есть 4 замечательные могилы, кругом которых установлены каменные столбы, числом у каждой могилы 18 и более (см. табл. IX, рис. 25); столбы вышиною от 1½ до 2 аршин». ² Так как Кастанье заимствовал свои сведения у В. Никитина, который, в свою очередь, собирал показания у аульных и волостных старшин, то приведенные данные и рисунок Кастанье неточны.

Бегазинский могильник найден Центрально-казахстанской архитектурно-археологической экспедицией в 1946 г. В 1947 г. была раскопана малая плиточная ограда № 4. ³ В 1948 г. экспедиция продолжила работы на Бегазинском могильнике: были раскопаны большая плиточная ограда № 2 и малая плиточная ограда № 3. ⁴

Совершенно тождественные по устройству плиточные ограды различаются по величине. Бегазинский могильник имеет две большие ограды (№ 1 и 2) и пять малых (№ 3—7). Чтобы можно было ясно представить устройство этих погребальных сооружений, приводим краткое описание двух из них, раскопанных в 1948 г.

Плиточная ограда № 2 (большая) — одно из наиболее грандиозных сооружений могильника Бегазы. Это погребальное сооружение представляет собой квадрат 9.4 × 9.4 м, составленный из больших плит серого гранита, установленных вертикально, вплотную друг к другу (рис. 38—1).

¹ Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830) с примечаниями Савельева. Вестн. Русск. геогр. об-ва за 1856 г., кн. VI, СПб., 1857, стр. 257.

² Тр. Оренб. ученой архивной комиссии, вып. XXII. Оренбург, 1910, стр. 123.

³ Раскопки производил А. Х. Маргулан.

⁴ Раскопки производил Л. Р. Кызласов

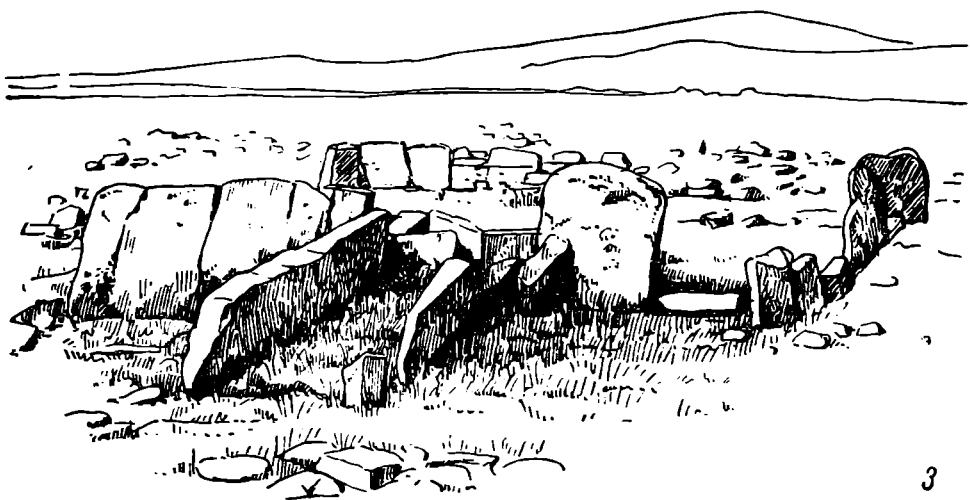

Рис. 38. Плиточные ограды Бегазы

1 — внешний вид плиточной ограды № 2; 2 — вид северо-восточного угла внутренней ограды после раскопки (плиточная ограда № 2); 3 — внешний вид плиточной ограды № 4 (малой)

Высота плит 1.8—2.4 м, при ширине 0.8—1 м. Эта квадратная ограда ориентирована сторонами строго по странам света. С восточной стороны к квадрату, в середине, примыкает «вход» из плит, врытых на ребро. Плиты «входа», понижаясь, сходят на-нет в восточном направлении. «Вход» имеет в длину 6.8 м, при ширине 3.20 м. Большие плиты, образующие квадрат ограды, несколько наклонены внутрь и подперты изнутри вкопанными у их основания обломками скалы.

Плиты ограды не везде сохранились, ибо и сейчас местное население отбивает куски их для изготовления жерновов. Описанный квадрат имеет внутри другой квадрат — оградку из вертикально установленных широких плит, возвышающихся на 30—50 см. Плиты внутренней ограды подперты изнутри вертикально врытыми каменными столбами из серого гранита, в виде четырехугольных тесаных колонок. Размеры внутренней ограды 5.5 × 5.5 м. Четыре каменных столба стоят по углам и по два — посредине сторон, главным образом в местах стыков плит стенки (рис. 39). Некоторые столбы подперты дополнительными столбиками. Всего столбов 12. Размеры их в поперечном сечении от 15 × 21 до 24 × 24 см. Столбы возвышаются над поверхностью на высоту 0.40—1.33 м. Некоторые из них оббиты до уровня засыпки. Пространство между внутренней и внешней оградой заполнено землей с крупными обломками скалы. Расстояние между ними с восточной стороны 1.3 м, с западной — 1.6 м, с южной — 1.7 м, с северной — 1.6 м. Общая высота насыпи между стенками ограды, а равно и засыпки внутренней ограды — гробницы — 1.20 м от современного уровня почвы. Яма во внутренней оградке, где находилось погребение, засыпана землей и щебнем с крупными обломками скалы. Раскопка ямы показала, что плиты стенок шли до глубины 2 м от верха насыпи, где оказалась материковый нетронутый грунт (рис. 38—2).

Плиточная ограда № 3 (малая) по устройству наземного сооружения тождественна оградке № 2, но меньшего размера. Это также квадрат из вертикально поставленных плит серого гранита, размером 5.8 × 5.8 м. Стороны квадрата правильно ориентированы по странам света (рис. 40). Высота плит 1.4—1.65 м, при ширине 0.38—1.06 м. Плиты наклонены несколько внутрь ограды и подперты изнутри плитняком. С восточной стороны две врытые плиты, поставленные на ребро с запада на восток, обозначают «вход» в это «жилище мертвых». Длина входа 2.25 м, ширина — 1.45 м. Внутри внешней плиточной ограды обозначена внутренняя оградка из поставленных на ребро плит и уложенных сверху одна на другую (стенкой) крупных плит серого гранита. Размеры внутренней ограды 3.15 × 2.50 м. Эта четырехугольная оградка вытянута с запада на восток. Расстояние между оградками засыпано землей и разбросанными плитами. С восточной стороны промежутки равен 1.15 м, с западной — 1.8 м. Внутренняя оградка засыпана землей и заложена сверху большими плитами. Общая высота насыпи над уровнем современной почвы — 80 см. Раскопка внутренней ограды показала, что плиты ее стенок дошли до материка на глубине 80 см от верха насыпи.

Приведенное описание достаточно хорошо знакомит с устройством больших и малых плиточных оград могильника Бегазы. Однако возможны и отклонения. Так, например, у другой большой плиточной ограды № 1, грабительски раскопанной местным населением около 25 лет назад, внутренняя ограда сложена не из вертикально установленных широких плит, а из плоских больших обломков плитняка, подогнанных один к другому. Кладка эта выполнена довольно аккуратно, но в настоящее время она полуразрушена.

Плиточная ограда № 4 (малая), раскопанная в 1947 г., имела точно такое же устройство, что и ограда № 3 (рис. 38—3).

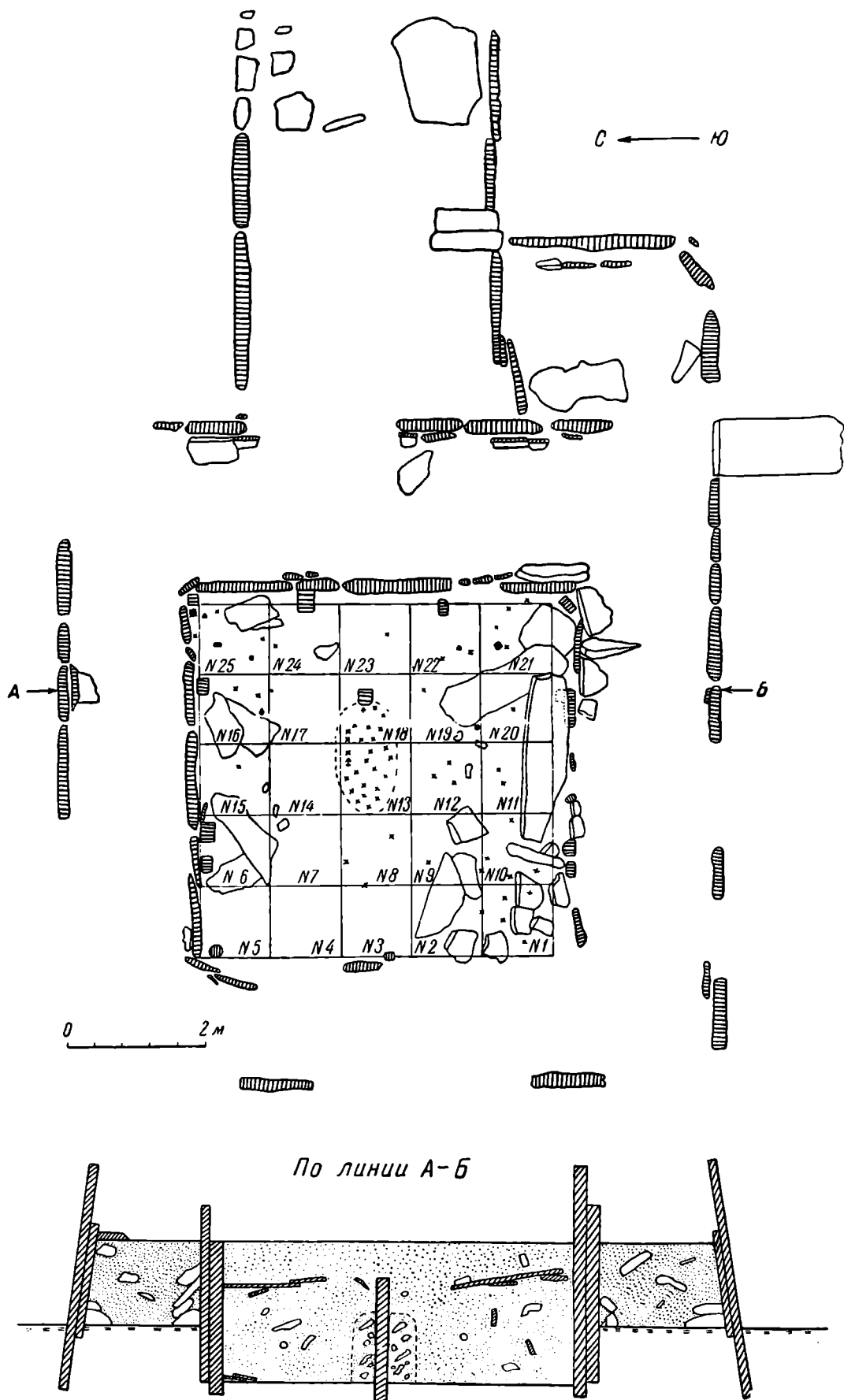

Рис. 39. План и профиль (по линии А-Б) плиточной ограды № 2

Условные обозначения: треугольник — находки фрагментов сосуда с фестонным орнаментом; четырехугольник — дно грубого черного плоскодонного сосуда; кружок — место находки костяной дурки; квадрат — место находки костяной трубочки (бусы?); ромб — место находки нижней челюсти человека; ромб, перечеркнутый крестом, — находка таза и бедра человека; крестик — кости животных; пунктир — граница черного пятна на глубине 1 м; стрелки — наконечники стрел (завал из плит на глубине 60 см)

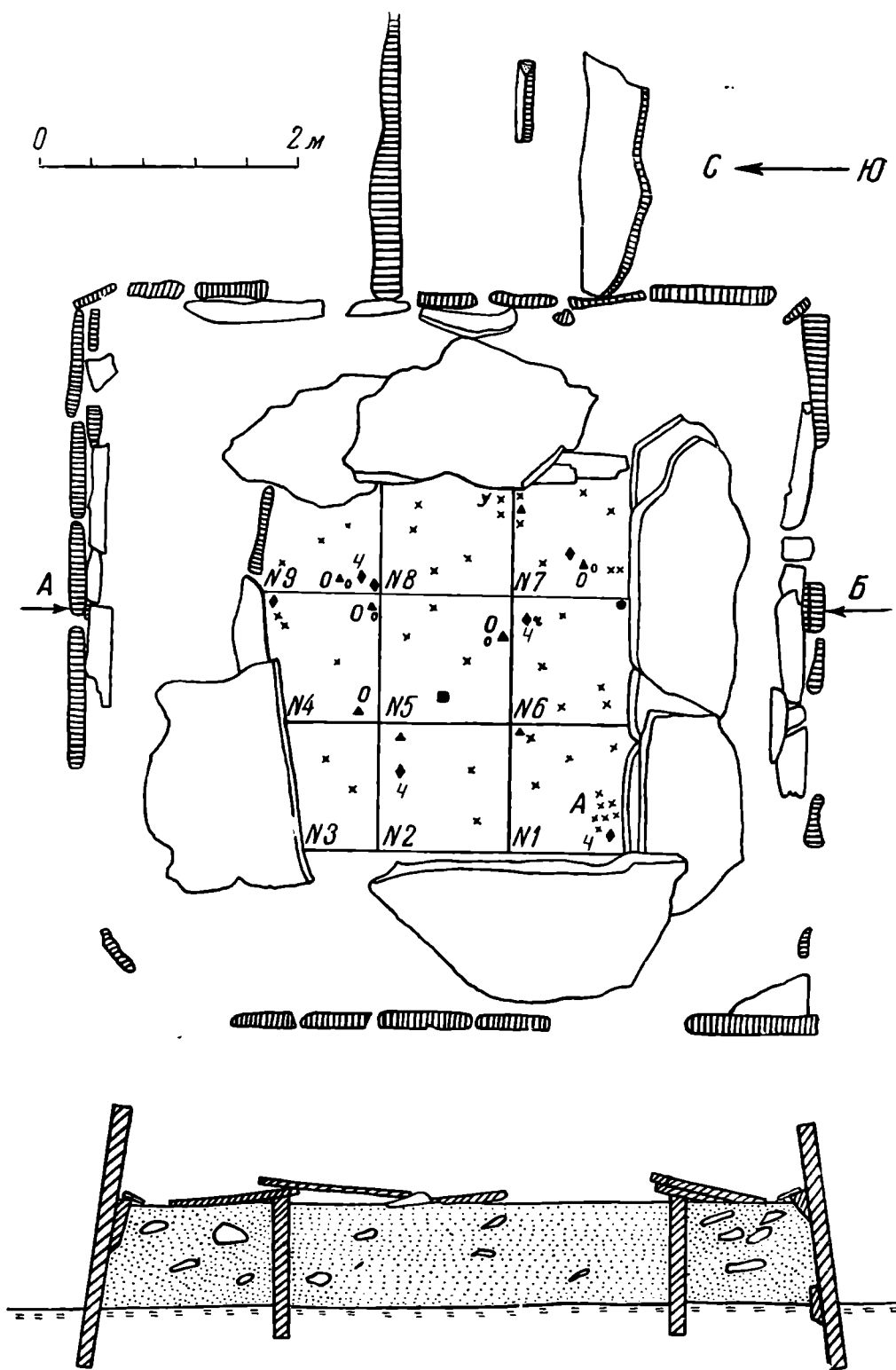

Рис. 40. План и профиль (по линии А—Б) плиточной ограды № 3

Условные обозначения: треугольник — керамика; треугольник с буквой о — фрагменты с орнаментом; крестик — кости животных; ромбик — кости человека; ромбик с буквой Ч — обломки черепа человека; кружок — круглый камень; А — скопление астрагалов; у — древесный уголь; квадрат — место находки оселка, бусы костяной, бусы яйцевидной, кусочков хрусталя

Все три ограды (№ 2, 3 и 4), раскопанные Центрально-казахстанской экспедицией, внешне казались памятниками, не затронутыми грабителями. Однако раскопки показали, что все эти могилы были очень сильно разграблены в древности. Уже первая плиточная ограда, раскопанная в 1947 г., дала во многом неожиданные результаты. Среди перемешанных с землей костей человека и животных в ней были обнаружены фрагменты сосудов с типично дындыбаевским орнаментом.⁵ Раскопки в 1948 г. двух оград принесли дополнительные данные, которые расширили и уточнили наши представления о плиточных оградах, известных в Центр. Казахстане, и позволили сделать в настоящее время некоторые предварительные выводы.

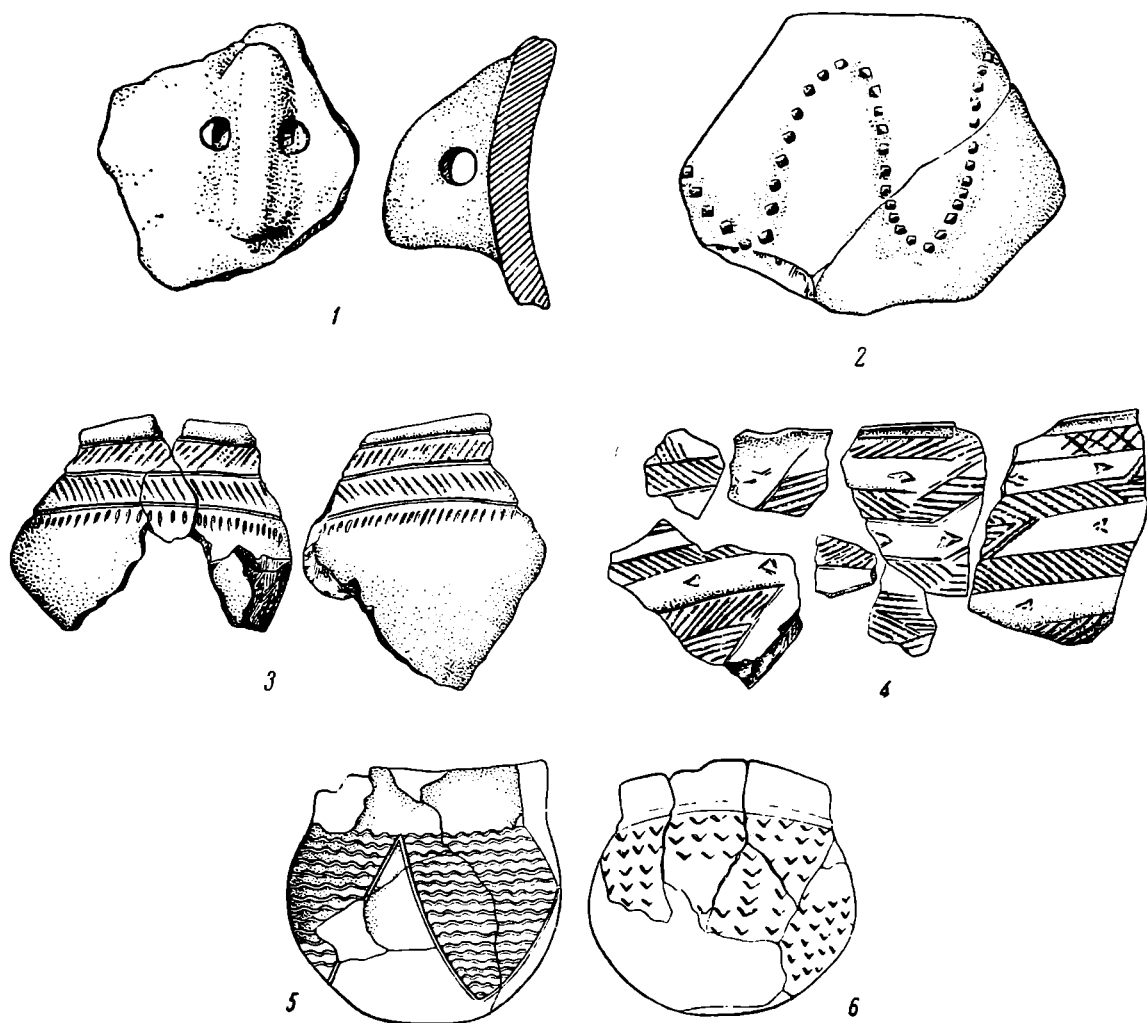

Рис. 41. Керамика плиточных оград № 2 и 3

Опишем вкратце процесс раскопок и находки, сделанные в плиточных оградах № 2 и 3.

Большая плиточная ограда № 2. Раскопка внутренней ограды велась по условной сетке с квадратами 1×1 м. На глубине 60 см от уровня верха насыпи⁶ по всей площади были встречены беспорядочно разбросанные большие плиты и отдельные их обломки (рис. 39). Между ними были хаотично разбросаны обломки костей разных животных и отдельные фрагменты керамики. Так было до глубины 1 м. Фрагменты разнообразных

⁵ Он сходен с орнаментацией сосудов, найденных в погребении № 11 у аула Дындыбай в 1932 г. См. ИГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935.

⁶ Все глубины, показываемые в дальнейшем, отмерялись от верха насыпи, принятого за ноль.

сосудов были разной толщины стенок, размера, качества теста глины и обжига. Среди них два обломка серого маленького, круглодонного сосуда и фрагмент серого сосуда с ручкой в виде выступа, с круглым отверстием для подвешивания (рис. 41—1). Фрагмент этот имеет в изломе красный цвет глины.

В кв. № 1^с на глубине 95 см найдена костяная резная трубка (рис. 42—3). В кв. № 18 на глубине 0.5 м появился каменный столб, на расстоянии 1.60 м от середины восточной стены внутренней ограды. Размеры столба в поперечном сечении 0.25×0.35 м. В кв. № 21 на глубине 1.05 м

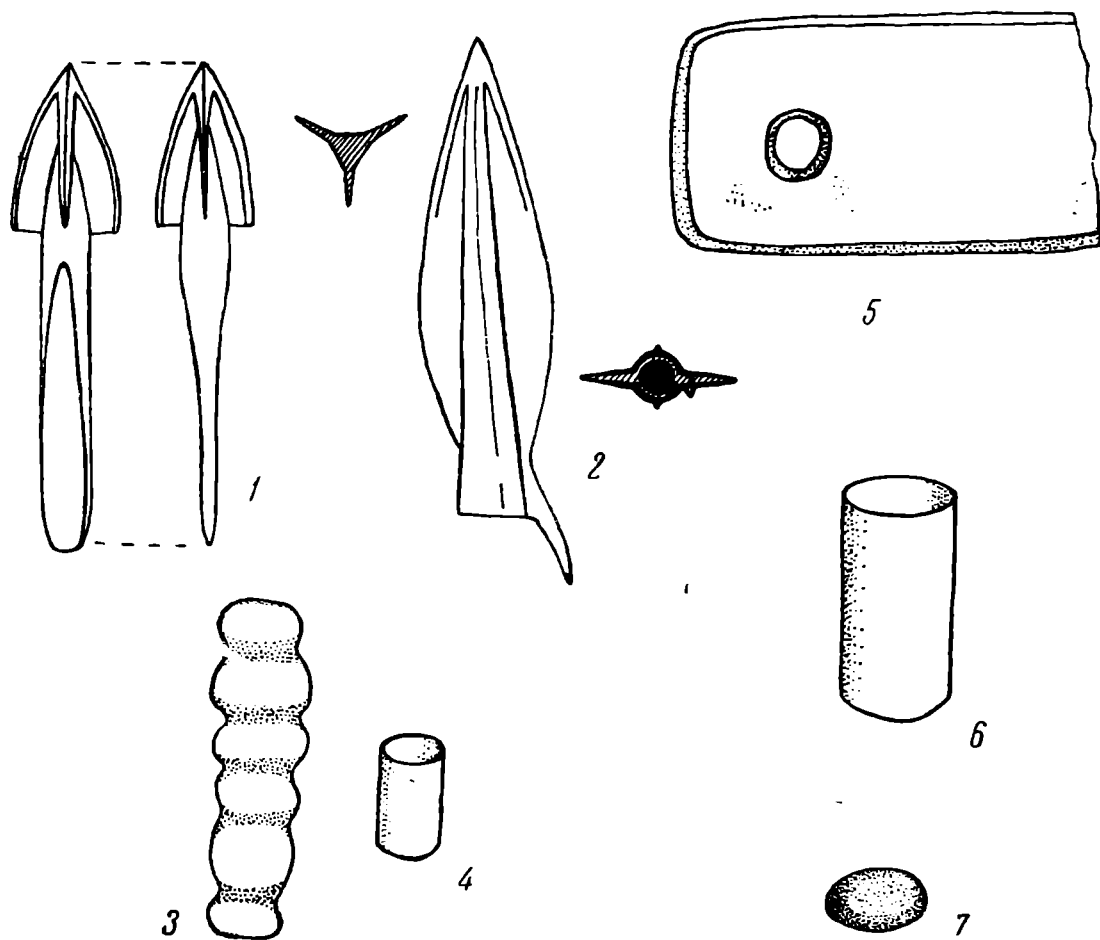

Рис. 42. Предметы из плиточных оград № 2 и 3 (нат. вел.)

1—2 — бронза; 3—4 — кость; 5 — камень; 6 — кость

обнаружена костяная трубочка (буса?), хорошо заполированная (рис. 42—4). В кв. № 25 в северо-восточном углу на глубине 1.4 м найдены два фрагмента толстостенного круглодонного сосуда с невыраженным венчиком без шейки. Сосуд украшен орнаментом из остроугольных фестонов, нанесенных четырехугольным штампом (рис. 41—2).

Обломки сосуда с таким же орнаментом были встречены на глубине 1.1 м и в кв. № 22. Здесь же, в кв. № 25, было обнаружено круглое толстое дно плоскодонного грубого черного сосуда. В кв. № 18 на глубине 1.05 м, у основания каменного столба, найдена бронзовая трехперая стрела с длинным черешком (рис. 42—1). В кв. № 16 на глубине 1.45 м встречена нижняя челюсть человека и большая лучевая кость. Других костей скелета здесь не оказалось. В кв. № 25, в северо-восточном углу, на глубине 1.75 м на двух небольших обломках плитняка обнаружены кости таза и бедренная кость человека.

В кв. № 13 и 18 и частично в № 14 и 17, на глубине 1 м появилось пятно черной земли среди общего светлого фона засыпки внутренней оградки; засыпка состоит из светлого суглинка вперемешку со щебнем. Пятно это представляло собой овал; от основания каменного столба оно имело следующие размеры; в длину (с востока на запад) — 1,5 м, в ширину (с ~~севера на юг~~) — около 1 м (рис. 39). При раскопке это пятно было оставлено для разборки «столом». После расчистки всей площади оградки до грунта, на глубине 2 м, были выявлены нижние концы каменных плит и столбов, образующих внутреннюю ограду (рис. 38—2). При этом найдены отдельные дробленые кости животных. Ниже шел нетронутый подстилающий глинистый грунт. При расчистке пятна оказалось, что оно сложено из черной гумусной земли, перемешанной с обломками скалы и булыжниками; тянулось оно еще на 1 м в глубину, доходя до грунта. Разборка «стола» позволила выявить большое количество дробленых костей животных и четыре фрагмента черной неорнаментированной керамики.

В кв. № 13 на глубине 1,8 м был найден второй бронзовый наконечник стрелы. На этот раз это был листовидный втульчатый наконечник с шипом (рис. 42—2). После зачистки по грунту всей площади внутренней оградки раскопка была прекращена. Раскопка «входа» этой плиточной ограды не дала никаких результатов.

Малая плиточная ограда № 3. Раскопка этой ограды была произведена после снятия плит с поверхности внутренней оградки (рис. 40). Под дерном, на глубине 15 см от верха насыпи, стали попадаться отдельные фрагменты черной грубой керамики, а также отдельные кости животных и обломки их. На глубине 58 см в кв. № 6 встречены кости человеческого черепа и черепки серых орнаментированных сосудов. Кости черепа были разбросаны по всей площади ограды. Они были обнаружены на глубине 60—80 см в кв. № 1, 2, 6, 9. Насколько удалось выяснить, это кости одного и того же черепа взрослого человека.

В кв. № 1 на глубине 50—80 см обнаружено большое скопление астрагалов барана, лошади и архара. Обломки орнаментированных серых сосудов (зубчатый штамп, гребенка, лопаточка) были разбросаны в кв. № 4, 5, 7, 9 (рис. 41—3—6). В кв. № 6 на глубине 55 см найден круглый заполированный камень диаметром около 4,5 см. В кв. № 5 на глубине 60 см найдены просверленный обломок оселка (рис. 42—5), черная яйцевидная буса (рис. 42—7), костяная полированная трубочка (буса ?; рис. 42—6) и камешки прозрачного горного хрусталя без следов обработки.

В кв. № 8 на глубине 58 см в виде единственного случая отмечаем находку кусочка древесного угля. По всей площади ограды при раскопке встречались разбросанные кости разных животных, зубы и отдельные обломки костей человека и фрагменты черных неорнаментированных, грубо слепленных сосудов. На глубине 80 см от верха засыпки — нетронутый глинистый слой грунта.

Такова картина раскопок плиточных оград могильника Бегазы в 1948 г. Могилы, видимо, были разграблены очень давно, возможно, вскоре после захоронения. Суммируя результаты раскопок, можно уже уверенно сказать, что население, оставившее эти могильные памятники, занималось скотоводством. Об этом свидетельствуют многочисленные кости из раскопанных нами погребений. Хотя специальное исследование остеологических материалов еще не произведено, но осмотр костей животных, проведенный в полевой обстановке, наглядно показал, что кости овцы и лошади явно преобладают над костями крупного рогатого скота и диких животных. Кости диких животных, архаров и, видимо, куланов занимают лишь небольшой процент среди остальных костей. При раскопках не было обнаружено черепов ни

диких, ни домашних животных. Зато было много трубчатых костей, ребер, позвонков, зубов, пяточных костей, фаланг, лопаток и особенно астрагалов.

Находки керамики подразделяются в основном на два вида сосудов.

1. Толстостенные плоскодонные, грубые, черные сосуды, банкообразные по форме. Слеплены они от руки из грубопромешанного дресвянистого теста; обжиг слабый. В изломе имеют черный цвет; не орнаментированы.

2. Серые, хорошо обожженные, лощенные сосуды разной величины и различной формы. Встречены небольшие круглодонные сосуды, сосуды с уплощенным дном и со слабо выраженным плоским дном. Сосуды этого вида имеют невыраженную шейку, без венчика, или же хорошо моделированное высокое горло с неотогнутым венчиком. Все они напоминают карасукскую керамику Алтая-Саянского нагорья. Большинство их орнаментировано самым различным образом (рис. 41—1—6).

Наши плиточные ограды не являются одиночными памятниками этого рода в Центр. Казахстане. Их справедливо можно отождествить с памятниками, открытыми Нуриной экспедицией ГАИМК в 1932 г. у аула Дындыбай, по р. Чурубай-Нура и у Алеп-Аула, на р. Нура. Мы имеем в виду главным образом курган № 11 у аула Дындыбай, раскопанный М. П. Грязновым. Извлеченные из него сосуды карасукообразной формы долгое время позволяли толковать эти памятники как проникновение карасукской культуры в Казахстан.

В трех раскопанных нами плиточных оградах найдены сосуды, совершенно подобные дындыбаевским по форме и с совершенно аналогичным орнаментом (рис. 41). Форма кургана № 11 в виде двух вписанных один в другой квадратов, ориентированных сторонами по странам света, точно отвечает форме наших плиточных оград.⁷ Больше того, размеры этих квадратов совпадают с размерами больших плиточных оград Бегазы (кв. № 11 Дындыбая имеет длину сторон наружного квадрата около 9 м, а внутреннего — около 6 м; плиточная ограда № 2 Бегазы соответственно — 9.4 и 5.5 м).⁸ Каменная кладка внутреннего квадрата кургана № 11 полностью соответствует отмеченной нами выше кладке в плиточной ограде № 1.

Курган № 11 Дындыбая первоначально представлял собой совершенно подобную нашим плиточную ограду, плиты которой впоследствии вместе с плитами «входа» были использованы местным населением. Это вполне подтверждается указанием автора отчета, что рядом с курганом № 11 находились развалины казахского зимника: «В непосредственной близости, с юго-восточной стороны, находятся развалины стен и перегородок с большим количеством могильного камня, в том числе с плитами крупных размеров».⁹

Эти «плиты крупных размеров», по всей вероятности, и составляли некогда плиточную ограду кургана № 11. Только пирамидальное бревенчатое сооружение в ограде кург. № 11 является, видимо, локальной его особенностью, ибо дерево, за исключением отмеченного кусочка древесного угля, совершенно не встречено в плиточных оградах Бегазы, что, впрочем, не исключает возможности выброса его древними грабителями. В кург. № 11 Дындыбая найдена костяная резная цурка с орнаментом;¹⁰ в плиточных оградах Бегазы также обнаружены костяные поделки, в том числе цурка, хотя и несколько другой формы (рис. 42—3).

⁷ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). ИГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, рис. 31.

⁸ Там же, стр. 43 и 50.

⁹ Там же, стр. 49.

¹⁰ Там же, стр. 53, рис. 37.

Для датировки плиточных оград Центр. Казахстана наиболее важны находки двух бронзовых наконечников стрел. Лавролистный наконечник стрелы с длинной втулкой, доходящей почти до верхнего острия, и с шипом у основания втулки не вызывает сомнений в датировке (рис. 42—2). Такие наконечники стрел для Вост. Европы датируются VII—VI вв. до н. э., т. е. относятся к архаическому скифскому времени.¹¹ Впрочем, в собственно Скифии таких стрел очень мало. Зато их много в Монголии, где они относятся ко времени плиточных могил.¹² Есть они и в Сибири, а также в Вост. Казахстане.¹³

Другой найденный нами трехперый наконечник стрелы имеет длинный черешок с продольными плоскостями с двух сторон (рис. 42—1). Такие стрелы также единично встречаются у скифов Причерноморья,¹⁴ но зато хорошо известны в скифское время в Сибири и особенно в Монголии. По подсчетам С. В. Киселева, в Сибири они достигают 24% общего количества известных бронзовых стрел, а в Монголии их уже 41%.¹⁵ Подобный же наконечник стрелы найден Нуринской экспедицией в кургане № 3 у Алеп-Аула.¹⁶ Хотя этот курган более сильно разрушен, однако прослеженная прямоугольная обкладка, в виде выложенной каменной стенки, позволяет включить его в число рассматриваемых нами памятников Центр. Казахстана.¹⁷

Таким образом, ближайšie аналогии приводят нас к раннескифскому времени, в Монголии — ко времени сооружения могил, которые Г. И. Боровка называл «плиточными погребениями»,¹⁸ а Г. П. Сосновский, изучавший их в Забайкалье, предложил называть «плиточными могилами»,¹⁹ что и утвердилось в археологической терминологии. В самом деле, устройство плиточных оград могильника Бегазы ближайшим образом напоминает плиточные могилы Монголии и Забайкалья, особенно их древнейшие формы. Ведь и среди плиточных могил имеются довольно большие по площади сооружения. Так, Боровка отмечал на р. Толе могилы размером 6,5 × 7 м,²⁰ а Сосновский указывал, что могилы выделенного им первого типа, с высокими камнями — «маяками» по углам, имеют особенно крупные размеры в Вост. Забайкалье.²¹

По словам П. П. Хороших, видевшего наши материалы, плиточные могилы одинакового размера с большими оградами Бегазы имеются на острове Ольхоне (Байкал). Сосновский подчеркивает, что большинство оград Забайкалья сторонами своими строго соответствует направлению стран света, что совершенно точно прослежено и по плиточным оградкам Бегазы и ограде кург. № 11 Дындыбая.²² Необходимо отметить, что и некоторые плиточные могилы Забайкалья имеют небольшие пристройки-

¹¹ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. 1929. табл. XX, 1а и XIV, 2б.

¹² С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, рис. 3(к) на стр. 364.

¹³ ЗОРСАРАО, т. XI, 1915, стр. 228, рис. 6.

¹⁴ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Тр. РАНИОН, вып. V, М., 1930, стр. 83.

¹⁵ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 365, рис. 3(к).

¹⁶ ИГАИМК, вып. 110, рис. 43 на стр. 57.

¹⁷ Там же, стр. 53.

¹⁸ Г. И. Боровка. Археол. обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Сев. Монголия», вып. II, Л., 1927, стр. 55.

¹⁹ Г. П. Сосновский. Ранние кочевники Забайкалья. КСИИМК, вып. VIII, Л., 1940, стр. 36.

²⁰ Г. И. Боровка. Указ. соч., стр. 55.

²¹ Г. П. Сосновский. Указ. соч., стр. 38, прим. 1.

²² Его же. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1941, стр. 276.

оградки у одной из сторон, которые как бы знаменуют собой входы,²³ а одна из раскопанных Сосновским могил имела вписанный один в другой четырехугольник — гробницу из вертикально вкопанных плит.²⁴

Особенно важны для нас значительные архаизмы, пережитки карасукских форм и традиций, зафиксированные на бронзовых изделиях из плиточных могил Забайкалья. Интересно, что там найдены типично карасукские еще по формам вещи: выемчато-эфесовый кинжал, нож с изогнутой ручкой, кельт с характерным карасукским орнаментом в виде треугольников и т. д.²⁵ Как в плиточных могилах Забайкалья карасукские черты и традиции переживают еще долгое время в бронзовых изделиях, так и в плиточных оградах Центр. Казахстана сильные карасукские пережитки сохраняются в формах и орнаментации значительной части сосудов. Но наряду с ними появляются в плиточных оградках новые формы сосудов — грубые банкообразные горшки и сосуды на высоких поддонах (кубковидные).²⁶

Но как ни много общего у наших памятников с плиточными могилами Монголии и Забайкалья, однако полностью отождествить их было бы не совсем правильно, поэтому мы их не называем плиточными могилами, а предлагаем называть этого рода памятники Казахстана «плиточными оградками». Но при всем этом мы их считаем наиболее западным, локальным вариантом культуры плиточных могил, занимающей гигантскую территорию от Байкала и Селенги на севере до пустыни Гоби на юге, от Малого Хентая на востоке до Центр. Казахстана на западе. Это подтверждает и обнаруженная нами в 1948 г. своеобразная форма оленного камня с двумя кругами — «глазками» (у мавзолея Домбаул, по левому берегу р. Кенгира). Он весьма близок к оленным камням, сопровождающим плиточные могилы Забайкалья и Монголии. Так же как и они, этот камень имеет в верхней части четко выбитый круг.

Изучение плиточных оград Казахстана, несомненно, внесет новые данные и в понимание этногенеза ранних кочевников. На основе культуры плиточных могил в III в. до н. э. в Центр. Азии складывается культура гуннского племенного союза. Становится понятным, почему культура племен Казахстана на рубеже нашей эры была близка к гуннской: потому что в ее формировании участвовали те же элементы, которые послужили основой культуры гуннов.

Подводя итоги, мы считаем возможным датировать плиточные ограды могильника Бегазы, равно как и раскопанные Нуриной экспедицией курган № 11 у аула Дындыбай и курган № 3 у Алеп-Аула, временем VII — VI вв. до н. э. В связи с этим утверждение о «проникновении» в Казахстан карасукской культуры теряет свою основу. В самом деле, как это показали исследования О. А. Кривцовой-Граковой, в Сев.-Зап. Казахстане поздний этап андроновской культуры непосредственно смыкается со скифским временем.²⁷ То же, уже для Вост. Казахстана, отмечает и С. С. Черников по материалам из Степняка и Мало-Красноярки.

Задачей последующих исследований являются поиски и изучение новых плиточных оград Казахстана. Вместе с тем назрела задача районирования памятников Казахстана, относящихся к эпохе бронзы, особенно к позднему ее периоду.

---

²³ Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1941, стр. 289, рис. 7.

²⁴ Там же, стр. 288.

²⁵ Там же, стр. 301, рис. 13.

²⁶ ИГАИМК, вып. 110, рис. 21 (13 и 14) на стр. 47.

²⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 59—172.

IV. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Е. ВЕКИЛОВА

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В КРЫМУ

Крымская палеолитическая экспедиция провела ряд разведочных маршрутов, являющихся составной частью общей задачи сплошного археологического обследования юго-западной, горной части Крыма.¹ Большинство

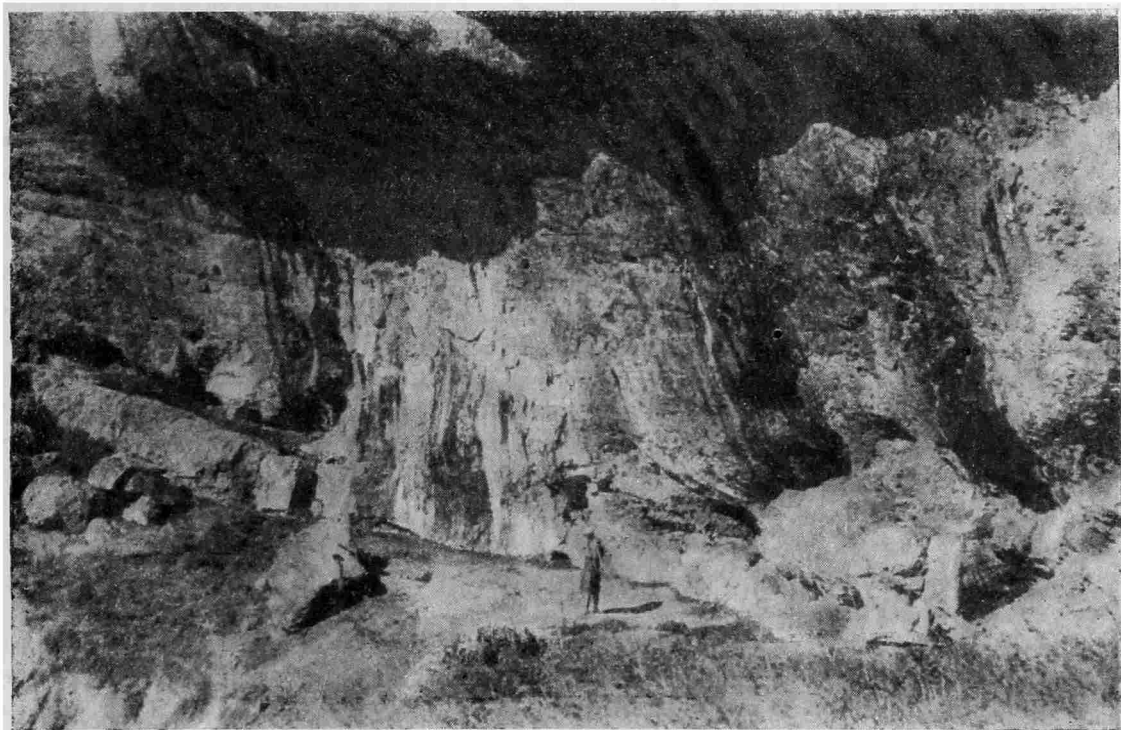

Рис. 43. Навес Кара-Куш-Коба

пещерных местонахождений, обследованных автором данной заметки, не содержали культурных остатков, однако в двух скалистых убежищах — в навесах Кара-Куш-Коба и Мердвен-Тубю — были обнаружены отложения, представляющие определенный археологический интерес.

Навес Кара-Куш-Коба (навес Черной птицы) находится в долине р. Черной, приблизительно в 3 км по проселочной дороге, к юго-востоку от

¹ Настоящая заметка освещает один из разделов работы Крымской палеолитической экспедиции 1938 г. (руководитель экспедиции С. Н. Бибилов).

сел. Чоргунь, в балке Боклу-Дере, недалеко от грота Мурзак-Коба (рис. 43). Он расположен на южном склоне горы Кара-Куш-Кая, на высоте 90—100 м над уровнем р. Черной. Длина навеса 70 м, высота 11 м, глубина 6—7 м. С левой стороны навеса имеется маленький грот. Дно навеса понижается

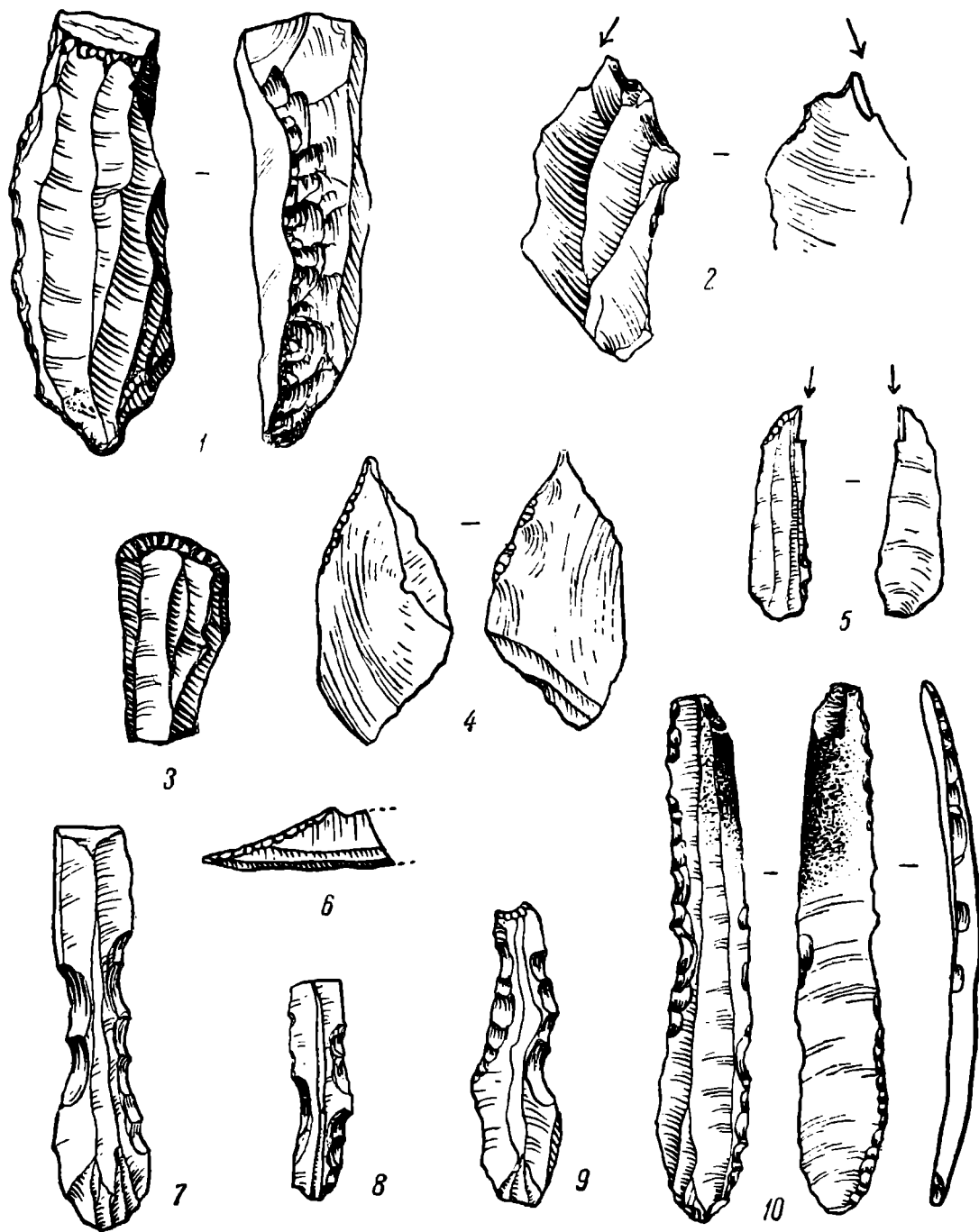

Рис. 44. Кремневые орудия

1, 4, 10 — из Кара-Куш-Коба; 2, 3 — из Мердвен-Тубю

к середине — с востока и запада. В западной части имеется нагромождение обломков скалы. Почти в центре навеса находится крупный камень, около которого были сосредоточены основные находки. Раскопки были произведены в центре навеса. Стратиграфия слоев представляется в следующем виде: I слой — кизяк, прожженный современными кострами; мощность

его — 10—15 см. II слой — рыхлый, желто-серый, со щебнем и примесью раковин *Helix vulgaris*; мощность его — 5—8 см; слой содержал кремневые орудия позднепалеолитического облика. III слой — светложелтый, с большой примесью мелких галек и щебня; мощность его — 45—50 см. Далее, на глубине 70—75 см следовала материковая скала.

Раскопками вскрыта площадь около 30 м². Этот раскоп и исчерпал культурный слой. Основные находки были сосредоточены в центре, у большого камня и у стенки навеса. Это обстоятельство, а также окатанность кремня в подстилающем III слое свидетельствуют о том, что стоянка, видимо, сохранилась неполностью, и часть напластований была смыта потоками воды, затекавшими с плато и оставившими заметные следы на потолке навеса.

На участке 20 б был обнаружен очажок диаметром 80 см, с угольками и зольной массой. Глубокой прокаины под очажком не было, видимо им пользовались непродолжительное время.

Кремневый материал (рис. 44) представлен 350 предметами: 35 орудий и отщепов с ретушью, 40 пластинок, 30 отщепов без ретуши и 245 обломков и осколков кремня. Кремень — местного происхождения, в изобилии встречающийся в окрестных горах; цвет — серый, по строению кремень однороден, патинизирован.

Орудия представлены: обломком призматического нуклеуса неправильной формы, с горизонтальной ударной площадкой; отжимником, сделанным из сработанного призматического нуклеуса; отбойником на обломке кремня неправильной формы.

Кроме того, в слое найдены: три резца бокового типа, два скребка на отщепе и скребковидное орудие, пять пластин с выемками, проколка, обломок трапеции с зубчиком и отщепы с подретушовкой, нуклеовидные обломки, резцовые сколы. Особый интерес представляет правильная, слегка изогнутая пластинка с ретушью по краям и с подретушовкой на брюшке. Верхний конец пластинки имеет сильную заполированность от употребления, более сильную на брюшке.

По набору орудий и их облику стоянка Кара-Куш-Коба синхронизируется с III комплексом Шан-Коба и другими крымскими тарденуазскими местонахождениями. Для всех этих стоянок характерно наличие призматических нуклеусов, пластинок с выемками, определенных скребков, резцов на пластинках, а также своеобразных геометрических трапециевидных форм. За отнесение данной стоянки к тарденуазу говорит и наличие в культурном слое раковин *Helix vulgaris*.

Навес Кара-Куш-Коба был, вероятно, кратковременной стоянкой позднепалеолитического человека, охотника и собирателя; об этом свидетельствуют небольшая площадь, стоянки, непродолжительное пользование очагом, небольшое количество кремневого инвентаря и, наконец, тонкий культурный слой со сравнительно редкими включениями раковин *Helix vulgaris*.

Второе местонахождение того же возраста было обнаружено под скалистым навесом на южном склоне горы Тпрах-Яламас, в основании скалы Мердвен-Тубю, у сел. Упа, Балаклавского р-на. Навесу присвоено наименование Мердвен-Тубю № 16 — по нумерации навесов, идущих по склону скалистых обнажений от сел. Кучки к сел. Упа. Названный навес сырой, обращен к югу и возвышается над уровнем балки на 20 м. Склон от него довольно крутой. Навес имеет полукруглое очертание. Он невысок, всего 4 м; в стенках имеет ряд ниш, отделенных скалистыми перемычками. Пол навеса имеет сильный уклон к выходу и в большей своей части скалистый. Кое-где, главным образом в юго-западной части, сохранились напластования.

Материал из этого навеса немногочислен и происходит из разведочного шурфа. Как и в других тарденуазских стоянках Крыма, культурный слой здесь отличается включением большого количества раковин улиток *Helix*.

Кремневый инвентарь представлен всего лишь тремя орудиями: концевым скребком, резцом бокового типа и пластинкой с выемками, а также 9 пластинами и отщепами с ретушью; кроме того, имеются также пластины, отщепы и обломки кремня. Несмотря на то, что орудия из кремня представлены единичными экземплярами (а другой датирующий материал — фауна и флора — отсутствует), нахождение их в слое вместе с раковинами *Helix* позволяет с достаточной вероятностью отнести навес Мердвен-Тубю № 16 к тарденуазской поро и рассматривать его как временную стоянку древнего человека.

Таким образом, из 35 обследованных пещер и навесов большинство оказалось со скалистым дном или не содержало культурных остатков в отложениях. Следы обитания первобытного человека обнаружены в двух навесах: Кара-Куш-Коба и Мердвен-Тубю № 16.

В. И. ЗУБКОВ

НОВЫЕ СБОРЫ НА БОРКОВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ
СТОЯНКЕ

Территория Борковской дюны, расположенной на острове, образованном руслом Оки и ее притоком р. Трубежом на расстоянии 1 км севернее гор. Рязани, неоднократно привлекала внимание исследователей многочисленностью и разнообразием археологических памятников. Семьдесят лет назад выдающимся русским ученым, основоположником современного почвоведения В. В. Докучаевым здесь была собрана первая коллекция древностей и установлена многослойность этого интереснейшего памятника.¹ В течение последующих лет Борки изучались А. И. Черепниным,² В. А. Городцовым,³ М. В. Говоровым и другими исследователями. Итогом этих работ явилось выявление на площади Борковской дюны остатков богатейшей мезолитической стоянки, стоянки поздненеолитической, древностей эпохи бронзы, обширного могильника I тысячелетия нашей эры и следов славянского поселка, предшествовавшего появлению гор. Переяславля-Рязанского (современная Рязань). Основная часть коллекций, собранных при работах, поступила в фонды Рязанского областного музея, другая часть находится в разных музеях и, к сожалению, до настоящего времени не опубликована. Исключение составляет мезолитический материал Борковской стоянки из первых сборов В. В. Докучаева; материал хранится в геологическом кабинете Ленинградского университета и был опубликован в 1940 г.⁴

Исследования Борковской дюны автор данной статьи начал в 1937 г. и производил их систематически на протяжении последующих десяти лет, имея основной целью поверхностный сбор археологических предметов, обнажавшихся на ее песчаных выдувах и осыпях (рис. 45). В результате этих экскурсий была собрана значительная коллекция памятников древности, отражающих быт обитателей дюны в различные эпохи.

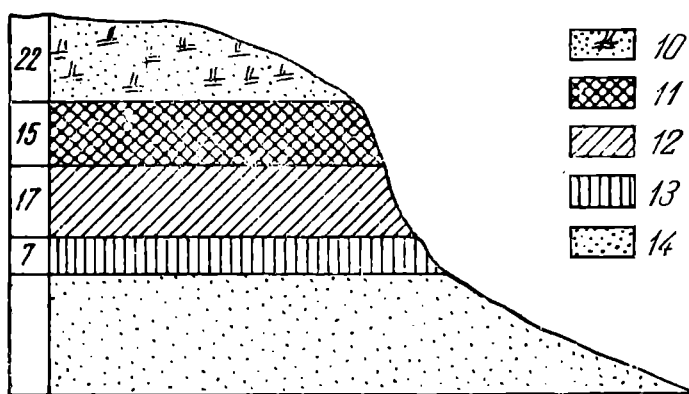
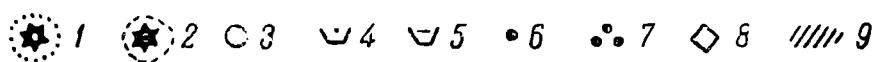
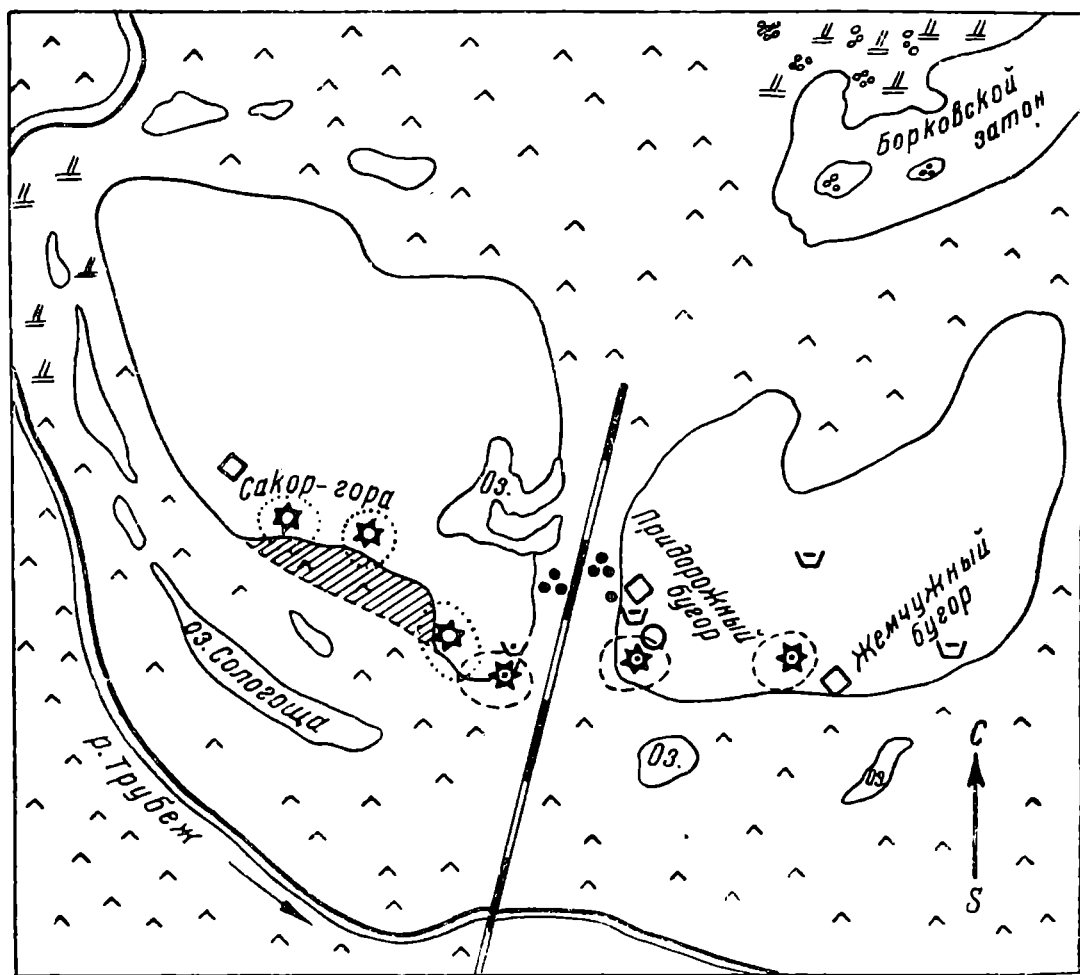
В предлагаемой статье публикуется наиболее ранний мезолитический материал, добытый на площади многократно перевеянных песков южной, наиболее высокой, части дюны, называемой Сакор-гора; поверхность ее в

¹ В. В. Докучаев. Рецензия; А. С. Уваров. Археология России. Тр. Об-ва естествоиспытателей, т. XIII, вып. 1, стр. 26; см. также В. В. Докучаев. Сочинения, т. I, М.—Л., 1949, стр. 287.

² А. И. Черепнин. Местная старина. Борковский остров. Труды АК, т. IX, вып. 1, стр. 1—3.

³ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Тр. XII Археол. съезда, М., 1905; его же. Археология, т. I, Л., 1925, стр. 330.

⁴ М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки. МИА СССР, № 2, стр. 149—157.

Профиль останца

Рис. 45. План Борковской дюны и профиль останца (по исследованиям автора)

1 — впаалеолитические месторождения; 2 — позднеолитические местонахождения; 3 — находка предметов эпохи бронзы; 4 — могилы I тысячелетия нашей эры с труположением; 5 — могилы I тысячелетия нашей эры с трупосожжением; 6 — находка арабского диргема; 7 — клад арабских диргемов; 8 — славянские древности X—XIII вв.; 9 — уничтоженный в 1937—1947 гг. участок дюны; 10 — светложелтый песок; 11 — черный слой гумуса; 12 — пепелистый серый песок; 13 — коричневый песок; 14 — желтые стерильные пески ядра дюны

настоящее время совершенно освободилась от дернового слоя и слагающие ее песчаные массы находятся в беспрестанном движении. Разрушительные действия ветра и дождей в значительной степени усиливаются ежегодными окскими разливами, покрывающими южные склоны, а также эксплуатацией песка дюны строительными организациями близлежащего города. Так, только в течение последнего десятилетия в город был свезен весь юго-восточный склон Сагор-горы вместе с остатками располагавшихся на его площади мезолитической и позднелитической стоянок. В результате, к настоящему времени большая часть площади Сагор-горы, дававшая основное количество орудий микролитического облика, уничтожена, и материалы, собранные за период с 1937 по 1947 г., видимо принадлежат к последним обширным сборам на Борковской эпилитической стоянке.

Микролитические орудия далеко не равномерно рассеяны по площади Сагор-горы; они обычно встречались значительными скоплениями в трех пунктах ее южного склона, на расстоянии 60—80 м от прилегающего к дюне озера. Размеры каждого из таких пунктов, дающие находки кремневых поделок, невелики — около 10×20 м. По обилию находимых здесь ножевидных пластин и их частей, мелких сколов от производства резцов и чешуек, отжатых от орудий при процессе их приострения, а также по неоднократным находкам отработанных нуклеусов можно заключить о наличии на данных участках дюны остатков поселения. К сожалению, поверхность дюны почти совершенно не сохранила напластований. Только в двух случаях при исследовании небольших пирамидальных холмов-останцев, сохранившихся среди котловин выдувания, где пески снесены ветром, удалось проследить стратиграфию залегания микролитических орудий. В обоих случаях под верхними покрывными светложелтыми песками, мощность слоя которых варьирует в пределах 12—25 см, залегал слой черного ископаемого гумуса мощностью 15 см; постепенно слой этот переходил к пепелисто-серый песок (17 см), перекрывавший прослойку коричневого песка, содержащего мелкие угли, осколки кремня и орудия микролитического облика; ниже начинались желтые стерильные пески ядра дюны. Мощность слоя коричневых песков, в котором удерживались кремневые находки, не превышала 10 см. Таким образом, горизонт залегания мелких кремневых орудий совершенно определенно ограничен и, как это было отмечено В. А. Городцовым, хронологически соответствует периоду окончания процесса формирования песчаной дюны и появлению на ее поверхности растительного покрова.

Весь комплекс кремневого инвентаря Борковской эпилитической стоянки публикуемого собрания включает 436 предметов и состоит преимущественно из правильных ножевидных пластин и орудий, изготовленных при помощи тщательной ретуши и предназначенных к выполнению определенных производственных функций. Характерной особенностью всех орудий этого происхождения являются довольно четко выраженные формы и малые размеры. Значительно меньшее число орудий изготовлено на небольших кремневых отщепах.

Перехожу к обзору археологических материалов Борковской стоянки, представленных исключительно кремневыми орудиями труда. Кремень преимущественно светложелтого цвета и нередко полупрозрачный.

Среди орудий — нуклеусы, ножевидные пластины с ретушью и без ретуши, пилки, резцы, скребки, острия, наконечники стрел, отбойники. В коллекции имеется 15 нуклеусов, из них три представлены осколками.

1. Нуклеус изготовлен из желтого с темносерыми и коричневыми прожилками кремня в форме конуса, высотой 3.5 см и шириной 3.4 см. Часть его боковой поверхности сохранила меловую корку древнего валуна; остальная часть поверхности образована фасетками от отщепа пластин, имеющих в большинстве случаев неправильные очертания (рис. 46—3).

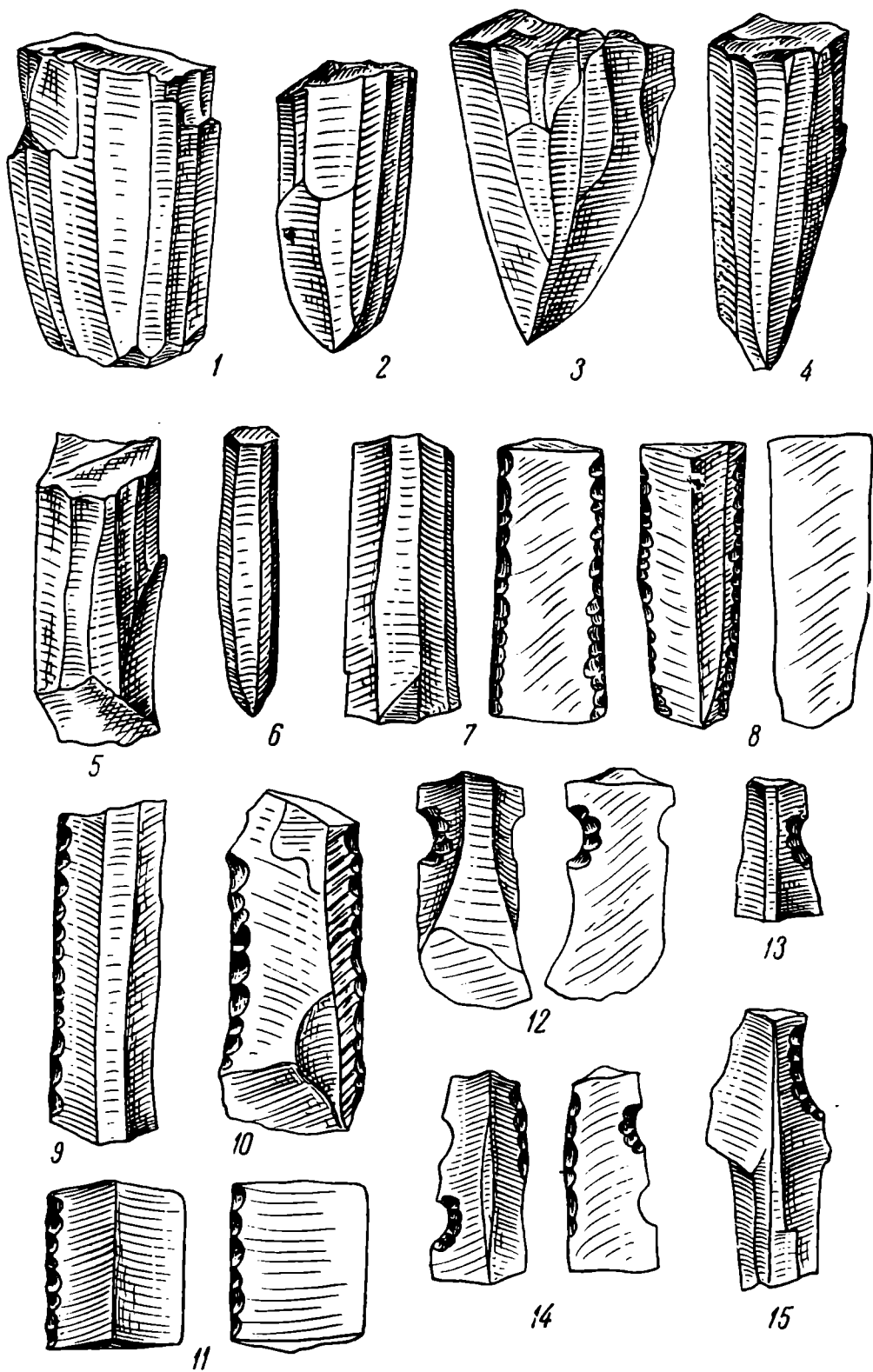

Рис. 46. Борковская стоянка

1-6 — нуклеусы; 7-15 — пластины с ретушью

2. Нуклеус конической формы из серого с коричневыми прожилками кремня; его высота 4.5 см, диаметр основания 2.2 см. Около четверти его боковой поверхности занято древней меловой коркой, остальная часть ее образована 13 фасетками от оскола узких длинных пластин с прямыми параллельными краями. Нуклеус сильно сработан, его основание носит следы неоднократной подправки.

3. Нуклеус представлен осколком конической формы, из полупрозрачного серого кремня хорошего качества, высота нуклеуса 2.6 см, диаметр 1.5 см. На его боковой поверхности сохранилось 12 фасеток от скола узких с параллельными краями пластин.

4. Нуклеус из желтого кремня, в форме правильного конуса; диаметр в основании 2 см, высота 5.2 см. На боковой поверхности расположены 24 фасетки от отдельных длинных узких пластин. Острые грани и особенно вершина конуса нуклеуса значительно сглажены в результате применения его в качестве отжимника (рис. 46—4).

5. Нуклеус в форме цилиндра; изготовлен из желтого с темными оттенками кремня; высота 3.8 см, диаметр основания 1.7 см. На боковой поверхности сохранилась внешняя корка древнего валуна. Отделение тонких длинных пластин производилось с его обоих оснований.

6. Нуклеус призматической формы, из непрозрачного кремня; его высота 4 см, ширина 2.9 см (рис. 46—5).

Остальные девять нуклеусов в основном приближаются к форме конусов с размерами: 4.7×2.9 см; 3.7×0.8 см; 2.5×1.4 см; 4.1×2.1 см; 2.9×1.7 см; 3.5×2.9 см и три фрагмента.

Наиболее многочисленную группу орудий (268) составляют ножевидные пластины. Большинство имеет длину 3—4 см, при 1 см ширины; размеры многих экземпляров значительно варьируют.

Факт многочисленности ножевидных пластин в инвентаре Борковской стоянки и их исследование свидетельствуют о широком и разнообразном применении этого вида орудий в хозяйстве первых обитателей дюн. Каждая пластина могла с успехом использоваться при обработке дерева и кости. Вследствие их применения появились на рабочей грани пластин выщербины, неравномерно располагавшиеся, различной глубины и площади. В нашей коллекции имеются 86 пластин с ясными следами употребления их в качестве скобящих орудий, из них у 51 экз. на обоих краях легко прослеживаются следы сработанности в виде заполированных фасеток. Края трех наиболее массивных пластин преднамеренно зазубрены сжатием тонких чешуек со стороны спинки и со стороны брюшка; этим достигнута возможность применения орудий для пиления, так как зубцеватый рабочий край имеет характерный «пилообразный» развод.

Нами были проделаны опыты применения описанных орудий. С помощью пилки в 3—4 мин. распиливались куски дерева до 2 см в диаметре; довольно успешно пилилась кость. При помощи кремневой пилки и обычных ножевидных пластин без вторичной обработки из отщепамамонтова бивня, довольно легко был изготовлен небольшой гарпун. Результаты этих опытов, производившихся без достаточных навыков, позволяют видеть в ножевидных пластинах одно из главных орудий труда, выполнявших в руках эпипалеолитического человека чрезвычайно разнообразные функции.

У десяти пластин нашего собрания края снабжены одной или несколькими дугообразными выемками, полученными нанесением мелкой приостряющей ретуши. Орудия эти могли употребляться при разнообразных мелких работах по дереву и, в частности, для сглаживания поверхностей древков стрел (рис. 46—12—15).

Следующую группу образуют 15 пластин с ретушью вдоль длинных краев. Из них у четырех ретуширован только один край (рис. 47 — 1—4)

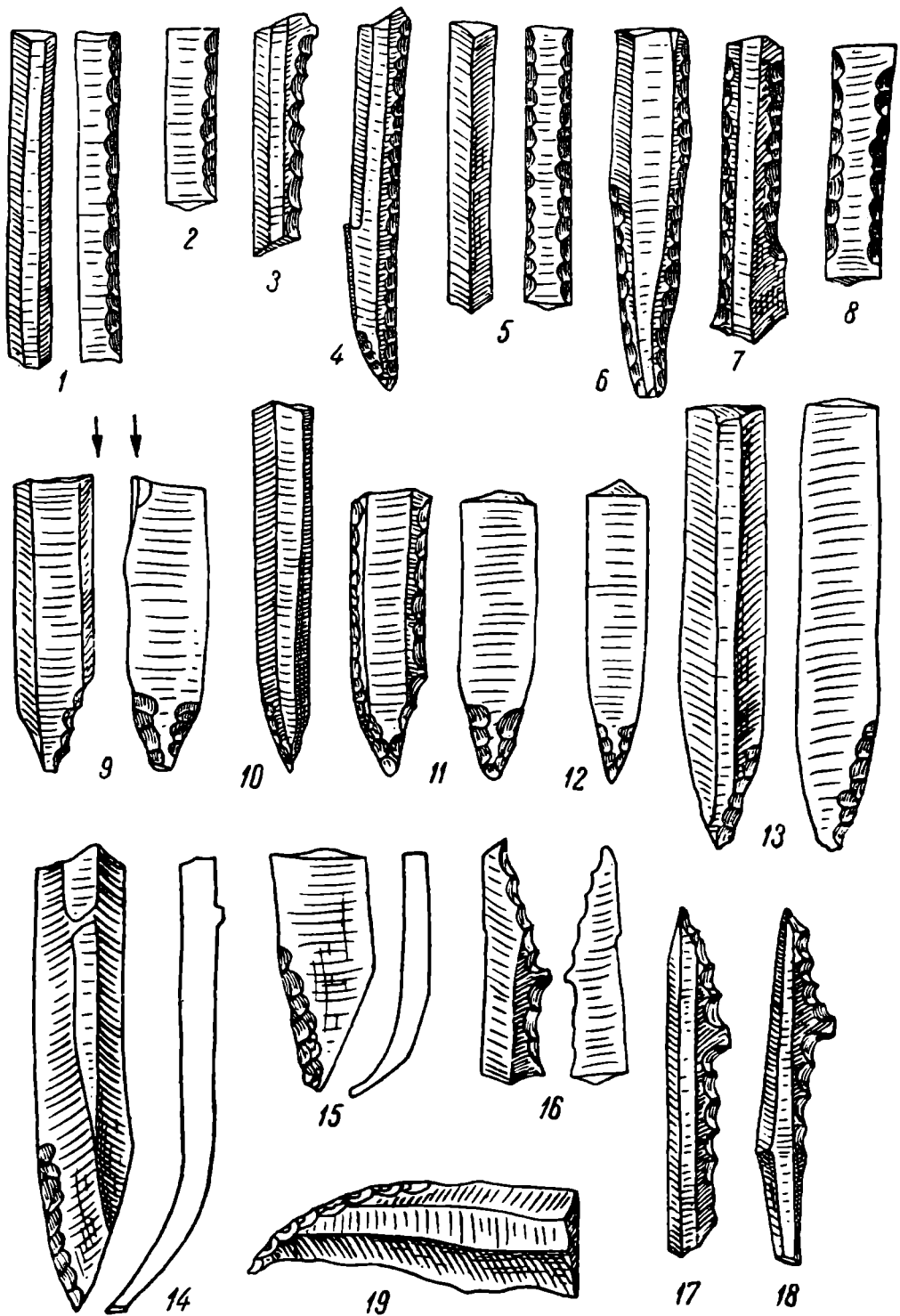

Рис. 47. Борковская стоянка

1—8 — пластины-вкладыши; 9—13 — острия на прямых пластинах; 14—15 — изогнутые пластины с ретушированным краем; 16—18 — пластины с зазубренным краем; 19 — острие с притупленной спинкой

и у 11 ретушь покрывает оба края (рис. 47—5—8). Эти орудия отличаются микролитическими размерами (4.5×0.5 см) и тщательностью отделки. Так как они очень тонки и хрупки, то употребляться как самостоятельные орудия они не могли и, видимо, являются вкладышами, закреплявшимися в деревянных или костяных оправках.

Резцы представлены в коллекции 39 экз. 29 относятся к типу «на углу сломанной пластины» (рис. 48—1—3); среди них 8 орудий с резцовыми сколами на обоих краях (рис. 48—4—8); три резца относятся к типу боковых, изготовленных на длинных тонких пластинах (рис. 48—7); три резца срединные (рис. 48—4—6) и три — массивные нуклеовидные многофасеточные. Кроме этого, в коллекции имеется девять резцовых сколов, отделенных от пластин при производстве резцов. Два из них широкие, короткие, остальные имеют длину 2—3 см, при 0.4—0.6 см ширины (рис. 48—8—10).

Скребки довольно многочисленны в кремневом инвентаре Борковской стоянки. В нашем собрании они представлены 65 экз., из них 42 принадлежат к концевым, изготовленным на пластинах с параллельным ограничением; 23 экз. изготовлено на кремневых отщепах различных очертаний и величины. Концевые скребки обычно образованы нанесением приостряющей ретуши на конец, обычно противоположный отбивному бугорку пластины. Рабочий край большинства орудий дугообразен (рис. 48—11, 12, 15, 18—20), у 7 экз. он прямой (рис. 48—13, 14, 16, 17). У некоторых скребков легкая притупляющая ретушь нанесена и на боковые, параллельные края пластин, чтобы устранить острые углы для предохранения руки от пореза. Двойные орудия встречаются редко. Они представлены дублированным скребком и скребком-резцом.

Особую группу орудий представляют острия, изготовленные из тонких ножевидных пластин. Два из них могли предназначаться для прокалывания и просверливания отверстий (рис. 47—13). Кроме того, три подобных острия фрагментированы и, возможно, являются частями наконечников стрел (рис. 47—9, 11, 13). Пять острий из этой группы образуют орудия, изготовленные из удлиненных пластин при помощи нанесения зазубривающей ретуши со стороны спинки на одну из длинных граней. Два полностью сохранившихся орудия имеют длину 4.3 см, ширину 0.7 см. Их концы односторонне зазубрены на 1.7 см, остальная боковая часть пластины покрыта ровной притупляющей ретушью (рис. 47—16—18). Назначение этих орудий не совсем ясно.

Группа острий дополняется одним острием с притупленной спинкой; выделено острие из пластины темнокрасного кремня (рис. 47—19).

Наконечники стрел представлены 37 экз., из них девять фрагментированы. В основном все они по своей форме приближаются к наконечникам в виде ивового листа с черешком, являющимся характерными для свидерской стадии эпипалеолита. Размеры большинства целых экземпляров колеблются в пределах 3—3.5 см длины, при 8—11 см ширины. В зависимости от формы и обработки наконечники в основном образуют три группы.

Из них первую составляют 11 острочерешковых наконечников, оба противоположных конца которых ретушированы в равной степени со стороны брюшка, так что оба острия имеют тождественные очертания длиной около 1 см. Продольные параллельные стороны у орудий этой группы оставлены без ретуши (рис. 49—1—3).

Вторую группу образуют шесть наконечников, имеющих слабую притупляющую ретушь вдоль всего пера (рис. 49—4—9). В эту группу входят орудия различных размеров — от микролитических (18×6.5 мм) (рис. 49—7—9) до довольно крупных — 5.4 см длины и 1.5 см ширины (рис. 49—4).

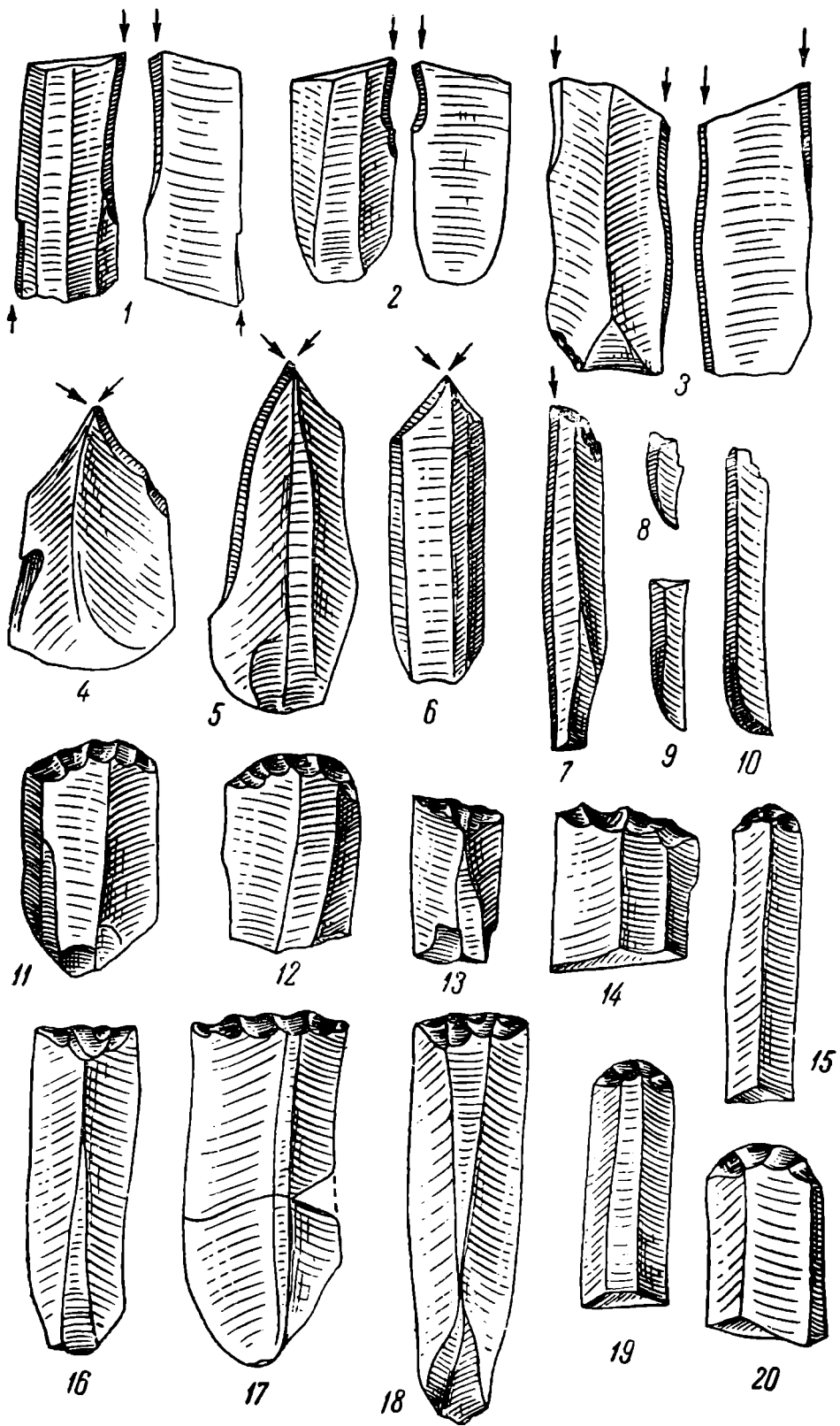

Рис. 48. Борковская стоянка

1—3—резцы на углу сломанной пластины; 4—6 — резцы срединные; 7 — резец боковой; 8—10 — сколы резцовые; 11—20 — скребки

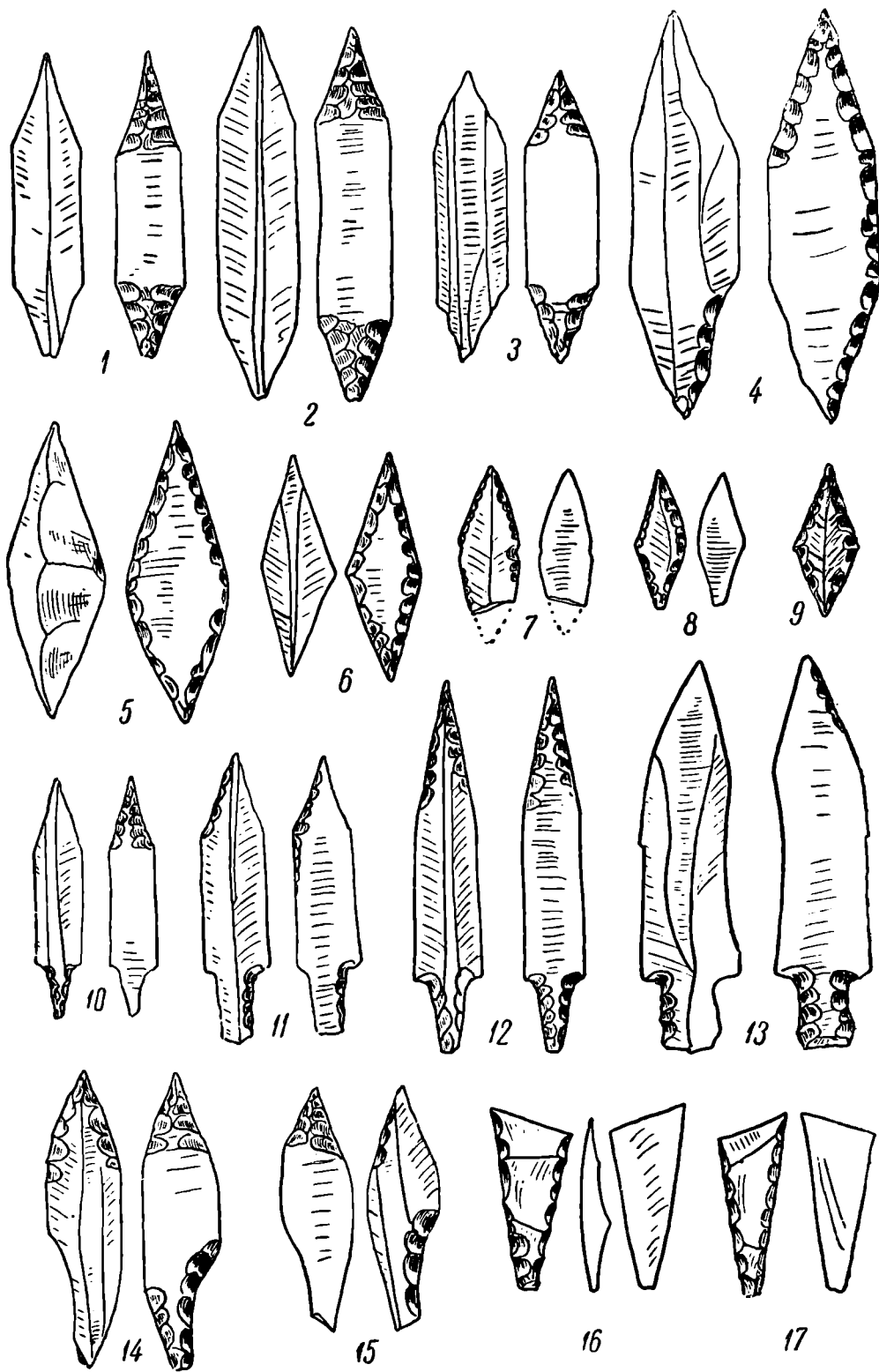

Рис. 49. Борковская стоянка
1—17 — наконечники стрел

Третья группа, включающая 17 наконечников, характерна наличием короткого черешка, отделенного от пера стрелы более или менее ясно выделенными плечиками, полученными в результате нанесения крутой притупляющей ретуши со стороны брюшка у шести орудий, со стороны спинки — у двух: черенки трех наконечников образованы противоположащей ретушью (рис. 49—10—13).

Кроме этого, в коллекции имеются два наконечника с боковой выемкой (рис. 49—14—15). Один из них изготовлен из пластины красного кремня 2.6 см длины и 0.8 см ширины. Его острый верхний край образован отжимной ретушью, нанесенной со стороны брюшка, а боковая выемка — довольно крутой ретушью со стороны спинки пластины. Второй наконечник по технике изготовления и форме очень близок к первому. Третий представлен фрагментом с обломанным концом. Наконечники этой группы сравнительно редки в кремневом инвентаре Борковской стоянки.

Наконец, комплекс наконечников стрел дополняется двумя наконечниками с поперечным лезвием. Один из них (2.5 см длины и 1 см ширины) изготовлен из желтого кремня (рис. 49—16). Вторым (2.2 × 0.9 см) выделан из серого кремня хорошего качества (рис. 49—17). Этот тип наконечников стрел в инвентаре Борковской стоянки не был ранее отмечен.

В коллекции имеются 24 аморфных осколка кремня, обычно с несколькими режцовыми сколами. На боковой поверхности некоторых из них сохранились площадки от отжатия пластин с параллельными гранями, свидетельствующими о том, что мы имеем в них сработанные нуклеусы, приспособленные, путем последующей подправки, к выполнению определенных производственных функций. Наличие сравнительно большого количества подобных нуклеовидных орудий в кремневом инвентаре окского человека эпипалеолитического времени было отмечено П. И. Борисковским для стоянки Елин Бор.⁵ Борковский материал подтверждает это положение.

Кремневый инвентарь, собранный на Борковской дюне, свидетельствует о наличии на ее территории богатого местонахождения эпипалеолитического возраста.

Наличие в комплексе орудий значительного количества палеолитических форм (ножевидные пластины с ретушированными краями, концевые скребки) и в то же время появление в обиходе вкладышевых орудий, скребков на округлых отщепках, наконечников стрел — свидетельствует о хронологической близости Борковской стоянки к стоянке Елин Бор, исследованной М. В. Воеводским и относимой им к свидерской стадии раннего эпипалеолита.⁶ Однако Борковские орудия в массе отличаются от материалов Елина Бора тщательностью обработки и четкостью форм, что свидетельствует о большом навыке в производстве их. А это, в свою очередь, позволяет принять определение, высказанное, на основании сборов В. В. Докучаева, М. Э. Паничкиной, отнесшей Борковскую стоянку к концу свидерской стадии эпипалеолита.

В заключение следует отметить, во-первых, необходимость проведения на площади Борковской стоянки раскопчных работ в самом ближайшем времени; во-вторых, поисков новых, пока еще сравнительно редких, эпипалеолитических местонахождений в бассейне р. Оки.

⁵ П. И. Борисковский. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки. Тр. Советской секции АИЧПЕ, вып. 1, Л., 1937, стр. 302—317.

⁶ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА, III, 1937, стр. 77—99.

В. М. РАУШЕНБАХ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У д. Б. БУНЬКОВО

В 1946 и 1947 гг. были произведены раскопки неолитической стоянки у дер. Большое Буньково, Ногинского р-на Московской обл. Стоянка находится на высоком левом берегу первой надпойменной террасы р. Клязьмы, в 1,5 км к югу от дер. Б. Буньково.

При зачистке обнажения берега непосредственно под дерном было найдено большое количество керамики XVII—XVIII вв., а ниже неолитический культурный слой с кремневыми орудиями и древней керамикой. Основная часть стоянки уничтожена весенними водами. Поэтому возможная для раскопок территория была невелика. Было заложено два раскопа по краю берегового обнажения, на расстоянии 15 м друг от друга. Раскоп № 1, длиной 7 м и шириной 4 м и раскоп № 2, длиной 9 м и шириной 3 м; заложенные на протяжении 15 м между этими раскопами шурфы неолитического слоя не обнаружили.

Зачистка обнажения берега показала следующую стратиграфию: непосредственно под дерновым слоем (толщиной до 12 см) идет желтовато-коричневый глинистый слой (мощностью до 30 см) с большим количеством находок, относящихся преимущественно к русскому поселению XVI—XVIII вв., и очень редкими осколками кремня и неолитической керамикой. Ниже, примерно до глубины 70 см,— несколько более темный слой перемешанной с песком глины, в котором керамика XVI—XVIII вв. встречается реже, а неолитические вещи чаще. С глубины 70 см и до 1 м, а в иных местах и глубже, идет интенсивно черный слой с находками неолитической эпохи. Слой этот подстилается белым песком без находок. Характеристику материала верхнего культурного слоя XVI—XVIII вв. мы здесь давать не будем, а остановимся на рассмотрении материала нижнего слоя.

Вещи, относящиеся к эпохе неолита, представлены значительным количеством керамики и (более 150) законченных каменных орудий. Керамику нижнего культурного слоя по толщине стенок, обжигу и характеру орнамента можно разделить на четыре группы.

К первой группе следует отнести керамику ямочно-гребенчатого типа (рис. 50—1—3). Толщина стенок черепков этой группы около 4 мм, обжиг ровный, почти без характерного потемнения глиняного теста в изломе. Примесей к тесту нет или, возможно, примесь небольшого количества очень мелкого песка, что на-глаз определить трудно; иногда встречаются в глине отдельные крупные зерна кварца, которые, вероятно, являются естественными включениями.

Орнамент состоит из небольших по диаметру, но довольно глубоких конических ямок и оттисков гребенчатого штампа. Зональный характер

расположения элементов орнамента, заполнение большей части поверхности ямочным орнаментом и очень небольшое количество зубчатого, небольшие по диаметру и достаточно глубокие ямки — все это заставляет считать эту керамику довольно ранней. В долине р. Клязьмы пока известна только одна очень древняя стоянка с аналогичной керамикой — Льяловская. Но от этой наиболее ранней неолитической керамики буньковскую керамику отличает

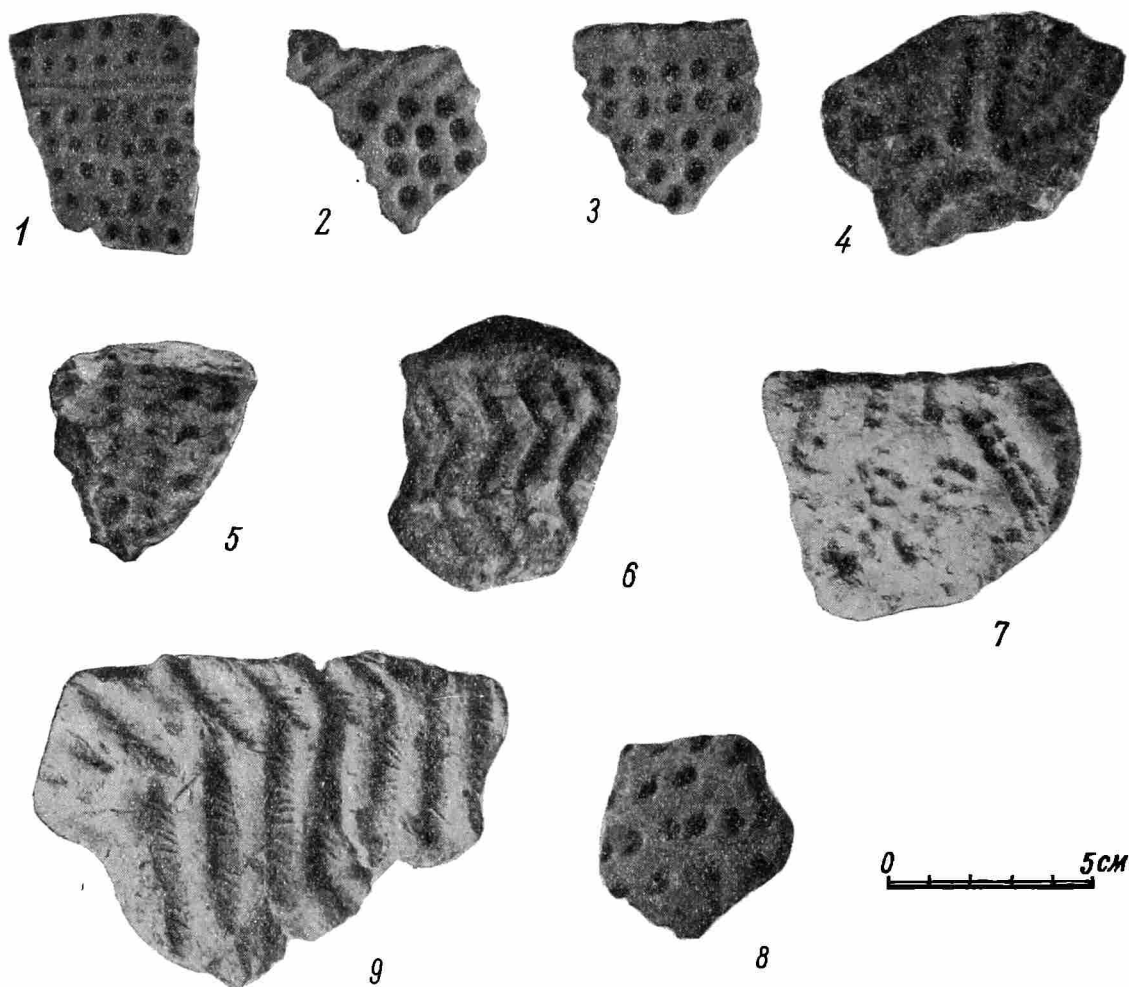

Рис. 50. Образцы керамики из Б. Буньковской стоянки

отсутствие полной строгости нанесения ямочного орнамента в шахматном порядке, столь характерной для льяловской керамики. Несмотря на сохранившийся зональный характер нанесения орнамента, ямки нанесены неаккуратно, и иногда одна перекрывает другую; скорее всего эта керамика позднее льяловской, хотя и сохранила некоторые ее ранние традиции.

Следует отметить в орнаментике этой группы керамики появление тяжей — косых линий, выполненных зубчатым штампом, что совершенно отсутствует в керамике Льяловской стоянки и также является более поздним признаком.

Во вторую группу входит керамика трех типов, отличающихся друг от друга только характером орнамента, по всем же остальным признакам близких друг к другу. Общими для них признаками является толщина стенок (7—12 мм), примесь мелкого песка и растительная примесь, что придает этой керамике легкость и пористость, и, наконец, чрезвычайно

неаккуратное заглаживание и несколько неряшливый орнамент. Отличаются же три типа керамики этой группы друг от друга характером орнаментации. Один вариант представлен оттисками зубчатого штампа, широкого и довольно глубокого, оттиснутыми вертикально, наклонно или под углом (рис. 50—4—5). Второй вариант дает оттиски рамчатого штампа как широкого — до 11 мм, так и узкого — до 4 мм ширины (рис. 50—6). Эти два варианта керамики находят себе полную аналогию в волосовской керамике, отличием от которой является отсутствие раковинной примеси в тесте сосудов. Третий вариант керамики этой группы составляют черепки, орнаментированные глубоко прочерченными желобчатыми линиями под углом друг к другу (рис. 50—7). Этого типа керамики нет в Волосовской стоянке, но подобный тип весьма характерен для Панфиловской стоянки, относимой большинством археологов к поздней стадии волосовской культуры.

Третью группу керамики отличает растительная примесь к глине. Черепки легкие, несколько пористые; толщина стенок не более 7 мм. Орнамент состоит из подчетырехугольной формы ямок (рис. 50—8). Есть черепки без орнамента, из грубого теста с примесью шамота; толщина стенок 6—7 мм. Обжиг неровный, с резким потемнением в изломе. Края сосудов слегка отогнуты. Во время раскопок была произведена попытка установить, не встречаются ли различные типы керамики на разных глубинах. Но по наблюдениям все эти типы керамики встречаются совместно как в верхней части неолитического слоя, так и в его нижней части. Следовательно, можно считать все перечисленные типы керамики существовавшими одновременно, а относительно ранний ямочно-ребенчатый тип — пережиточным явлением, тем более, что на это указывает наличие трех обломков керамики, покрытых ямочным орнаментом, но по растительной примеси и толщине стенок сосудов не отличающихся от керамики второй и третьей групп. На пережиточный характер этой группы керамики указывает и результат статистического подсчета: так, в неолитическом слое раскопа № 2 обломков керамики с ямочно-зубчатым орнаментом первой группы найдено 74, а обломков керамики второй и третьей групп, отличающихся друг от друга только орнаментом, но тождественных по составу теста глины, обжигу и толщине стенок — более 200.

Несмотря на некоторую близость керамики первой группы с керамикой льяловского типа и второй группы с волосовской, керамика Буньковской стоянки тем не менее достаточно от них отличается. Что же касается керамики первой группы, то она весьма близка к керамике из Кудиново,¹ Бисерова озера,² к подъемному материалу из района Орехово-Зуево³ и Дрезны,⁴ т. е. к керамике стоянок в верховьях р. Клязьмы. Следовательно, можно говорить о местном «верхнеклязьминском» варианте, наиболее ранняя стадия которого представлена в керамике Льяловской стоянки.

Керамика второй группы весьма близка по орнаменту к керамике Волосовской и Панфиловской стоянок, но в то же время существенно отличается от нее отсутствием раковинной примеси и меньшей толщиной стенок. Как особую местную черту можно отметить характерное расположение оттисков зубчатого штампа под углом друг к другу. Следует отметить несколько обломков одного сосуда, включаемых нами во вторую группу керамики, но с характерными элементами орнамента, представленными довольно глубокими оттисками зубчатого штампа, причем эти желобки

¹ ГИМ, 1 отд., хранение 9/60^а.

² Ногинск. Краеведческий музей, раскопки Пимакина.

³ Орехово-Зуево. Краеведческий музей. Подъемный материал.

⁴ Там же.

располагаются под углом друг к другу. Сама нарезка зубчатого штампа дает небольшие группы параллельных нарезок, также поставленных под углом друг к другу (рис. 50—9).

Кремневые орудия представлены ножами, скребками, сверлами, скобелями, проколками, топорами и другими орудиями как в целых экземплярах, так и в обломках.

Ножи можно разделить на две группы: 1) широкие пластинчатые (рис. 51—11, 12, 15) и 2) изогнутые (рис. 51—13, 14).

Ретушью, как правило, обработаны оба края орудия. Характер обработки и формы ножей находят себе аналогию в ножах и скобелях Воловской и Малоокуловской стоянок и стоянки на Бисеровом озере. Ножи из ножевидных пластин здесь отсутствуют.

Скрепки изготовлены из широких, иногда довольно массивных отщепов; преобладают округлые формы (рис. 51—5, 7). Обработаны они тщательной крутой ретушью, причем нередко со всех сторон. Из так называемых концевых скребков встречены только два.

Наконечники стрел представлены 12-ю готовыми экземплярами и несколькими заготовками. Преобладающей формой наконечников стрел является удлиненная листовидная (рис. 51—2—3), но есть также наконечник ромбической формы (рис. 51—1) и один обломок наконечника с прямым основанием. Один наконечник изготовлен из тонкой пластинки, ретушью обработана лишь одна поверхность наконечника, а на другой поверхности отретуширован только кончик (рис. 51—4), тыльный конец его обломан.

Сверла и проколки изготовлены преимущественно из трехгранных отщепов; рабочий конец их вытянут и тщательно отретуширован (рис. 51—10—11).

Следует особо выделить группу кремневых орудий, называемых резчиками (по терминологии М. Е. Фосс⁵). Эти орудия изготовлены из небольших отщепов и внешне по обработке напоминают скребки с несколько вытянутым и тщательно отретушированным одним концом. Обычно ретушью обработана вся поверхность орудия. Нередки случаи сильной заглаженности рабочего края этих орудий до характерного блеска, что, видимо, является следствием работы по мягкому материалу. Одно из этих орудий является комбинированным — им исполнялись одновременно функции резчика и скребка (рис. 51—8—9).

Дублирование функций орудия прослежено не только на небольших кремневых, но и на орудиях, сочетающих одновременно функции отбойника и точила. Такой тип орудия представлен двумя предметами из розового песчаника. Форма одного из них трапецевидная, вершина закруглена и сильно оббита (следы работы этим орудием как ретушером); боковые же грани прекрасно заполированы до блеска (рис. 51—18). Второе орудие этого же типа тоже из розового песчаника, в форме плоского параллелепипеда, у которого одна узкая грань заполирована и являлась точилом, другая сильно оббита — ретушер.

Интересна находка фигурного кремня в виде изображения головки медведя, что также сближает материал этой стоянки с Воловской стоянкой.

Среди находок имеется много обломков полированных орудий. По одному обломку топора можно судить, что он имел клиновидную форму с широким рабочим краем (рис. 51—16).

У другого полированного топорика, изготовленного из кремня, рабочий край сильно оббит, но, видимо, и он имел клиновидную форму с широким рабочим краем (рис. 51—17).

⁵ М. Е. Фосс. К методике определения кремневых орудий. КСИИМК. вып. XXIV, 1949.

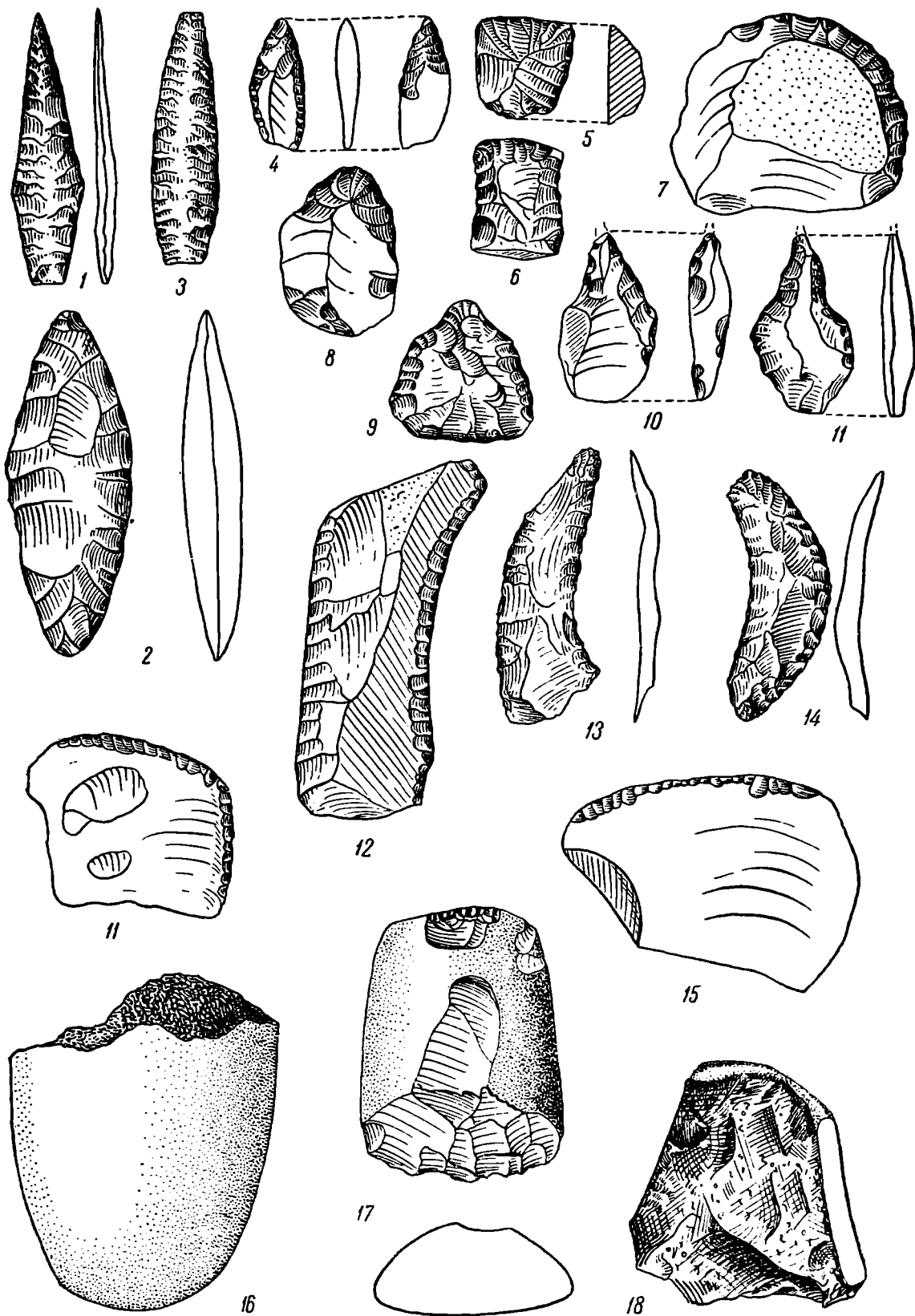

Рис. 51. Кремневые и каменные орудия из Б. Буньковской стоянки

Шлифовальных плит найдено три. Одна из них значительных размеров (около 40 см в диаметре), округлой формы; другая — небольшая шестигранная; третья скорее служила точилом, так как имеет заполировку только на узкой боковой грани.

Как было отмечено выше, материал Буньковской стоянки больше всего имеет аналогий в материале из стоянки на Бисеровом озере и в многочисленном подъемном материале с берегов Клязьмы у дер. Дрезна (Орехово-Зуево) и станции Кудиново Московской обл. Кроме того, мы находим ему аналогии в Льяловской стоянке, с одной стороны, и Волосовской — с другой. Установить точно место этой стоянки в системе других не представляется возможным, пока не будут произведены раскопки стоянок по р. Клязьме в Московской обл. Тем не менее некоторая близость материала этой стоянки с хорошо изученной Волосовской дает возможность датировать стоянку у дер. Б. Буньково приблизительно второй четвертью II тысячелетия до нашей эры.

Г. Г. ЛЕММЛЕЙН

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ КАМЕННЫХ БУС¹

При обработке материалов, добытых археологическими раскопками, прежде всего встает вопрос о точном их описании. Для этого необходимо, чтобы для каждой категории объектов были разработанные, достаточно подробные классификация и номенклатура.

Бусы являются весьма обильным и разнообразным объектом, изучение которого несомненно сулит интереснейшие результаты. Изготавливались бусы из разных материалов: из твердых камней, мягких камней, пасты, фаянса, стекла, металла, раковин, рога, кости, дерева и т. д. Каждый из перечисленных материалов в зависимости от их свойств обрабатывался, естественно, различно, что в значительной степени влияло и на форму изделий.

В настоящее время при детальном изучении вряд ли рационально объединять бусы, сделанные из разнообразных материалов. Раздельно должны быть рассмотрены: 1) бусы из твердых камней, требующие абразивной техники обработки; 2) бусы из мягких камней, раковин, рога, кости и дерева, допускающие вытачивание и резьбу каменным или металлическим резцом; 3) пастовые и керамические бусы, формирующиеся из холодной пластичной массы; 4) стеклянные бусы литые, дутые и формованные из горячей массы и 5) металлические литые, кованные, чеканные, паянные и т. п. Изучаться они должны, в первую очередь, по признакам техники обработки, аналогично тому, как отдельно изучаются предметы торевтики, керамики и стеклянные сосуды, хотя все они имеют одинаковое назначение.

Окончательно выработанная классификация какой-либо категории предметов должна быть построена с учетом времени и места их производства. Если с ее помощью можно однозначно определить предмет, то можно считать, что задача классификации выполнена. К сожалению, уровень изученности каменных бус еще далеко не достаточен, чтобы можно было рассчитывать построить такую классификацию вполне обоснованно. Это задача будущих исследований. В настоящее время достаточно различать несколько основных типов производственных приемов изготовления бус, их материал и уметь точно и коротко описать форму бусины, дать ей название.

Формы каменных бус весьма разнообразны, и отсутствие соответствующей классификации крайне затрудняет дальнейшую уточненную работу по их изучению. Классификация форм бус, принятая в 1929 г. на Международном конгрессе археологов в Багдаде,² построена весьма примитивно, не

¹ Содержание доклада, прочитанного на заседании сектора первобытной археологии ИИМК 22 мая 1948 г.

² С. L. Woolley. *Ur Excavations*, т. II, 1934, стр. 366.

различает форм, присущих разным материалам, и далеко не охватывает всего разнообразия форм каменных бус, в частности представленных из раскопок на территории СССР. Повидимому, более подробная классификация бус, предложенная тогда же О. Беком,³ была этим конгрессом не принята и осталась нам неизвестной.

Попытки классифицировать бусы из каких-либо ограниченных археологических комплексов⁴ обычно используют недостаточно разнообразный материал. А механическим суммированием таких классификаций, построенных для различных комплексов, понятно, невозможно получить стройную классификацию, опирающуюся на единые и последовательно проведенные принципы. Между тем потребность в такой классификации определенно ощущается. Необходимость такой классификации почувствовал я сам, приступая к детальному исследованию каменных бус из раскопок Самтавро, Кармир-Блур, Мингечаура, Неаполя-Скифского и других мест. Поэтому я и решаюсь предложить вниманию советских археологов данную классификацию форм каменных бус, выработанную мною в процессе практического изучения почти всего раскопчного материала, имеющегося в главнейших музеях Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку и Еревана.

В известной мере по литературным данным учтены также и формы бус из раскопок в Египте, Месопотамии и Индии, но я не нашел возможным внести их полностью в прилагаемые к настоящей статье таблицы. В основном это касается фигурных бус и подвесок. Это объясняется стремлением, в первую очередь, использовать конкретный материал, который попадает в руки наших археологов. Полагаю, что такое ограничение использованного материала существенных пробелов в классификации не вызовет.

Форму каменных бус определяют различные факторы.

На ранних стадиях развития камнерезной техники разнообразие форм жестко ограничивается способами сверления и шлифовки.⁵ На поздних стадиях, когда технические трудности обработки твердых камней полностью преодолены, появляется гораздо большее разнообразие и в некоторых случаях даже известная вычурность форм, вообще не свойственная изделиям из твердых камней. Сами технологические свойства камней, форма и размеры исходного сырья налагают определенные рамки на возможности развития форм бус, а иногда даже определяют или подсказывают эти формы.

К таким природным свойствам надо отнести: 1) хрупкость, вследствие чего изделия не должны иметь тонких и сильно выступающих деталей, легко обламывающихся при изготовлении или употреблении; 2) твердость, которая заставляет максимально сокращать операцию шлифования заготовки, полученной путем окальвания или же взятой в виде природного кристалла или галечки; 3) текстура, распределение окраски и оптические свойства материала, иногда требующие особых приемов ориентировки изделия; 4) кристаллическая форма своей правильностью всегда привлекает внимание мастера-гранильщика; имеется ряд примеров сохранения природной кристаллической формы в изделиях, а иногда и имитации ее.

Далее в генезисе форм каменных бус заметную роль играют стремления имитации форм различных природных объектов, применявшихся в качестве бус, и форм, возникших и развившихся на других материалах. Сюда надо

³ Н. С. Веck. Classification and Nomenclature of Beads and Pendants. Archaeologia, г. 77, 1928.

⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. РАНИОН, 1930; С. L. Woolley. Указ. соч.; J. Marshall. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization, т. II, 1931.

⁵ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 22—30.

отнести, в первую очередь, имитации раковин и зубов, а также бус, сделанных из пластичных материалов — металла, фаянса, стекла, или бус, выточенных из мягких камней или рога и кости. Впрочем, надо заметить, что вначале при своем появлении изделия из фаянса, пасты и стекла, как правило, сами имитируют не только форму каменных бус, но и расцветку и фактуру каменного материала.

Наконец, некоторые бусы, а в особенности подвески, играли роль не только украшения, но часто имели магическое назначение предохраняющих амулетов. Классификация этих последних, естественно, должна строиться уже по функциональному признаку, т. е. по их магическому назначению и пр.⁶ Однако подавляющее число бус и подвесок имеет все же сравнительно простые, геометрически правильные формы. Поэтому в предлагаемой схеме классификации форм бус я и исходил в основном из классификации геометрических тел, а для плоскогранных бус отчасти из классификации габитусов кристаллов.

Бусы и подвески различаются друг от друга расположением сквозного отверстия. У бус отверстие проходит через центр тяжести тела и обычно совпадает с какой-либо осью фигуры, а у подвесок отверстие всегда расположено выше центра тяжести, что и отражено в самом их названии.

Кроме бус и подвесок, изредка попадаются изделия, имеющие два-три параллельных отверстия. Такие изделия, получившие название «разъединителей», служат для разъединения бус в ожерельях, составленных из нескольких рядов.

Формы бус разделяются на две основные группы, которые объединяют кривогранные и плоскогранные фигуры. Напомню, что гранями принято называть кривые или плоские поверхности, ограничивающие геометрические тела. Плоскогранные фигуры появляются значительно позже кривогранных, что, по видимому, находит объяснение, с одной стороны, в усовершенствовании шлифовальной техники (шлифовка вручную, на вертикальном диске, на горизонтальном диске), а с другой стороны, в развитии геометрических представлений и связи геометрических тел с магическими числами астральных религий.

Многие кривогранные бусы в результате усечения исходных фигур несут плоские поверхности, но это, однако, не дает им права быть отнесенными в группу плоскогранных бус.

К р и в о г р а н н ы е б у с ы. Все наблюдаемые формы кривогранных бус сведены в таблицу (рис. 52). В верхней части таблицы представлены формы обширной подгруппы бус, которые теми или иными операциями могут быть получены из следующих исходных геометрических тел вращения: цилиндра, биконуса, шара, эллипсоида, овалоида и веретена, глобоида, диска и тора (кольца).

Все формы бус, выведенные из этих исходных тел вращения, располагаются в соответственных вертикальных рядах. В горизонтальных рядах изображены бусы: 1) полных исходных форм, 2) форм, полученных путем сегментирования исходных тел, 3) форм, полученных комбинированием двух различных исходных тел или их сегментов.

В подавляющем большинстве кривогранные бусы являются телами вращения и только изредка встречаются формы, полученные деформацией исходных тел вращения и являющиеся обобщенными телами, т. е. телами, образующая которых перемещалась не по кругу, а по какой-либо иной выпуклой замкнутой кривой. Эти формы изображены в четвертом горизонтальном ряду.

⁶ E. A. W. Budge. Amulets and Superstitions. 1930; F. Petrie. Amulets. Illustrated by the Egyptian Collection in University College. London, 1914.

Тема вращения		Р е б р и с т ы е										II. Фигурные бусы			
		8. Выпуклогорные		9. Дальчатые		10. Желобчатые, или каннелюрованные						7. Дискovidные и кольцевидные			
Число граней	Число долей											6. Глобoidalные, или катушки			
2	4											5. Овалoidalные и деретеновидные			
3	6											4. Эллипсоидальные			
4	7											3. Шаровидные и линзовидные			
5	8											2. Биконические			
6	10											1. Цилиндрические			
7	11											1. Полные			
8	12											2. Сегменторобаные			
												3. Комбинированные			
												4. Деформированные, или обобщенные			
Формы кривогранных бус													7. Дискovidные и кольцевидные		
													6. Глобoidalные, или катушки		

Рис. 52. Таблица кривогранных бус

Общий облик бус любых форм, как кривогранных, так и плоскогранных, может быть укороченным, изометричным или удлиненным. Сквозной канал бусы может быть расположен по оси фигуры или же перпендикулярно ей.

Во вторую подгруппу кривогранных бус выделены формы, которые не могут быть простыми операциями получены из тел вращения. Это тела, поверхности которых расчленены на кривые грани с кривыми ребрами. Они в известной мере являются как бы промежуточными между кривогранными и плоскогранными формами (еще раз напомним, что гранями принято называть плоские или кривые поверхности тела, а ребрами — прямые или кривые линии пересечения этих поверхностей). Такие бусы я предлагаю называть ребристыми. Они подразделяются на выпуклые, дольчатые и желобчатые, или каннелированные, формы которых ясны из рисунков таблицы. Еще более дробно ребристые бусы могут быть расклассифицированы по числу кривых граней, долек или желобков, что и является сходным с классификацией плоскогранных тел. Кроме того, надо различать еще общий облик ребристой бусины, по которому она может быть сближена с каким-либо телом вращения. Наконец, совершенно особо выделены формы немногочисленных фигурных бус.

В значительной мере эта классификация, конечно, охватывает и формы, применявшиеся для бус, изготовлявшихся из других материалов. Однако сразу бросается в глаза отсутствие форм, специфичных для бус, сделанных из пластичных материалов, как, например: ажурных, бородавчатых, витых и т. п.

Плоскогранные бусы. Формы плоскогранных бус представлены на таблице (рис. 53). В верхней части таблицы изображены формы, являющиеся или простейшими плоскогранными геометрическими телами — призмой и дипирамидой, или комбинацией этих двух тел (вертикальные ряды).

Общим для всех этих бус является принцип дальнейшего деления по числу сторон в основании фигуры, 4, 5, 6, 7 и 8 (горизонтальные ряды). Важно отметить присутствие таких трудно выполнимых фигур, как имеющих 5- и 7-сторонние основания, что несомненно связано с мистическими значениями чисел в астральных религиях и в частности для средневекового востока с сабеистическими пережитками в исламе.

В свою очередь призматические бусы подразделяются на правильные, т. е. с основанием призмы, имеющим равные по длине стороны, и на уплощенные, т. е. с двумя более широкими параллельными сторонами. Причем уплощенные формы имеются только у фигур с четным числом сторон (4, 6 и 8). Дипирамидальные бусы подразделяются на полные, усеченные и сжатые формы, т. е. опять-таки формы, у которых основание фигуры имеет две параллельные более широкие стороны.

Комбинированные формы строятся комбинацией призмы и дипирамиды. Обычно число сторон основания призмы и пирамиды одинаковое. По способу сочетания комбинированные формы подразделяются на параллельные и перекрещенные, т. е. на формы, у которых в первом случае грани дипирамиды притупляют ребра оснований призмы, а во втором — вследствие поворота дипирамиды притупляют углы или вершины оснований. Эти сравнительно сложные перекрещенные комбинированные формы обладают более эффективно расположенными отражающими поверхностями и являются переходными к настоящим фасетированным бусам, выделенным далее в особую подгруппу.

Все типы граненых бус, как и кривогранные бусы, по своему облику могут быть еще подразделены на укороченные, изометрические и

Индекс	Призматические			Дипирамидальные			Комбинированные		
	12. Прямые	13. Уплощенные	14. Полные	15. Усеченные	16. Сжатые	17. Параллельные	18. Перекрещенные		
4									
5									
6									
7									
8									
	19. Фасетированные			20. Особые формы					
1 грани									
2 грани									
3 грани									

Формы
плоскогранных
бус

Рис. 53. Таблица плоскогранных бус

удлиненные или (для дипирамидальных) по углу наклона граней — на тупые, прямые и острые.

Наконец, упомянутая выше подгруппа фасетированных бус является позже всех и благодаря богатству оптических эффектов отражения и преломления применяется преимущественно к прозрачным камням, хотя имеются такие бусы и из сердолика. Развитие форм фасетированных бус шло, наряду с развитием форм огранки драгоценных камней, для вставок, и в конечном счете эти формы почти вытеснили все остальные как плоскогранные, так и кривогранные формы бус, за исключением, может быть, шаровидных и эллипсоидальных. Фасетированные бусы подразделяются, с одной стороны, по форме граней (треугольник, трапеция, ромб), а с другой стороны, по облику фигуры, с которой они могут быть сближены: на сплюснутые эллипсоидальные, шаровидные и вытянутые эллипсоидальные.

Согласно общему принципу классификации граненых бус они также могут быть далее подразделены по числу меридиональных и, в особенности, широтных рядов граней, зависящему отчасти от размеров бусины.

Наконец, в качестве резервного в классификации плоскогранных бус имеется еще раздел бус особых форм, не описанных ни в одном из перечисленных типов бус. Сюда должны войти гибридные формы, построенные сочетанием плоских и кривых граней, и сложные комбинированные формы.

В большинстве случаев направление канала бусины совпадает с осью фигуры, но изредка, гораздо реже, чем у кривогранных бус, канал сверлится в перпендикулярном направлении.

Разъединители. Для больших ожерелий из двух-трех рядов бус часто изготовлялись специальные разъединители, имеющие два-три параллельных отверстия. Уже в силу своего служебного назначения они обычно уплощены и чаще всего имеют параллелепipedальную форму. Отверстия чаще просверлены параллельно короткой стороне, редко — параллельно диагонали квадрата или ромба. В некоторых случаях разъединитель имеет специфическую форму пластины с двумя округлыми врезами, диска, цилиндра или бисквита. Классифицированы разъединители могут быть по форме пластины и по числу отверстий.

Разъединитель, занимающий в ожерелье центральное место, иногда имеет еще одно дополнительное отверстие, перпендикулярное отверстиям, через которые проходят нити ожерелья. Это особое отверстие служит для укрепления крупного подвеска-амулета. Формы разъединителей изображены на рис. 54.

Подвески. Формы подвесок, представленных на рис. 54, могут быть разделены на: 1) тела вращения, 2) симметричные тела, имеющие одну или две всегда вертикальные плоскости симметрии, и 3) фигуры.

Однако, как известно, большинство подвесок являлось предохранительными амулетами-оберегами, изображающими части тела, животных или части предметов, и только в результате далеко идущей схематизации они иногда редуцированы до простых геометрических фигур. Требуется большая сравнительная работа, чтобы установить исходные формы и тем самым перевести ту или иную форму подвеска из первых двух формально описываемых подгрупп подвесок в третью группу осмысленных фигурных амулетов. Пока же такая работа не проделана, подвески различных форм могут описываться на основании тех же геометрических принципов, которые применялись для описания кривогранных и плоскогранных бус.

Стиль формы подвесок, естественно, совпадает со стилем формы бус разного производства, поскольку те же приемы моделирования формы бус,

которые применялись в мастерских различных производственных традиций, соответственно применялись и при изготовлении подвесок. Поэтому обычно не представляет особого труда отнести их к тому или иному типу бус.

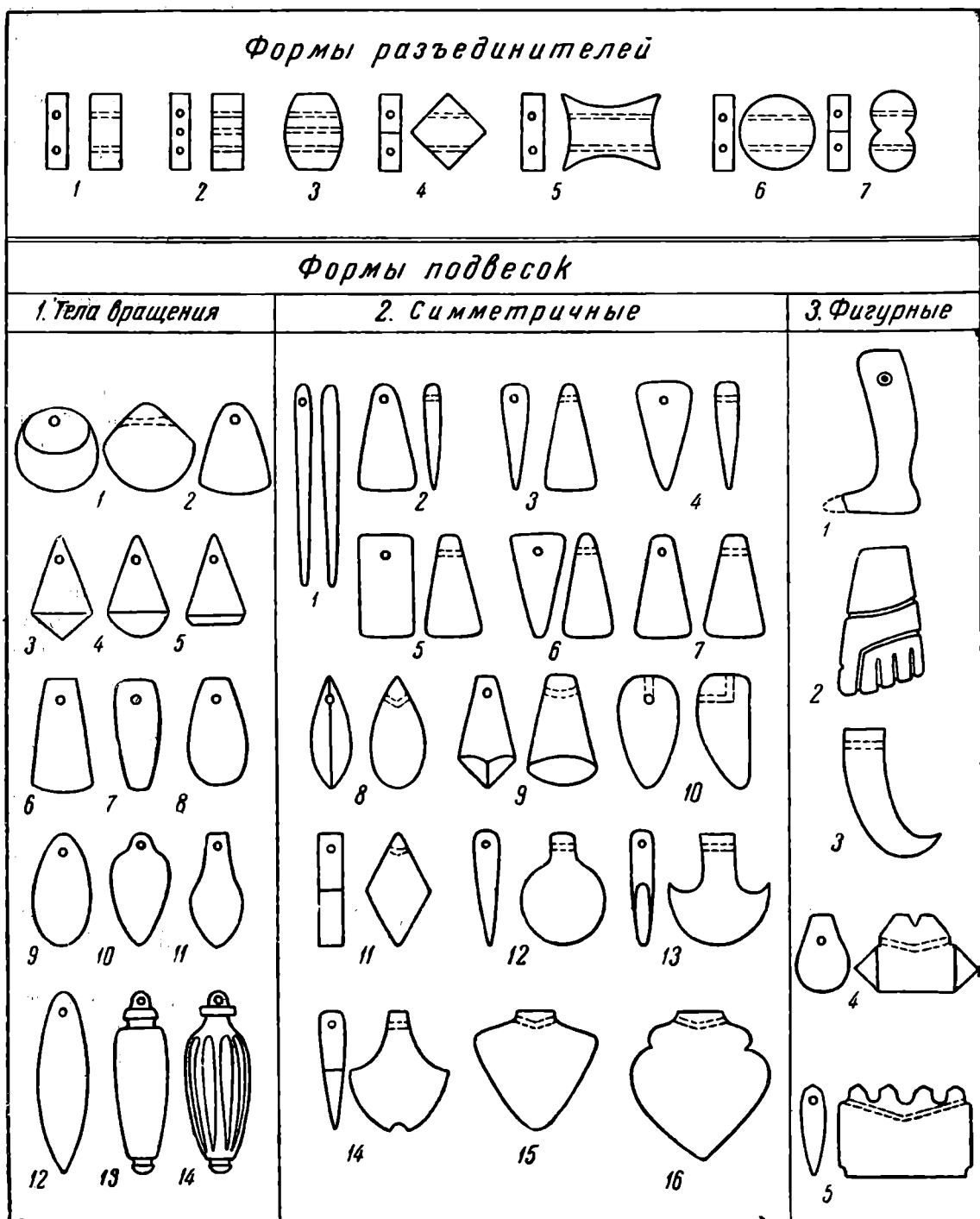

Рис. 54. Формы разъединителей и подвесок

Перечисленными формами исчерпывается все разнообразие бус и подвесок, изготовлявшихся с XX—XVII вв. до н. э. по X—XII вв. н. э., насколько можно было об этом судить по материалам раскопок на территории СССР. Как было выяснено в моей работе о технике сверления каменных бус и более обстоятельно в монографии о «Каменных бусах Самтавр-

ского некрополя»,⁷ за этот период можно различать 12 более или менее обособленных типов бус, различающихся по материалу и технике изготовления. Особое разнообразие типов бус встречается в памятниках эпохи бронзы с X по VI в. до н. э., раскопанных на Сев. Кавказе и в Закавказье.

Приведу все различаемые мною по производственным признакам и материалу типы бус с самыми краткими характеристиками и примерными датировками, опирающимися на данные раскопок в Самтавро, Мингечауре, Кармир-Блуре и др.

В данной статье даны списки «шифров», наблюдавшихся для данного типа форм бус и подвесок. Первая цифра шифра означает номер вертикального ряда таблиц (рис. 52 и 53); вторая цифра — номер или индекс горизонтального ряда; третья — номер изображения в соответствующей клетке таблицы. Подобным же образом построены шифры разъединителей и подвесок, изображенных на рис. 54.

1. Сердоликовые бусы с кратеровидным коническим отверстием, сделанные микролитическим кремневым сверлом. Майкопский курган и ст. Пролетарская (б. Царская), XX — XVII вв. до н. э. Происхождение их пока неизвестно.

Бусы: 111, 112, 131, 221, 322, 331, 421, 423, 441, 543; подвески: 17, 21, 22, 23, 24.

2. «Рубленые» бусы из сургучно-красного яшмовидного сердолика, с отверстием, просверленным трубкой. Нижние слои Самтавро, Мингечаур, Ходжалы, Редькин лагерь и др. Они наиболее распространены и обильны в эпоху ранней бронзы. Встречаются с XII по V в. до н. э. Происхождение неизвестно.

Бусы: 111, 112, 131, 141, 212, 213, 221, 13-42; подвеска — 17.

3. Бусы из трещиноватого сердолика, с широким параболическим отверстием, просверленным штифтом. Обычно сферической формы. Широко распространены по всему Вост. Закавказью, начиная с эпохи ранней бронзы по X — VI вв. до н. э. Происхождение неизвестно.

Бусы: 211, 213, 311, 321, 322, 412, 422.

4. Бусы из «черепашьего» сердолика, с отверстием, просверленным ширококонической трубкой. Материал этих бус идентичен с материалом бус 12-го типа, явно египетского происхождения. Очевидно, что они изготовлялись также в Египте. Найдены в небольших количествах в Самтавро, Мингечауре, Кармир-Блуре и др. Встречаются с X по VII в. до н. э.

Бусы: 111, 112, 131, 232, 321, 325, 331, 862.

5. Бусы из светлорозового сердолика, просверленные трубкой. Весьма широко распространены по всему Закавказью и отчасти Сев. Кавказу в эпоху бронзы с XI по V в. до н. э. Особое обилие форм имеется в Ходжале и менее — в Самтавро и Мингечауре. Материал и техника изготовления идентичны с ассирийскими цилиндрами.

Бусы: 111, 112, 113, 114, 131, 141, 142, 211, 212, 213, 321, 322, 331, 411, 422, 444, 513, 522, 523, 541, 611, 631, 711, 713, 841, 842, 861, 11-3, 12-51, 13-41, 17-42; разъединители: 1, 2, 3; подвески: 1-11, 23, 2-12, 2-13.

6. Мелкие бусы из вишнево-красного сердолика, сверленные штифтом. Преимущественно пятиугольной формы. В сравнительно небольших количествах обнаружены в Самтавро, Мингечауре, Кармир-Блуре и др. с X по V в. до н. э. По материалу идентичны с бусами 1-го типа. Происхождение неизвестно.

Бусы: 111, 212, 221, 311, 851, 852; подвеска — 13.

⁷ Реферат доклада на эту тему помещен в КСИИМК, вып. XXIV, 1949 г.

7. Бусы из каштаново-бурого сердолика — «сарда», сверленные тонким штифтом. Выделяются исключительной тщательностью отделки, своеобразием и правильностью формы. Известны большие ожерелья из сфероидальных бус в Парцханаканеви и Носири (Зап. Грузия) и различные бусы из Кармир-Блур, Самтавро, Мингечаура. Встречаются обычно единичными или немногими экземплярами, вкрапленными в низки бус других типов, чаще всего 6-го типа. Датируются X—V вв. до н. э.

Бусы: 114, 212, 223, 224, 225, 311, 631, 711, 841, 862, 15-72, 18-43; разъединители: 2, 3; подвески: 11 (древнейшая форма — около XV в. до н. э.), 13, 14, 16, 19, 23.

8. Крупные сардониковые бусы преимущественно удлиненно-эллипсоидальной формы. Встречаются редко, единичными экземплярами в погребениях Закавказья эпохи бронзы. Целое ожерелье в сочетании с бусами типа 7-го известно только из Кармир-Блур. К этому же типу, повидимому, надо отнести известную бусину царя Ададнирари из Ходжалы.⁸ Датируются VIII—V вв. до н. э.

Бусы: 421, 442, 712, 881, 11-1; подвеска — 12.

9. Необычайно миниатюрные бусы из золотисто-оранжевого сердолика и тонкослойного сардоника, с весьма тонким строго цилиндрическим отверстием, сверленным осколком алмаза. Единичными экземплярами встречены в Кармир-Блуре, Самтавро и др. Наиболее обильно найдены в Мингечауре в погребениях с вытянутыми костяками. Датируются VIII—V вв. до н. э. Необходимо отметить тщательность отделки и своеобразие форм. Изготовлены, повидимому, в Индии.

Бусы: 111, 113, 141, 231, 311, 422, 542, 731, 831, 14-41, 15-62, 17-43; разъединитель — 5; подвески: 17, 1-11, 23.

10. Крупные сердоликовые и, реже, хрустальные бусы, сверленные алмазным или двуалмазным сверлом. Сердоликовые бусы, иногда с белым рисунком. По материалу и технике изготовления вполне идентичны сасанидским печатям с пехлевийскими надписями. Довольно распространены по всему Закавказью, Сев. Кавказу, в Причерноморье и в Ср. Азии. По времени отвечают парфянской и сасанидской эпохам и являются, повидимому, продуктом ирано-индийской индустрии. Датируются II в. до н. э.—VI в. н. э.

Бусы: 241, 311, 323, 325, 334, 411, 412, 421, 542, 544, 711, 941 (?), 10-81, 10-82, 10-11-1, 12-41, 14-42, 14-62, 15-42, 15-51, 15-62, 16-62, 17-61, 18-42; разъединитель — 2; подвески: 16, 18, 25, 2-10, 33.

11. Крупные сердоликовые и хрустальные бусы, изготовленные из того же материала и той же техникой, что и бусы 10-го типа. Материал вполне идентичен материалу печатей с мусульманскими надписями. Широко распространены по всем районам, охваченным арабской торговлей. Этот тип является продолжением типа 10-го в эпоху ислама. Датируются VII—XIII вв. н. э.

Бусы: 113, 311, 325, 441, 444, 521, 731, 861, 862, 881; 10-61, 11-2, 11-4, 12-63, 12-83, 13-83, 14-42, 14-61, 14-81, 14-82, 15-62, 16-41, 16-61, 17-81, 17-83, 18-43, 18-44, 18-45, 18-81, 19-11, 19-12; подвески: 24, 28, 29, 2-14, 2-15, 2-16, 32, 34, 35.

12. Бусы с надпилем у входного отверстия, предупреждавшим соскальзывание трубчатого сверла в начале сверления. Сделаны из разнообразных материалов и довольно часто из «черепашковидного» сердолика. Особенно обильно распространены в Крыму, на юге России, в Зап. Грузии. Реже встречаются в каменных ящиках Самтавро. Бусы и скарабей той же техники изготовления и материала известны из Египта) эллинистич-

⁸ И. И. Мещанинов. Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана. Изв. Об-ва обследов. и изуч. Азербайджана, т. II, Баку, 1926, стр. 49—57.

ческого и римского времени. Хорошо датируются III в. до н. э.—IV в. н. э.

Бусы: 111, 114, 141, 211, 213, 221, 222, 311, 322, 325, 341, 412, 413, 421, 422, 441, 442, 443, 511, 521, 522, 641, 841, 851, 961, 981, 982, 9-12-1, 10-71, 10-10-1, 10-10-2, 11-5, 11-6, 12-42, 13-43, 13-63, 14-42, 18-41, 18-43, 18-44; разъединители: 6, 7; подвески: 16, 1-12, 1-13, 1-14, 24.

Я не буду сейчас подробно останавливаться на смене и развитии форм бус разных типов, о которых поверхностное представление уже дает рассмотрение приведенных списков. Надеюсь, что мне удастся это сделать при более обстоятельном описании всех типов. Обращу внимание только на следующие любопытные факты.

1. Некоторые типы бус при большом обилии экземпляров и распространенности представлены значительным числом форм (типы 5, 10, 11 и 12). С моей точки зрения, это говорит о развитом производстве и прочно налаженных торговых связях.

2. Другие типы бус при большом обилии экземпляров, наоборот, представлены сравнительно очень малым числом форм (типы 2, 3 и 6). Это сопровождается грубостью отделки и невысоким качеством материала. Можно думать, что они являются продукцией малоразвитого производства, расположенного в ближних районах.

3. Наконец, имеются типы бус, встречающиеся единичными экземплярами или в очень ограниченных количествах, но отличающиеся в то же время относительно очень большим разнообразием и сложностью форм (типы 7 и 9).

Одновременно отмечается высокая тщательность отделки, точность изготовления и совершенство приемов сверления. Все это, повидимому, говорит об очень высоком уровне производства и о случайном привозе из удаленных районов.

4. Интересно преимущественное развитие форм, производных от тел вращения, на протяжении длительного периода II и I тысячелетий до нашей эры.

5. Любопытно сравнительно недолгое существование дольчатых и желобчатых форм.

6. Обращает на себя внимание также заметное увеличение числа плоскогранных форм в эпоху ислама по сравнению с сасанидской и в особенности с парфянской эпохами (типы 10 и 11). При более детальном изучении бус этих типов можно будет, повидимому, проследить эволюцию форм и техники в пределах одной производственной традиции на протяжении более тысячелетия.

Номенклатура форм. Название каждой формы дается по схеме, которая задана принципами, положенными в основу классификации. В то же время я старался придерживаться применявшихся в археологии названий, если они достаточно привились. Для большинства форм можно было найти сравнительно простое название, но иногда более сложные формы получают и более сложное описательное название.

Нижеследующий перечень всех названий бус построен следующим образом. В первой графе стоит «шифр», по которому можно найти изображение бусины на рис. 52 и 53. (Напомню, что первая цифра шифра означает номер вертикального ряда, вторая — номер или индекс горизонтального ряда, а третья — номер изображения в соответствующей клетке таблицы). Во второй графе дается полное название бусины. В третьей — перечисляются, согласно вышеприведенному списку, номера тех типов бус, в которых данная форма была встречена. Подобным же образом построен и список названий форм разъединителей и подвесок, только шифры там одно- и двузначные.

1. Формы кривогранных бус (Рис. 52)

А. Тела вращения

1. Цилиндрические формы

111.* Коротко-цилиндрическая	1, 2, 4, 5, 6, 9, 12 **
112. Цилиндрическая	1, 2, 4, 5
113. Удлиненно-цилиндрическая	5, 9, 11
114. Трубчатая	5, 7, 12
121. Цилиндрическая, двусторонне-сегментированная параллельно оси	
122. Цилиндрическая, односторонне-сегментированная параллельно оси	
131. Цилиндрическая с коническими фасками	1, 2, 4, 5
141. Сплюснuto-цилиндрическая	2, 5, 9, 12
142. Треугольно-цилиндрическая	5

2. Биконические формы

211. Тупая биконическая	3, 5, 12
212. Биконическая	2, 5, 6, 7
213. Острая биконическая	2, 3, 5, 12
214. Удлиненно-биконическая	
221. Биконическая сегментированная	1, 2, 6, 12
222. Коническая сегментированная	12
223. Биконическая, сегментированная перпендикулярно и параллельно оси	7
224. Биконическая, сегментированная параллельно и перпендикулярно оси	7
225. Удлиненно-биконическая, сегментированная параллельно оси	7
231. Биконическая с цилиндрической фаской	9
232. Грушевидная	4
241. Квадратно-биконическая	10

3. Шаровидные и линзовидные формы

311. Шаровидная или сфероидальная	3, 6, 7, 9, 10, 11, 12
321. Шаровидная сегментированная	3, 4, 5
322. Экваториальный сегмент	1, 3, 5, 12
323. Шаровидная, односторонне-сегментированная параллельно оси канала	10
324. Плосковыпуклая	
325. Двояковыпуклая	4, 10, 11, 12
326. Линзовидная	
331. Шаровидная с цилиндрическим пояском	1, 4, 5
332. Плосковыпуклая с цилиндрической фаской	
333. Двояковыпуклая с цилиндрической фаской	
334. Двояковыпуклая разной кривизны	10
341. Линзовидно-эллиптическая	12

4. Эллипсоидальные формы

411. Сплюснuto-эллипсоидальная	5, 10
412. Эллипсоидальная, „оливка“	3, 10, 12
413. Удлиненно-эллипсоидальная	12
421. Эллипсоидальная сегментированная	1, 8, 10, 12
422. Бочковидная	3, 5, 9, 12
423. Сплюснuto-эллипсоидальная, односторонне-сегментированная параллельно каналу	1
441. Уплощенная эллипсоидальная	1, 11, 12
442. Уплощенная удлиненно-эллипсоидальная	8, 12
443. Скарабеид	12
444. Трехгранно-эллипсоидальная	5, 11

5. Овалоидальные и веретеновидные формы

511. Овалоидальная (каплевидная)	12
512. Веретеновидная	
513. Веретеновидная с поперечным каналом	5
521. Овалоидальная, сегментированная у тонкого конца	11, 12
522. Веретеновидная, сегментированная, с поперечным каналом	5, 12

* Цифры означают «шифр» рисунка на таблице. Первая цифра шифра означает номер вертикального ряда, вторая — номер или индекс горизонтального ряда, а третья — номер изображения в соответствующей клетке таблицы.

** Цифра означает номера типов бус, описанных на стр. 165—167.

523. Веретенovidная, сегментированная параллельно оси, с поперечным каналом	5
541. Ромбовидно-овалоидная	5
542. Уплощенная веретенovidная	9, 10
543. Уплощенная веретенovidная с поперечным каналом	1
544. Линзовидно-овалоидальная, миндалевидная	10

6. Глобoidalные, или катушковидные, формы

611. Глобoidalная	5
631. Двойная глобoidalная	5, 7
641. Уплощенная глобoidalная	12

7. Дисковидные и кольцевидные формы

711. Дисковидная цилиндрическая, или слабоконическая	5, 6, 10, 11, (?), 12
712. Дисковидная со сглаженными краями	8
713. Кольцевидная	5
731. Дисковидная с коническими фасками	9, 11

Б. Ребристые формы

8. Выпуклогранные формы

821. Двугранновыпуклая	
831. Трехгранновыпуклая	9
841. Четырехгранновыпуклая	5, 7, 12
842. Четырехгранновыпуклая призматическая	5
851. Пятигранновыпуклая короткая	6, 12
852. Пятигранновыпуклая	6
861. Шестигранновыпуклая	5, 11
862. Ромбовидная шестигранновыпуклая	4, 7, 11
881. Веретенovidная восьмигранновыпуклая	8, 11

9. Дольчатые формы

941. Четырехдольчатая	10, (?)
961. Шестидольчатая	12
981. Сплюснутая восьмидольчатая	12
982. Шаровидная восьмидольчатая	12
9-12-1. Сплюснутая двенадцатидольчатая	

10. Желобчатые, или каннелированные, формы

10-61.*** Сплюснутая шестижелобчатая	11
10-71. Шаровидная семижелобчатая	12
10-81. Эллипсоидальная восьмижелобчатая витая	10
10-82. Цилиндрическая восьмижелобчатая	10
10-10-1. Шаровидная десятижелобчатая	12
10-10-2. Сплюснутая десятижелобчатая	12
10-11-1. Эллипсоидальная одиннадцатижелобчатая	10 или 12 (?)

11. Фигурные формы

11-1. Бутон лотоса или плод мандрагоры (бусина царя Аладнирари)	8 (?)
11-2. Лягушка	12
11-3. Финик	11
11-4. Астрагал	12 (?)

II. Формы плоскогранных бус (Рис. 53)

12. Правильные призматические формы

12-41. Четырехгранно-призматическая короткая	10
12-42. Кубовидная	12
12-43. Четырехгранно-призматическая	
12-51. Пятигранно-призматическая короткая	5
12-52. Пятигранно-призматическая	

*** Шифры, разделенные знаком «дефис», составлены из двузначных номеров вертикальных и горизонтальных рядов таблицы. Так, 9-12-1 означает: 9 — вертикальный ряд, 12 — горизонтальный и 1 — рисунок в клетке; или 10-61 означает: 10 — вертикальный ряд, 6 — горизонтальный и 1 — рисунок в клетке.

12-61.	Шестигранно-призматическая короткая, „шашка“	
12-62.	Шестигранно-призматическая	11
12-63.	Шестигранно-призматическая длинная	11
12-83.	Восьмигранно-призматическая длинная	11
13. Уплощенные призматические формы		
13-41.	Параллелепипедальная	5
13-42.	Квадратная	2
13-43.	Пластинчатая	10 или 12
13-63.	Уплощенная шестигранно-призматическая	12
13-83.	Уплощенная восьмигранно-призматическая	11
14. Полные дипирамидальные формы		
14-41.	Четырехугольная дипирамидальная, октаэдрическая	9
14-42.	Четырехугольная дипирамидальная острая	10, 11, 12
14-61.	Шестиугольная дипирамидальная тупая	11
14-62.	Шестиугольная дипирамидальная острая	10, 11
14-71.	Семиугольная дипирамидальная	11
14-81.	Восьмиугольная дипирамидальная	11
14-82.	Восьмиугольная дипирамидальная острая	11
15. Усеченные дипирамидальные формы		
15-41.	Четырехугольная дипирамидальная усеченная короткая	10, 11
15-42.	Четырехугольная дипирамидальная усеченная	10
15-51.	Пятиугольная дипирамидальная усеченная	10
15-61.	Шестиугольная дипирамидальная усеченная короткая	10
15-62.	Шестиугольная дипирамидальная, усеченная параллельно оси	10
15-71.	Семиугольная дипирамидальная усеченная короткая	11
15-72.	Семиугольная дипирамидальная усеченная	11
16. Сжатые дипирамидальные формы		
16-41.	Четырехугольная сжатая дипирамидальная	11
16-61.	Шестиугольная сжатая дипирамидальная	11
16-62.	Шестиугольная сжатая дипирамидальная острая с поперечным каналом	10
16-81.	Восьмиугольная сжатая дипирамидальная	10, 11
17. Параллельно-комбинированные формы		
17-41.	Четырехугольная дипирамидально-призматическая короткая	11
17-42.	Четырехугольная призматическая с пирамидальными фасками	5
17-43.	Ромбовидная пронизка с пирамидальными фасками и диагональным отверстием	9
17-61.	Шестиугольная дипирамидально-призматическая короткая	10
17-71.	Семиугольная дипирамидально-призматическая короткая	11
17-81.	Восьмиугольная дипирамидально-призматическая короткая	11
17-82.	Восьмиугольная дипирамидально-призматическая	11
17-83.	Восьмиугольная призматическая с пирамидальными притуплениями	11
18. Перекрещенно-комбинированные формы		
18-41.	Четырехугольная перекрещенная дипирамидально-призматическая короткая	12
18-42.	Четырехугольная перекрещенная дипирамидально-призматическая, или кубо-октаэдрическая	10
18-43.	Четырехугольная перекрещенная дипирамидально-призматическая удлиненная	7, 11, 12
18-44.	Четырехугольная перекрещенная дипирамидально-призматическая уплощенная	11, 12
18-45.	Четырехугольная коротко-призматическая с пирамидальным притуплением вершин и ребер	11
18-81.	Восьмиугольная призматическая с перекрещенно-пирамидальными концами	11
19. Фасетированные формы		
19-11.	С треугольными гранями, трехъярусная по 5, 10 и 5 граней	11
19-12.	С треугольными гранями, трехъярусная по 6, 12 и 6 граней	11
19-13.	С треугольными гранями, трехъярусная по 12, 16, 12 граней	11
19-14.	С треугольными гранями, четырехъярусная по 12, 16, 16 и 12 граней	11

- 19-21. С трапециевидными гранями многоярусная
 19-31. С ромбовидными гранями

20. Особые формы бус

- 20-1. Куб с цилиндрическими отростками на гранях (подражание точеным формам) 11
 20-2. Сочетание тупой и острой шестиугольных пирамид 11

III. Формы разъединителей (Рис. 54)

1. Параллелепипедальная с двумя отверстиями 5
 2. Параллелепипедальная с тремя отверстиями 5, 7, 10
 3. Пластинчатая с выпуклыми боками с тремя отверстиями 5, 7
 4. Ромбовидная с двумя отверстиями
 5. Пластинчатая с округлыми вырезами с двумя отверстиями 9
 6. Дисквидная
 7. Бисквитообразная с двумя отверстиями 12

IV. Формы подвесок (Рис. 54)

1. Формы подвесок в виде тел вращения

11. Сфероидальная сегментированная с двумя наклонными плоскостями (архаическая форма из Самтавро, датируемая серединой II тыс. до н. э.) 7
 12. Коническая 8
 13. Коническая с тупоконическим основанием (имитация раковины) 6, 7
 14. Коническая с полусферическим основанием 7
 15. Коническая с фаской у основания
 16. Притупленная коническая 7, 10, 12
 17. Притупленная обратно-коническая 1, 9
 18. Каплевидная 10, 12
 19. Грушевидная 7
 1-10. Гроздевидная
 1-11. Амфоровидная 5, 9
 1-12. Веретеновидная . . . . . 10 (?), 12
 1-13. Веретеновидная с заточками (фалический амулет) 12
 1-14. Веретеновидная каннелированная 12

2. Симметричные формы подвесок

21. Игольчатая 1
 22. Треугольная с перпендикулярным отверстием 1
 23. Треугольная с параллельным отверстием 1, 5, 7, 9
 24. Обратно-треугольная 1, 11, 12
 25. Клиновидная 10
 26. Тетраэдрическая
 27. Пирамидальная
 28. Миндалевидная 11
 29. Топоровидная 11
 2-10. Яйцевидная с Г-образным отверстием 10
 2-11. Ромбовидная 10
 2-12. Круглая (соляренный амулет) 5
 2-13. Полулунная (лунарный амулет) 5
 2-14. Полулунная с вырезом 11
 2-15. Сердцевидная 11
 2-16. Схематизированное изображение лягушки (амулет плодородия)

3. Формы фигурных подвесок

31. Нога (из курганного погребения в Триалети; ⁹ известны аналогичные амулеты „uort“ в Египте эпохи древнего царства) ¹⁰
 33. Рука 11
 38. Клык 10
 34. „Капскуль“ (имитация металлической трубочки для хранения заклинания или текста из корана) 11
 35. „Капторга“ (имитация кожаного или металлического футляра для кресала, носимого на поясе)

⁹ Б. А. Куфтин. Археол. раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. С1.

¹⁰ Brunton. Qau and Badari, т. II, 1928; F. Petrie. Amulets, 1914, стр. 11.

В приведенной классификации я стремился охватить все разнообразие форм бус из твердых камней, встречающихся в раскопках на территории Советского Союза. Все формы, приведенные в багдадской классификации, так или иначе вошли в мою классификацию. По большей части они соответствуют группам форм, объединенным в вертикальных рядах рис. 52 и 53. Таким образом, настоящая классификация является значительно более дробной, чем принятая в зарубежной археологии. Что же касается форм подвесок, то материал наших музеев в этом отношении оказался беднее, чем можно было бы ожидать по обилию бус. Вероятно, это имеет свое объяснение, на котором сейчас я останавливаться не буду. Поэтому раздел подвесок отнюдь не может претендовать на полноту и стройность.

Сознавая все недостатки предлагаемой классификации форм бус и подвесок из твердых камней, в особенности в отношении их номенклатуры, я тем не менее решаюсь предложить ее вниманию советских археологов как первоначальный опыт и основу для выработки окончательной классификации после соответствующего всестороннего ее обсуждения.

Пользуюсь случаем принести здесь свою признательность А. М. Апакидзе, С. М. Казиеву, К. Г. Кафадаряну, Б. Б. Пиотровскому, С. П. Толстову, П. Н. Шульцу, А. А. Иессену, А. А. Передольской, Е. И. Крупнову, А. П. Смирнову, Б. А. Рыбакову, О. А. Граковой, Б. А. Куфтину и др., благодаря любезному содействию которых я имел возможность ознакомиться с обширными фондами музеев и интереснейшими неизданными материалами новых раскопок. С особой благодарностью я должен вспомнить академика С. Н. Джанашиа, заинтересовавшего меня этой темой и предложившего мне обработать каменные бусы из раскопок Самтаврского некрополя.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АК — Археологическая комиссия
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
ЗОРСАРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН СССР — Известия Академии Наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КазФАН — Казахский филиал Академии Наук
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
МАК — Материалы Археологической комиссии
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
-

СОДЕРЖАНИЕ

Значение трудов товарища Сталина для изучения ранних периодов истории	3
---	---

I. СООБЩЕНИЯ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК. АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований ИИМК за 1948 г. Информация	7
---	---

II. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ

<i>С. И. Руденко</i> . Раскопки Пазырыкской группы курганов	11
---	----

III. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ

<i>А. П. Черныш</i> . Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре	26
<i>Т. С. Пассек</i> . Трипольские поселения на Днестре	40
<i>В. И. Бибикова</i> . Домашние и дикие животные из поселения Лука-Врублевская	57
<i>П. Д. Степанов</i> . Фатьяновские поселения на средней Суре	62
<i>А. В. Збруева</i> . Памятники поздней бронзы в Прикамье	70
<i>Е. И. Крупнов</i> . Археологические работы в Кабарде и Грозненской области	85
<i>И. В. Синицын</i> . Археологические памятники по реке Малый Узень	101
<i>К. Ф. Смирнов</i> . Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа	113
<i>Л. Р. Кызласов</i> и <i>А. Х. Маргулан</i> . Плиточные ограды могильника Бегазы	126

IV. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>Е. Векилова</i> . Позднепалеолитические стоянки в Крыму	137
<i>В. И. Зубков</i> . Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке	141
<i>В. М. Раушенбах</i> . Неолитическая стоянка у д. Б. Буньково	151
<i>Г. Г. Леммлейн</i> . Опыт классификации форм каменных бус	157
Список сокращений	173

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Полова*
Технический редактор *Н. А. Невраева*
Корректор *Е. И. Чукина*

*

РИСО АН СССР № 3805. Т-00865. Издат. № 2400.
Тип. заказ № 2713. Подп. к печ. 16/III 1950 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Печ. л. 11.
Уч.-изд. л. 14.75. Тираж 2000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	5 св.	развитие	развитии
36	Подп. под рис. 7, 2 св.	на обложке	на обломке
58	Табл., 1-я гр., 6—7 св.	и процент	и процент
• 58	Табл., 1-я гр., 15 св.	<i>Lepas</i> sp.	<i>Lerius</i> sp.
88	14 св.	происходит	происходят
106	Подп. под рис. 29, 2 св.	—	1—
111	Подп. под рис. 33, 1 св.	Бек-Бики	Бек-Бике
168	6 св.	удлиненно-цилиндрическая	удлиненно-цилиндрическая

Краткие сообщения ИИМК, т. XXXII